

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 4 / 2022

Том 28

DOI: 10.19181/nko.2022.28.4

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК.
Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2022

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролуб, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильчева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Miroљub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Назаров М. М.

Производство согласия: объяснительная модель функционирования медиа 8

Сащенко Н. П.

Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии 22

Кошелев А. А., Ивченкова М. С.

Экспертное знание как социальный феномен: теоретико-методологический анализ 36

Максимова Н. Г.

Базы данных как эффективный инструмент анализа и предупреждения инцидентов скулшутинга. 44

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.

Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодёжи 56

Рогачев С. В., Горлов К. Н.

Социальная консолидация в современном городе в условиях развития цифровых коммуникаций 75

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Мерзликин Н. В., Иванов А. В.

Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) 85

Шуштанова И. С.

Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ 97

ПОЛИТОЛОГИЯ

Данкова Ж. Ю., Забузов О. Н., Мельков С. А.

Новая научная специальность по политологии «Государственное управление и отраслевые политики» как особое предметное поле политической науки . . 109

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Лютенко И. В.

Интерес к нетрадиционным религиям московской молодёжи и мигрантов (сравнительный анализ 2021 г.) 122

Кублицкая Е. А.

Этноконфессиональные и социально-политические представления коренных и некоренных москвичей (социологический опыт). 135

ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИОЛОГИЯ

Безвербный В. А., Максимов А. Н.

Тенденции депопуляции сельских территорий Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2020 150

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ЮБИЛЕИ

От редакции

К выходу книги В. Н. Иванова «Рефлексия (опции), 1992-2002». 162

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2022
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2022

THEORY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

Nazarov M. M.

Manufacturing consent: explanatory model of media functioning 8

Sashchenko N. P.

Processes of integration/differentiation in Russian society: questions of methodology. 22

Koshelev A. A., Ivchenkova M. S.

Expert knowledge as a social phenomenon: theoretical and mythological analysis 36

Maksimova N. G.

Databases as an effective tool for analyzing and preventing school shooting incidents. 44

MODERN PROBLEMS IN A TRANSFORMING SOCIETY

Zubok Ju. A., Seliverstova N. A.

Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. 56

Rogachev S. V., Gorlov K. N.

Social consolidation in the modern city in the development of digital communications. 75

POLITICS AND SOCIAL SPHERE OF SOCIETY

Merzlikin N. V., Ivanov A. V.

Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment) 85

Shushpanova I. S.

Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: sociological analysis. 97

POLITICAL SCIENCE

Dankova Zh. Yu., Zabuzov O. N., Mel'kov S. A.

New scientific specialty in political science «Public administration and sectoral policies» as a special subject field of political science 109

SOCIOLOGY OF RELIGION

Lyutenko I. V.

Interest in non-traditional religions among Moscow youth and migrants (regional sociological experience 2021). 122

Kublitskaya E. A.

Ethno-confessional and socio-political views of indigenous and non-indigenous Muscovites (sociological experience) 135

DEMOGRAPHICS AND MIGRATIONOLOGY*Bezverbny V. A., Maksimov A. N.*Depopulation trends of rural areas of the Russian Federation according
to the Russian Census 2020 . . . . . 150**GREETINGS AND ANNIVERSARIES***Editorial note*

To the release of V. N. Ivanov's book «Reflexion (options), 1992-2002» . . . 162

© ISPR FCTAS RAS, 2022
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2022

DOI 10.19181/nko.2022.28.4.1

EDN YFBBLI

УДК 316.658

М. М. Назаров¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПРОИЗВОДСТВО СОГЛАСИЯ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕДИА

Аннотация. Рассматривается концепция Э. Хермана и Н. Хомского, посвященная изучению роли медиа в производстве элитного согласия в современном американском обществе. Дается оценка содержания концепции в координатах двух ведущих направлений анализа медиа в системе властных отношений – либерально-плюралистического и критической политической экономии. Рассматривается генезис и содержание понятия «производства согласия». Показано, что в рамках концепции авторов, согласие рассматривается в русле неомарксистской традиции анализа – как средство ненасильственного доминирования и поддержания статус-кво. Обсуждается механизм пропагандистских фильтров медиа, посредством которых согласие формируется. Особый акцент делается на важности понимания фильтров пропаганды как аналитическом инструменте, выделяющим структурные факторы, детерминирующие положение медиа в контексте властных отношений в обществе. Такие факторы / фильтры, как рынок и ориентации на прибыль, реклама, зависимость от ключевых источников, угрозы диффамации по отношению к медиа, доминирующая идеология позволяют лучше понять место и роль медиа в системе государственно-корпоративной власти в США. В условиях бурного прогресса коммуникационных технологий и кардинального изменения медиаландшафта, предложенная более трех десятилетий назад концепция Хермана и Хомского продолжает оставаться актуальной. Наблюдается дальнейший рост мощных медиа-конгломератов, уровень концентрации в сегменте интернет существенно превосходит традиционные медиа. Рост корпоративного влияния сопряжен также с усилением рыночного императива в деятельности медиа. В условиях глобального кризиса капитализма и обострения международных отношений идеологический фильтр антикоммунизма получил новую форму – антироссийской доминирующей идеологии.

Ключевые слова: пропаганда; медиа; гегемония; элиты; консенсус; идеология.

Для цитирования: Назаров М.М. Производство согласия: объяснительная модель функционирования медиа // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 8–21. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.1. EDN YFBBLI

Введение. Для социологического анализа массовой коммуникации, а также исследований медиа в целом свойственно разнообразие предметных областей и аналитических традиций. Вопросы о власти медиа в обществе, механизмах этой власти всегда находились в сфере внимания исследователей. Как в международном, так и в российском академическом дискурсе преобладающими в последние несколько десятилетий были либерально-плюралистические трактовки роли медиа в обществе. Вместе с тем, продуктивные познавательные инструменты были предложены авторами, работающими в рамках других подходов, в частности, т.н. критической политической экономии медиа.

В этой связи обратимся к концепции Э. Хермана и Н. Хомского, в фокусе которой находятся основания деятельности современных американских медиа. В 2023 году исполнится 35 лет с первого издания книги «Производство согласия. Политическая экономия масс медиа», в которой была изложена концепция авторов [1]¹. С тех пор этот текст продолжает привлекать внимание исследователей. Причем обсуждение в основном происходит в зарубежных публикациях. Внимание к концепции Хермана и Хомского в нашей стране было невысоким.

В статье рассматриваются следующие вопросы. В чем состоят основные содержательные послышки концепта пропаганды, производящей согласие, как объяснительной модели современных медиа? Каково позиционирование концепции в рамках ведущих традиций анализа роли медиа в системе властных отношений в обществе? В какой мере идея структурных факторов пропаганды, определяющих согласие в обществе, оказывается применимой к третьему десятилетию двухтысячных – в условиях кардинального изменения глобального медийного ландшафта?

О позиционировании концепции в исследованиях медиа. Для более полного понимания сути концепции Хермана и Хомского будем учитывать существующие подходы к интерпретации проблематики «власть – медиа – общество». Остановимся далее на двух ведущих традициях анализа – плюралистической и критической.

Плюралистическая традиция анализа медиа является производной от общего либерального идеала организации политической, экономической и социо-культурной жизни общества в целом. Ключевым звеном здесь является демократия, предполагающая регулярные выборы; верховенство закона, разделение властей, свободу получения информации из разных источников, свободу выражения критики и альтернативных мнений, активное гражданское участие. В таких полиархических демократиях, предполагающих «власть многих», согласие достигается в процессе постоянных дискуссий, где существенную роль играют медиа. Неразрывным с этими составляющими является другой компонент – рыночный капитализм – наилучшая «экономически-хозяйственная альтернатива», предлагающая эффективные механизмы производства товаров и услуг, удовлетворяющих разнообразные потребности людей [5, с. 112, 91, 160].

С этим соотносятся структурно-функциональные представления об организации жизни общества. Медиа здесь рассматриваются как самоуправляющаяся и самокорректирующаяся подсистема, действующая в конкретных политических и институциональных условиях социальной системы в целом. Задачи медиа состоят в поддержании более или менее адекватной картины

¹ Кратко об авторах концепции. Эдвард Херман (1925–2017), американский экономист, исследователь медиа. Ноам Хомский (1928 г.р.) – широко известный в мире американский лингвист, социальный мыслитель, политический публицист. Считается, что его теория трансформационной грамматики оказала фундаментальное влияние на лингвистику и психологию. Хомский является одной из самых известных фигур на левом фланге американского политического спектра. Разделяет представления анархо-синдикалистского плана. Является критиком как советского социализма, так и существующей американской модели, имеющей целью поддержания глобального экономического и идеологического доминирования США. Ряд его работ переведен на русский язык; в том числе тексты, касающиеся политико-идеологической проблематики: «Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок» (2002), «Новый военный гуманизм: Уроки Косова» (2002), «Несостоятельные Штаты. Злоупотребление властью и атака на демократию» (2007) [2–4]. Однако, это не относится к обсуждаемой нами книге о роли медиа в системе производства согласия.

жизни общества, социального окружения людей. При этом медиа реализуют функции информирования, образования, развлечения, продвижения социальных изменений. Важно, что бизнес-логика является неотъемлемым элементом функционирования медиа [6, с. 77–82; 7, с. 129–141]. При этом базовые политико-идеологические константы функционирования общества «задают» требования к медийной сфере.

Традиция критической политической экономии медиа, к которой зачастую относят концепцию Хермана и Хомского, предполагает иные акценты исследования. Причем это касается всех ключевых «координат» рассмотрения роли медиа в обществе, в системе властных отношений – факторов рынка и собственности, роли элит, контроля медиа, механизмов информационной политики, обеспечения согласия в обществе. В рамках этого подхода основной фокус внимания сосредоточен на индустрии медиа, ее экономической структуре, динамике развития и идеологической направленности медийного контента.

В условиях современного рынка предприятия медийной индустрии предлагают пользователям т.н. культурные продукты, которые имеют ценность, вызывают интерес у потребителей. Аудитория прямо или косвенно платит за использование материалов медиа и, тем самым, входит в отношения обмена ценностями с производителями медийного контента. Ключевой задачей медиа, как капиталистического предприятия является максимизация прибыли. Именно поэтому на первый план здесь выходит анализ социальных отношений, включая отношения власти при производстве, распределении и потреблении материалов медиа и, в более широком плане, – изучение того, как осуществляется контроль коммуникационных ресурсов общества [8, с. 2].

Актуальность этого направления исследований была обусловлена общей эволюцией капитализма во второй половине прошлого – начале нынешнего века. Речь идет о распространении принципов рынка, причем в его радикально-либеральном варианте, практически на все сферы жизни общества, включая медиа и область духовного производства в целом. Наблюдалась концентрация медийных активов, формирование мощных конгломератов медиа. Это было сопряжено с процессами интеграции (слияния и поглощения медиапроизводств), диверсификации (участия в смежных медийных сегментах), интернационализации (участия медийных конгломератов на различных мировых рынках).

В результате огромные по своим объемам медийные ресурсы сосредотачивались в руках нескольких игроков, включенных в политико-экономические элитные группы. Это становилось тем более очевидным, что параллельно происходила интеграция сегмента медиа и индустрии технологий телекоммуникаций. Одновременно наблюдалось сжатие сектора общественных медиа, играющих важную роль в публичном выражении интересов различных игроков гражданского общества. Фактически происходило ограничение или исключение в медийном пространстве голосов тех, кто не разделяет сложившихся принципов распределения власти и богатства в обществе [9]. Т.е. медиа оказывались включенными в систему корпоративного капитализма, который все более отдалялся от идеалов демократии и справедливости.

Критическая политическая экономия не ограничивает анализ исключительно вопросами экономического структурирования медийных рынков. В целом, здесь исходят из неомарксистских представлений об относительной самостоятельности надстроечных феноменов по отношению к социально-экономическому базису общества. При этом анализ распространяется и на сферу культуры. Это определяется тем, что массовая коммуникация предполагает

производство, распространение и обмен значениями между ее участниками. Фактически политико-экономический анализ распространяется здесь на социальное производство смыслов, целей и ценностей, осуществляемых субъектами коммуникации.

О «производстве согласия». Как следует из названия работы, в центре внимания Хермана и Хомского находится общественное согласие. Поясняя свои оценки, авторы пишут: «... американские СМИ функционируют не так как пропагандистская система тоталитарного государства. Скорее, они допускают — более того, поощряют — энергичные дебаты, критику и инакомыслие, пока они остаются верными системе предпосылок и принципов, которые составляют элитный консенсус, систему настолько мощную, что усваивается в значительной степени без осознания» [10, с. 302]. Понятие общественного согласия имеет различные трактовки в социально-гуманитарном знании, связанными с ним являются также понятия о гегемонии и доминировании. Как это соотносится с представлениями авторов?

Считается, что впервые понятие «производство согласия» было использовано известным американским специалистом У. Липпманом во втором десятилетии прошлого века. Будучи сторонником либеральной демократии, автор стоял на позициях, отдающих предпочтение элитам в части политического управления обществом². В частности, это проявлялось в предпочтении экспертному знанию по сравнению с общественным мнением. Согласно Липпману, современная демократия не предполагает, чтобы люди сознательно управляли сами собой³. Публика в силу своей некомпетентности не способна управлять, равно как и не стремится к этому. Значимые решения должны приниматься профессиональными, образованными администраторами. Основу этих решений составляют надежные научные данные, свободные от эмоциональных символов и стереотипов, преобладающих в общественном мнении. Процесс распространения массовой информации в обществе автор видел состоящим из двух этапов. Сначала информация собирается, оценивается и интерпретируется представителями экспертного знания. Затем от экспертов и через медиа она поступает к публике, приобретая, таким образом, свое «массовое» измерение⁴.

По мнению Хермана и Хомского, современная им американская действительность далека от демократических идеалов. Медиа не являются инструментом формирования пространства общественных дискуссий, в которых участвуют информированные граждане, принимающие решения о ключевых

² Центральными работами автора являются «Общественное мнение» (1922), «Фантом публики» (1925) [11; 12].

³ Прямое демократическое управление возможно в простых, самодостаточных сообществах при наличии компетентных во всех областях граждан. В условиях сложного индустриального общества подобный идеал гражданина неосуществим.

⁴ Хомский давал следующие оценки представлений Липпмана по этому вопросу: «Общественность должна быть поставлена на место, — заявлял Липпман в своих прогрессивных эссе о демократии. Эта цель может быть отчасти достигнута благодаря “производству согласия” — осознанному искусству и действующему на регулярной основе органу управления широким слоями. ... Ответственные люди, которые принимают правильные решения, продолжал Липпман, должны жить без топота и рева сбитого с толку “стада”. Эти невежественные и назойливые посторонние должны быть “зрителями”, а не участниками. У “стада” действительно есть функция: периодически “топать” в поддержку того или иного субъекта руководящего класса на выборах. Не указано, что первые ответственные люди получают этот статус не благодаря особому таланту или знаниям, а благодаря их добровольному подчинению системам фактической власти и верности оперативным принципам — основные решения в социальной и экономической жизни должны приниматься в рамках институтов с авторитарным контролем сверху вниз, в то время как для участия “зверя” должна быть выделена ограниченная общественная арена» [13, с. 4–5].

вопросах своего социально-политического бытия. Медиа действительно вносят серьезный вклад в укрепление социального порядка посредством формирования и поддержания социального согласия. Однако согласие это оказывается заданным координатами, отражающими нормы и ценности элит, сложившегося капиталистического порядка. Авторская трактовка согласия имеет коннотации с известной концепцией гегемонии, присущей неомарксистской традиции анализа.

Концепция гегемонии, выдвинутая итальянским мыслителем и политическим деятелем А. Грамши, увязывает вопросы власти, культуры и идеологии. Под гегемонией Грамши понимает способность правящего класса обеспечивать свое лидерство и превосходство (в плане моральном, политическом и интеллектуальном) по отношению к доминируемым классам не прибегая к насилию. Гегемония обеспечивается через достижение согласия доминируемых. Происходит это, по Грамши, за счет включения основных составляющих доминирующего мировоззрения в распространенные в обществе убеждения, нормы, ценности, привычки людей. Так происходит представление интересов привилегированных групп в качестве интересов общества в целом. Логика подхода состоит в том, что в целом для власти более предпочтительна ситуация, когда она остается незаметной, рассредоточенной, а властные проявления реализуются в форме «здорового смысла», привычки, «естественной» практики. Важнейшую роль в формировании согласия играют институты «гражданского общества», семья, образование, церковь, средства массовой информации и др. [14; 15].

Нельзя не отметить, что Херман и Хомский особый акцент делают на роли элит. Причем их трактовки развивают идеи такого представителя радикальной американской социологии как Ч. Р. Миллс. Миллс исходил из того, что основанием демократического общества являются «низовые» ячейки общества – именно здесь посредством свободных дискуссий происходит формирование политически активных граждан⁵. На практике для американского общества второй половины XX века характерным было формирование т.н. властвующей элиты, с одной стороны, и постепенное превращение американской общественности в политически пассивную, инертную массу – с другой. Важной в контексте нашего обсуждения является посылка Миллса, связывающая средства массовой коммуникации с существующей структурой власти. Медиа рассматриваются как средство, служащее в первую очередь властвующим элитам, доминирующим интересам в сфере политики и экономики. С их помощью происходит адаптация аудитории к конкретным социальным условиям и, соответственно, обеспечение более эффективного процесса управления и господства властвующих элит [16].

Следует также отметить, что формирование согласия, как это трактуют Херман и Хомский, не является монолитом и предполагает различные точки зрения по тем или иным вопросам. Однако, дискуссии в информационном пространстве происходят в пространстве базовых политико-идеологических координат, которые соответствуют элитному консенсусу. При этом, «мейнстримные медиа, будучи одним из элитных институтов, обычно формируют новости и допускают дебаты в рамках параметров, в которых лежат интересы элит и по которым элита действительно объединена» [17]. Возможны кризисные ситуации, когда возникают угрозы составляющим консенсуса. Тогда возможно

⁵ Причем перспективы развития средств массовой коммуникации оценивались автором (в идеале) как эффективное средство повышения активности низовой общественности.

«переопределение» ситуации в информационном пространстве. Это сопровождается работой медиа, предполагающей формирование консенсуса на новом уровне – с учетом трансформированного баланса сил «властвующей элиты».

Фильтры пропаганды как инструменты формирования консенсуса. Понятие пропаганды является одним из центральных в концепции Хермана и Хомского. Латинское основание этого термина связано с представлением о распространении чего-либо. В приложении к сфере политического – это деятельность по распространению идей, ценностей и закреплению их в сознании граждан [18, с. 181]. Широко распространено понимание пропаганды как формы убеждения, реализуемой посредством коммуникационных кампаний, направленной на ослабление рационального мышления и подавления восприятия аудиторией очевидных фактов [19, с. 804].

Херман и Хомский обсуждают проблематику пропаганды в ином ракурсе. При этом используется аналитический инструмент, который авторы определяют, как пропагандистскую модель работы американских медиа. Анализ проводится на макроуровне – авторов интересует, как неравенство в распределении богатства и власти влияет на функционирование медиа в обществе. Для этого выделяют несколько ключевых структурных факторов, которые прямо или косвенно задают базовые основания работы медиа. Тем самым, предлагается способ описания и анализа системы социального контроля, детерминирующей содержание массово-информационных процессов⁶.

Центральным звеном пропагандистской модели является набор т.н. «фильтров», посредством которых происходит контроль содержания медиа: собственность и прибыль, реклама, источники, претензии, идеология [10, с. 2]. Херман и Хомский оговаривают, что многие области их анализа не всегда являются открытыми и прозрачными. Вместе с тем, одной из отличительных особенностей подхода авторов является стремление к эмпирической доказательности. В этой связи при обсуждении «фильтров» в работе приводятся разнообразные статистические материалы; широко используется метод анализа кейсов, иллюстрирующих и подкрепляющих аргументацию авторов⁷. Приведем далее ключевые характеристики отдельных «фильтров».

Собственность, контроль, ориентация на прибыль. Здесь надо исходить из того фундаментального обстоятельства, что американские медиа в своем подавляющем большинстве являются субъектами бизнеса и действуют на рыночных основаниях. Причем в условиях капитализма второй половины XX века медиа бизнес испытал на себе универсальные тенденции интеграции – слияния и поглощения, которые привели к еще большему усилению мощных медийных конгломератов, усилению их влияния. Несмотря на различие в формах акционерного владения, целевой функцией предприятий медиа является прибыль.

⁶ Следует учитывать, что говоря о материалах медиа, авторы прежде всего ведут речь об информационно-политическом сегменте медийного содержания.

⁷ Выводы авторов обосновываются результатами изучения экономической структуры ведущих американских медиа, анализом практик медиа менеджмента, включенности медиа в систему государственно-монополистического капитализма США. Также аргументы авторов построены на основе изучения особенностей освещения в американских медиа большого круга событий, происходивших в последние десятилетия XX века: гражданские войны в Индокитае – во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже; выборы и события вокруг них в Сальвадоре, Гватемале, Никарагуа; покушение на убийство Папы Павла II; насилие в отношении религиозных деятелей в Польше и в Латинской Америке; применение оружия массового поражения в Иране и Ираке; конфликты в Косово, Восточном Тиморе, Турции и Ираке.

Это, в свою очередь, не может не влиять на редакционную политику собственников и менеджмента компаний. Более того, владельцы медиа компаний, принадлежащие к элитным кругам власти, имеют собственные мировоззренческие предпочтения, которые так или иначе отражаются в содержании материалов. Причем происходит это на фоне плотного взаимодействия собственников крупнейших корпораций медиа с одной стороны и ведущих представителей исполнительной и законодательных ветвей власти, разведывательного и военного сообщества – с другой. Существуют неявные формы обеспечения необходимой политики отдельных медиа – подбор исполнителей, разделяющих общую линию; принятие устойчивых практик отбора, обработки и акцентировки в материалах, в соответствии с общей линией медиа и т.п.

Реклама. Реклама является основным источником финансирования коммерческих медиа. Власть рекламодателей над контентом, например, телевидения обусловлена тем простым фактом, что производители товаров и услуг покупают рекламные возможности и, тем самым, субсидируют медиа. Более того, рекламодатели заинтересованы в таком содержании программ, которые привлекают платежеспособную аудиторию. Посылка о том, что стремление медиа к охвату большой аудитории делает их «демократическими» оказывается сомнительной. По факту это аналог политической системы голосования, взвешенной по доходам. Реклама в целом представляет собой неявное идеологическое послание потребительского общества. По мере роста стоимости рекламы и увеличения продолжительности рекламного времени в ведущих медиа доля содержания, имеющего актуальное общественное значение, уменьшается.

Источники информации. Представители крупного бизнеса, правительства и прочих властных структур являются для медиа важнейшими источниками информации. Причем здесь у вовлеченных сторон имеется взаимный интерес. Важность для медиа опоры на правительственные и корпоративные источники связана с узнаваемостью и доверием к ним, что, в свою очередь, обусловлено статусом и престижем этих источников в обществе. Придание большой роли официальным источникам связано также с претензией медиа на объективность. Вместе с тем, это способствует защите от критики, поскольку такие источники представляются медиа как «предположительно точные». Немаловажно что политика этих источников такова, что они конструируют контент для медиа, с акцентом на своих целях и задачах. Система источников включает также уважаемые неофициальные каналы – «экспертное» сообщество, авторитетно излагающие порой диссидентские взгляды. В этом также участвуют корпорации и медиа, способствуя кадровому обеспечению, финансированию исследований фабрик мысли. Все это в совокупности способствует формированию консенсуса на элитном уровне.

Претензии к медиа. Речь идет о негативных реакциях на материалы медиа, как политико-информационного, так и другого характера. Формы этого могут быть различными, от писем в адрес медиа до парламентских расследований и судебных исков. Критика в адрес медиа может иметь серьезные материальные последствия, если она исходит, например, от корпораций, правительственных структур, прочих субъектов, имеющих в своем распоряжении серьезные ресурсы. Рекламодатели могут отозвать свои бюджеты, представители властных учреждений отказать в своем расположении. Нельзя не отметить роль специальных организаций, формально имеющих неправительственный статус. Последние финансируются корпоративными кругами, спонсируя мониторинг, конференции, исследования медиа. Фокус этих активностей – оценка

того, насколько успешно медиа способствуют продвижению базовых ценностей рынка и демократии, в какой мере в медиа существует предполагаемый ими «левый уклон». Естественно, что все это не может не отразиться в менеджменте медийного контента.

Идеология антикоммунизма. Акцент на антикоммунизме необходим властвующим элитам, поскольку это обеспечивает закрепление их классового доминирования. Революции в России, Китае, на Кубе имели травмирующее влияние на западные элиты, что выдвинуло задачи противодействия коммунизму на первый план американской идеологии и политической практики. Эта идеология способствует мобилизации общества, при этом используется практика дихотомии – разделения, когда поддержка своих считается само собой разумеющейся, не требующей особых доказательств. Размытость концепции позволяет использовать ее против любого, выступающего с критикой сложившегося статус-кво, причем это широко распространено в культурной среде общества. Механизм идеологического контроля глубоко пронизывает систему медиа, поскольку руководители медийных корпораций, ведущие журналы принадлежат к высшим слоям американского общества. Здесь основные посылы идеологии антикоммунизма рассматриваются просто как «здоровый смысл». Наряду с антикоммунизмом, такие ценности как крайний индивидуализм, избранность американской демократии, минимальное государственное вмешательство в экономику, свободный рынок образуют «параидеологию», на которой, среди прочего, базируется элитный консенсус [20, с. 87].

Об актуальности концепции в современном контексте. Напомним, что эмпирическим основанием концепции послужили данные о событиях, происходившие в американской политической жизни и в мире в целом в 50-80-е годы прошлого века. Возникает вопрос, в какой мере положения концепции, в частности, содержание «фильтров» пропаганды адекватны реальности наших дней?

За несколько последних десятилетий произошли кардинальные изменения медийного ландшафта. Это обусловлено технологическими инновациями в области коммуникационных технологий, цифровизацией и конвергенцией медиа. Последнее затронуло все стороны медийной индустрии – создания, распространения и потребления контента. Произошло резкое уменьшение тиражей печатной прессы. В первом десятилетии двухтысячных началось постепенное уменьшение аудитории доминирующего на тот период телевидения. Одновременно с этим большую часть в объеме медиапотребления стали занимать разнообразные интернет-сервисы, включая социальные сети. При этом США были остаются крупнейшим медиарекламным рынком в мире [21, с. 307]. В целом, по мнению, Хермана и Хомского, изменения в технологиях медийных коммуникаций принципиально не повлияли на структурные особенности функционирования медиа в американском обществе.

Показательно, что первоначальным ожиданиям о демократизирующем влиянии интернета на рынок медиа, если и суждено было сбыться, то в лишь в небольшой части. Несмотря на относительно низкие барьеры для входа в интернет-сегмент, ключевую роль здесь играют мощнейшие корпоративные игроки медиа, у которых имеются властные, финансовые и прочие ресурсы для привлечения и поддержания внимания широкой аудитории пользователей. Наряду с традиционными игроками, делающими акцент на ТВ (типа Time

Warner, Disney, News Corp.), фундаментальное влияние на медийном рынке приобрели технологические гиганты типа Google, Amazon, Meta (Facebook)⁸, работающие в сегменте интернета. Базовые ценности – ориентации на прибыль и элитное доминирование остались прежними. Более того, медийное пространство оказывается под контролем все более ограниченного числа субъектов, способных влиять на информационно-культурную повестку. Считается, что уровень концентрации в интернет-сегменте оказался еще более высоким, чем, например, в телевизионном сегменте или в сегменте прессы. Соответственно, есть все основания говорить о том, что «фильтр» или фактор структуры рынка, стал еще более актуальным, чем ранее. Более того, включенность крупнейших интернет игроков в смежные сегменты бизнеса обеспечивает их синергией влияния и уменьшает возможности конкурентной борьбы со стороны новых игроков с меньшими возможностями.

Не потеряли свою значимость и другие фильтры, в частности, реклама. За период последних тридцати лет рынок медийной рекламы в США вырос примерно в три раза⁹. Причем этому способствовало как рост потребительского общества и необходимость продвижения брендов и сервисов, так и собственно рост цен на рекламу в медиа. В последние несколько лет бюджеты рекламы в интернет сегменте являются большими, чем в других сегментах медиа вместе взятых. Очевидно, что это оказывалось сопряженным с влиянием рекламодателей на контент медиа, их редакционную политику. Технологии интернет рекламы привели к новым возможностям таргетирования сообщений на те или иные группы пользователей. Это оказалось более эффективным по сравнению с возможностями традиционных медиа и привело к перераспределению рекламных бюджетов. Именно поэтому сильно пострадали бюджеты прессы, региональной рекламы. Последние ранее играли важную роль в поддержке относительно независимых локальных игроков. В целом фактор рекламы, как производной от общего вектора расширения рыночных оснований функционирования медиа повлиял на сокращение общественного сектора медиа, что стало мировым трендом.

Отдельно следует сказать об актуальности фильтра идеологии, где центральную роль выполнял антикоммунизм. Характерно, что в комментариях к переизданию текста книги авторы указали на возможность дополнения фильтра антикоммунизма еще одной составляющей – «верой» в рынок и неолиберальную глобализацию. Это, по их мнению, определялось идеологической атмосферой в мире, сложившейся после крушения Советского Союза и перехода к лидерству США в рамках т.н. «однополярного мира» [17]. Заметим, что вопрос о содержательной трансформации фильтра идеологии рассматривался в ряде публикаций. В этой связи заслуживает внимания идея А. Маклеода о перерождении «антикоммунистического фильтра» пропаганды в «антироссийский» фильтр [22]. Это стало мощным дисциплинирующим механизмом доминирующей идеологии в США, начиная с середины второго десятилетия нынешнего века. Также будем иметь в виду, что в ряде своих интервью Херман и Хомский также указывали на важную роль антироссийской пропагандистской линии в производстве элитного согласия в последние 5–7 лет [23; 24].

⁸ *Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.*

⁹ Advertising Expenditure Forecast // Zenith. 2020. URL: <https://u.to/UIN1HA> (дата обращения: 25.05.22).

Какие обстоятельства способствовали этому? В долгосрочном плане важным фактором является исторически сложившееся недоверие к России, которое было присуще западным медиа и элите в целом на протяжении более чем ста лет, особенно после революции 1917 г. По нашему мнению, здесь более справедливым будет говорить о русофобии как политико-культурном феномене «работающем» в течение нескольких столетий. Маклеод считает, что предпосылками актуализации антироссийского пропагандистского фильтра в американских медиа являются действия Президента Путина на международной арене – прежде всего, несогласие с расширением НАТО на восток до границ России с балтийскими странами в 2004 г. Несмотря на все заверения, НАТО утроило свои контингенты на границе с Россией в период 2012 по 2017 гг. [22]. В этом же ряду размещение ракет систем первого удара в Восточной Европе против несуществующей угрозы со стороны Ирана; конфликт интересов США и России в Сирии; поддержка США антироссийских действий руководства Украины.

Триггером, запустившим беспрецедентный по масштабам механизм антироссийской пропаганды, были события связанные с предвыборной борьбой за пост президента США в 2016 году. Запуск кампании Russiagate стал основанием обвинений со стороны США в адрес России и лично Президента Путина о вмешательстве в выборы и обеспечении победы Трампа. При этом фильтр «антикоммунизма» органично трансформировался в «антироссийский» фильтр, который продолжает действовать и поныне. Маклеод приводит широкий набор эмпирических материалов, аналитических аргументов, ставящих под справедливое сомнение адекватность всей конструкции Russiagate. Критерии российских «фейковых новостей» были предельно широкими. Фактически, к марионеткам Кремля относили тех авторов (независимо от их мировоззренческих позиций), кто позволил себе критику мейнстримной журналистики, неolibеральной экономики, политической системы. Russiagate позволила ряду представителей влиятельных политических кругов ввести в массовый политический дискурс идею о том, что США находится в состоянии войны с Россией. Все это явилось необходимой почвой для формирования того уровня согласия американских элит, который предполагает «нормальность» ядерного конфликта.

Вместо заключения. Концепция Хермана и Хомского, как и любой другой способ понимания явлений социальной жизни имеет свои ограничения. В этой связи следует сказать об основных направлениях критики концепции. В ходе дискуссий академического плана обычно выделяют две линии критических замечаний. Первая из них касается того, что в рамках концепции производства согласия как журналисты, так и аудитории рассматриваются как исключительно зависимые от «внешних» сил субъекты, тогда как в реальности этой механистичности не наблюдается. Неявно звучали известные построения о «теории заговора», лежащие якобы в обосновании авторских трактовок роли элит и корпоративного контроля. Другое направление критических замечаний было связано с методологическими вопросами исследований. Претензии состояли в том, что пропагандистская модель и составляющие ее «фильтры», зачастую, выглядят как «черный ящик» и требуют существенно больше наблюдаемых, эмпирических доказательств.

В своих комментариях к переизданиям книги, статьях и интервью Херман и Хомский отмечали, что их описание пропагандистской модели медиа, как «управляемой рыночной системы», с обоснованием детерминирующих эту мо-

дель факторов, отражает общее функционирование системы. Это отнюдь не противоречит проявлению сложных в отдельных случаях траекторий поведения отдельных субъектов. Критикам следует сменить оптику анализа и перейти от микро-анализа к макроуровню – изучению общих корпоративных усилий, посредством которых медиа включены в формирование элитного консенсуса [17]¹⁰.

Вместе с тем, целесообразно было бы дополнить эмпирическое обоснования содержания отдельных пропагандистских фильтров. Более того, сама предложенная система фильтров выглядит, на наш взгляд, как некий прообраз системы показателей социологического анализа изучаемого явления. Развернуто это на уровне центрального понятия и ряда опосредующих понятий [25]. Не случайно, что в ходе обсуждений концепции подчеркивалась важность операциональных определений для развития познавательного потенциала объяснительной модели. Вместе с тем, надо учитывать объективно существующие пределы и сложности для верификации данных о проблематике, которая далеко не всегда имеет социальное одобрение или имеет инсайдерский характер. В этой связи важным является использование метода анализа документов, контент-анализ материалов медиа, этнографические процедуры изучения журналистики и медиа менеджмента [26].

И наконец, еще об одном моменте. Как концепция Хермана и Хомского, разработанная в связи с изучением американских медиа, соотносится с процессами глобализации? В первые два десятилетия нынешнего века в ряде стран был проведен анализ того, в какой мере логика обсуждаемой выше модели работает в других региональностях. Общий вывод состоял в том, что глобализация и повсеместное распространение рыночной идеологии способствует конвергенции медиа-систем и, соответственно, применимости модели [27].

В этом контексте пропагандистская модель медиа органически вписывается в парадигму «культурного империализма». Как известно, этот подход является альтернативой выдвинутого в 50-60е годы прошлого века концепта, согласно которому медиа играют важнейшую роль в трансформации традиционных ценностей и переходе развивающихся стран к догоняющей модернизации. Исследования результатов догоняющей модернизации показали, что среди ее результатов: укрепление социально-экономической и культурной зависимости развивающихся государств от стран «ядра» капитализма; кризис национальной идентичности; доминирование ценностей потребления; формирование вестернизированной элиты и условий внутреннего колониализма. Заметим, что данная логика во многом была реализована в российской пост-перестроечной практике, негативные последствия которой не преодолены и по настоящее время.

Библиографический список

1. *Herman E., Chomsky N.* Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media. New York : Pantheon Books, 1988. 412 p. ISBN 0-375-71449-9.
2. *Хомский Н.* Прибыль на людях: Неолиберализм и мировой порядок / Пер. с англ. Б. М. Скурагова. Москва : Праксис, 2002. 245 с. ISBN 5-901574-15-X.
3. *Хомский Н.* Новый военный гуманизм: Уроки Косова / Пер. с англ. Л. Е. Переяславцева. Москва : Праксис, 2002. 310 с. ISBN 5-901574-26-5.
4. *Хомский Н.* Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию / Пер. с англ. В. Панова. Москва : Столица Принт, 2007. 473 с. ISBN 978-5-98132-123-8.
5. *Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А. С. Богдановского. Москва : Аспект Пресс, 2000. 208 с. ISBN 5-7567-0244-X.

¹⁰ По мнению авторов, их концепция принципиально отвергает всякого рода клише о заговоре.

6. *McQuail D.* Mass Communication Theory. An Introduction. London : Sage, 1994. 416 p. ISBN 0803977840.
7. *DeFleuer M., Ball-Rokeach S.* Theories of Mass Communication. New York : Longman, 1989. 368 p. ISBN 0-582-99870-0.
8. *Mosco V.* The Political Economy of Communication. London : Sage. 2009. 270 p. ISBN 978-1-4129-4700-8.
9. *Murdock G., Golding P.* Capitalism, communication and class relations // Mass communication and society / Ed. by J. Curran. London : Edward Arnold, 1977. Pp. 12–43.
10. *Herman E., Chomsky N.* Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media. London : Bodley, 2008. 582 p. ISBN 978-1847920706.
11. *Lippman W.* Public Opinion. New York : Harcourt, Brace & Co., 1922. 427 p.
12. *Lippman W.* The Phantom Public. Piscataway, NJ : Transaction Publishers, 1925. 195 p. ISBN 1-56000-677-3.
13. *Chomsky N.* Hegemony or Survival-Americas Quest for Global Dominance. New York : Metropolitan, 2003. 171 p. ISBN 0-8050-7688-3.
14. *Грамини А.* Тюремные тетради / Пер. с итал. Г. П. Смирнов [и др.]. Москва : Политиздат, 1991. 560 с. ISBN 5-250-00897-6.
15. *Gramsci A.* Selection from Prison Notebooks. London : Lawrence and Wishart, 1971. 483 p. ISBN 978-0853152378.
16. *Миллс П.* Инертное общество // Властвующая элита / Пер. с англ. Е. И. Розенталь [и др.]. Москва : Изд-во иностр. лит., 1959. 545 с.
17. *Herman E.* The propaganda model revisited // Monthly Review. 1996. Vol. 48, No. 3. Pp. 115–164. DOI [10.14452/MR-048-03-1996-07_8](https://doi.org/10.14452/MR-048-03-1996-07_8).
18. Введение в политологию : Словарь-справочник / Под ред. В. П. Пугачева. Москва : Аспект Пресс, 1996. 264 с. ISBN 5-7567-0114-1.
19. Encyclopedia of Communication Theory / Ed. by S. W. Littlejohn, K. A. Foss. Thousand Oaks, California : Sage, 2009. Vol 2. 1105 p. ISBN 978-1-4129-5937-7.
20. *Херман С.* СМИ и рынки В США // Право на свободу слова : Роль СМИ в экономическом развитии / Пер. с англ. Г. П. Бляблина, М. Ю. Васянина. Москва : Весь Мир, 2005. С. 107–120.
21. Российский рекламный ежегодник / Под науч. ред. С. В. Веселова. Москва : Де Либри, 2021. 394 с. ISBN 978-5-4491-0996-5.
22. *MacLeod A.* Fake News, Russian Bots and Putin’s Puppets // Propaganda in the Information Age : Still Manufacturing Consent / Ed. by A. MacLeod. New York : Routledge, 2019. 172 p. ISBN 978-0-429-43032-9.
23. Still Manufacturing Consent: An Interview with Noam Chomsky // Propaganda in the Information Age : Still Manufacturing Consent / Ed. by A. MacLeod. New York : Routledge, 2019. 172 p. ISBN 978-0-429-43032-9.
24. *Herman S.* Fake News on Russia and Other Official Enemies : The “New York Times”, 1917–2017 // Monthly Review. 2017. Vol. 69, No. 3. Pp. 98–112. DOI [10.14452/MR-069-03-2017-07_8](https://doi.org/10.14452/MR-069-03-2017-07_8).
25. Логика социологического исследования / Отв. ред. Г. В. Осипов. Москва : Наука, 1987. 174 с.
26. *Klaehn J., Godler Y., Mullen A. [et al.]* Discussion: The Propaganda Model and Black Boxes? // Media Theory. 2018. Vol. 2, No. 2. Pp. 192–212.
27. *Comeforo K.* Review Essay: Manufacturing consent: The political economy of the mass media // Global Media and Communication. 2010. Vol. 6, No. 2. Pp. 218–230. DOI [10.1177/1742766510373714](https://doi.org/10.1177/1742766510373714).

Дата поступления в редакцию: 30.09.2022.

Принята к печати: 28.10.2022.

Сведения об авторе:

Назаров Михаил Михайлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: vy175867@yandex.ru

Author ID РИНЦ 74313

ORCID: 0000-0002-9099-981X

Researcher ID (WoS): L-7449-2015

M. M. Nazarov¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

MANUFACTURING CONSENT: EXPLANATORY MODEL OF MEDIA FUNCTIONING

Abstract. The research gives an account to the concept of E. Herman and N. Chomsky, focused on the role of media in the manufacturing of elite consent in modern American society. Two leading approaches to media power – liberal-pluralistic and critical political economy forms the framework of the research. The genesis and content of the concept of “manufacturing of consent” is considered. Neo-Marxist tradition of analysis forms the background of the authors’ concept of the production of consent as a means of nonviolent domination and maintaining the status quo. The study examines the propaganda media filters promoted to elite consensus. The article gives recognition to the importance of understanding propaganda filters as an analytical tool that identifies structural factors determining the position of media in the context of power relations in society. Factors / filters of market and profit orientation; advertising; dependence on key sources; threats of defamation in relation to the media; dominant ideology provide better understanding of the place and role of media in the system of state and corporate power in the United States. The Herman and Chomsky concept proposed more than three decades ago continues to be relevant under the current conditions of rapid progress of communication technologies and crucial changes in the media landscape. There is a further growth of powerful media conglomerates; the level of concentration in the Internet segment significantly exceeds traditional media. The growth of corporate influence accompanied with the strengthening of the market imperative in the media management. In the context of crisis of global capitalism and increase tensions of international relations, the ideological filter of anti-communism has received a new form - the anti-Russian dominant ideology.

Keywords: propaganda; media; hegemony; elites; consensus; ideology.

For citation: Nazarov M.M. (2022) Manufacturing consent: explanatory model of media functioning. Science. Culture. Society. Vol. 28. No 4. Pp. 8–21. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.1

References

1. Herman E., Chomsky N. (1988) *Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media*. New York, Pantheon Books. 412 p. ISBN 0-375-71449-9 (in Eng.).
2. Chomsky N. (2002) *Profit over People. Neoliberalism and Global Order*. Moscow, Praxis. 245 p. ISBN 5-901574-15-X (in Russ.).
3. Chomsky N. (2002) *The New Military Humanism. Lessons from Kosovo*. Moscow, Praxis. 320 p. ISBN 5-901574-26-5 (in Russ.).
4. Chomsky N. (2007) *Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy*. Moscow, Stolitsa Print. 473 p. ISBN 978-5-98132-123-8 (in Russ.).
5. Dahl R. (2000) *On Democracy*. Moscow, Aspect Press. 208 p. ISBN 5-7567-0244-X (in Russ.).
6. McQuail D. (1994) *Mass Communication Theory. An Introduction*. London, Sage. 416 p. ISBN 0803977840 (in Eng.).
7. DeFleur M., Ball-Rokeach S. (1989) *Theories of Mass Communication*. New York, Longman. 368 p. ISBN 0-582-99870-0 (in Eng.).
8. Mosco V. (2009) *The Political Economy of Communication*. London, Sage. 270 p. ISBN 978-1-4129-4700-8 (in Eng.).
9. Murdock G., Golding P. (1977) Capitalism, communication and class relations. In: J. Curran (ed.) *Mass communication and society*. London, Edward Arnold. Pp. 12–43 (in Eng.).
10. Herman E., Chomsky N. (2008) *Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media*. London, Bodley. 582 p. ISBN 9781847920706 (in Eng.).
11. Lippman W. (1922) *Public Opinion*. New York, Harcourt, Brace & Co. 427 p. (in Eng.).

12. Lippman W. (1925) *The Phantom Public*. Piscataway, NJ, Transaction Publishers. 195 p. ISBN 1-56000-677-3 (in Eng.).
13. Chomsky N. (2003) *Hegemony or Survival-Americas Quest for Global Dominance*. New York, Metropolitan. 171 p. ISBN 0-8050-7688-3 (in Eng.).
14. Gramsci A. (1991) *Quaderni del carcere*. Moscow, Politizdat. 560 p. ISBN 5-250-00897-6 (in Russ.).
15. Gramsci A. (1971) *Selection from Prison Notebooks*. London, Lawrence and Wishart. 483 p. ISBN 978-0853152378 (in Eng.).
16. Mills R. (1959) An Inert Society. In: *Power Elite*. Moscow, Foreign literature Publ. 545 p. (in Russ.).
17. Herman E. (1996) The propaganda model revisited. *Monthly Review*. Vol. 48. No. 3. Pp. 115–164. DOI [10.14452/MR-048-03-1996-07_8](https://doi.org/10.14452/MR-048-03-1996-07_8) (in Eng.).
18. Pugachev V. P. (ed.) (1996) *Voedenie v politologiju : Slovar'-spravochnik* [Introduction to Political Science. Dictionary-reference]. Moscow, Aspect Press. 264 p. ISBN 5-7567-0114-1 (in Russ.).
19. Littlejohn S. W., Foss K. A. (eds.) (2009) *Encyclopedia of Communication Theory*. Thousand Oaks, California, Sage. Vol 2. 1105 p. ISBN 978-1-4129-5937-7 (in Eng.).
20. Herman E. (2005) Media and Markets in US. In: *The Right to Tell. The Role of Mass Media in Economic Development*. Moscow, Ves' Mir. Pp. 107–120 (in Russ.).
21. Veselov S. V. (ed.) (2021) *Rossijskij reklamnyj ezhegodnik* [Russian Advertising Yearbook]. Moscow, De Libri. 394 p. ISBN 978-5-4491-0996-5 (in Russ.).
22. Macleod A. (2019) Fake News, Russian Bots and Putin's Puppets. In: MacLeod A. (ed.) *Propaganda in the Information Age. Still Manufacturing Consent*. New York, Routledge. 172 p. ISBN 978-0-429-43032-9 (in Eng.).
23. Still Manufacturing Consent: An Interview with Noam Chomsky (2019). In: MacLeod A. (ed.) *Propaganda in the Information Age. Still Manufacturing Consent*. New York, Routledge. 172 p. ISBN 978-0-429-43032-9 (in Eng.).
24. Herman S. (2017) Fake News on Russia and Other Official Enemies: The "New York Times", 1917–2017. *Monthly Review*. Vol. 69. No. 3. Pp. 98–112. DOI [10.14452/MR-069-03-2017-07_8](https://doi.org/10.14452/MR-069-03-2017-07_8) (in Eng.).
25. G. V. Osipov (ed.) (1987) *Logika sociologicheskogo issledovanija* [Logic of Sociological Research]. Moscow, Nauka. 174 p. (in Russ.).
26. Klaehn J., Godler Y., Mullen A. [et al.] Discussion: The Propaganda Model and Black Boxes? *Media Theory*. 2018. Vol. 2. No. 2. Pp. 192–212 (in Eng.).
27. Comeforo K. (2010) Review Essay: Manufacturing consent: The political economy of the mass media. *Global Media and Communication*. Vol. 6. No. 2. Pp. 218–230. DOI [10.1177/1742766510373714](https://doi.org/10.1177/1742766510373714) (in Eng.).

The article was submitted on September 30, 2022.

Accepted on October 28, 2022.

Information about the author:

Mikhail M. Nazarov, Doctor of Political Science, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: vy175867@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9099-981X

Researcher ID (WoS): L-7449-2015

DOI [10.19181/nko.2022.28.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.2)

EDN [MEAAFS](https://www.edn.ru/MEAAFS)

УДК 316.4

Н. П. Сащенко¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ/ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. Поставлена проблема теоретических оснований, адекватно объясняющих феномен социальной интеграции/дифференциации общества в условиях глобальных изменений, дается анализ подходов в рамках социологических, культурологических, политологических, психологических постмодернистских концепций. Показано, что усложнение переходного состояния общества ослабляет действие адаптационных социально-психологических механизмов, выводя проблему сложности переходного состояния из аналитического поля социальных наук в междисциплинарное пространство.

Раскрываются возможные направления теоретического поиска факторов латентного влияния на процессы интеграции/дифференциации социальных групп и общества в целом. Возникший большой разрыв между субъективными и объективными пространствами и временем, отношением к ним и к изменениям, в них происходящих, предлагается исследовать с помощью культурологических концепций эволюционной динамики и внутрисистемных и кроссистемных ароморфозов.

Показано, что социологическая наука обращается к осмыслению процессов интеграции/дифференциации времени позднего модерна, характеризующегося большой неопределённостью, текучестью, сложностью, неоднозначностью. Анализ идентификационных механизмов консолидации и фрагментации получил развитие в рамках когнитивистски и конструкционистски ориентированных концепций, взаимовлияния идентичности, исторических социальных структур и социальных процессов.

Обозначается важность исследования условий консолидации, сплоченности общества в рамках концепции разделенного общества, утвердившейся в политической науке.

Предлагается обратиться к макропсихологическому подходу для анализа психологического состояния общества. Обращается внимание, что в психологических исследованиях поляризации сознания последнего десятилетия учитываются меняющиеся контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также новые подходы к анализу информационной культуры: от анализа общих характеристик к дифференциации слоев, к учету и описанию новых «археологических» слоев информационной культуры.

Ключевые слова: социальная интеграция; социальная дифференциация; разделенное общество; социальная фрагментация; консолидация; национально-государственная идентичность; социологическая теория; концепции политической науки.

Для цитирования: Сащенко Н.П. Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 22–35. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.2). EDN [MEAAFS](https://www.edn.ru/MEAAFS)

Введение. Социально-политические проблемы в государстве отражаются на характере социальных отношений, демонстрируя проявление противоречивых тенденций, вызывая интерес ученых к процессам социальной интеграции/дифференциации. Указанные процессы прочно вошли в исследовательский арсенал

тем культурологов, психологов, антропологов как методологические обоснования общей теории развития. В попытках описания картины магистрального эволюционного движения ученые обращались к поиску принципов линейных схем эволюционной динамики в традиционных классических концепциях. Однако, «возвыситься над пестрым набором противоречий культурного бытия, охватить их собой и подчинить жесткой функциональной или хотя бы коррелятивной связи» [1, с. 5] оказалось проблематичным.

Нелинейный же характер эволюции все меньше подчиняется естественным законам, регулирующим биологическую природу человека и природные основы социальной самоорганизации, и все больше — законам самой Культуры [1, с. 7], что обязывает исследователя в поиске методологических рамок описания процессов социальной интеграции/дифференциации выходить из поля социальных наук в междисциплинарное пространство.

Социальная интеграция/дифференциация – процессы эволюционной динамики. Впервые в науке размышления о дихотомии «интеграция/дифференциация» принадлежат советскому антропологу, историку и социологу Б. Ф. Поршневу, который заложил основы оппозиции «они – мы» и далее «свои – чужие» в социальной психологии [2; 3]. Универсальность этого «всеобщего закона» [4, с. 211] тем более ценна, что оппозиция «мы – они» оказывалась всеобщим выражением движущих сил исторического процесса: «Субъективная психическая сторона всякой общности людей... конституируется путем двуединого психического явления: оно резюмируется выражением “мы и они”» [5, с. 6]. Этот закон формирования любой психической общности не только лежит в основании поведенческих проявлений социальных групп, классов и обществ, но и позволяет объяснять сложный механизм ценностно-нормативной интеграции и солидаризации (консолидации) последних.

В период глобализации и усиления значимости нелинейных процессов социальной динамики культурологи постмодерна смотрят на законы эволюции сквозь призму борьбы естественных и искусственных законов (конвенциональных культурных норм) организации жизни, отдавая предпочтение в изучении процессу дифференциации горизонтального и вертикального направлений.

Под горизонтальным эволюционированием понимаются изменения, ведущие к адаптации и специализации форм, тогда как эволюционирование вертикальное нацелено на внутрисистемные и кроссистемные ароморфозы, результат которых – достижение качественно нового уровня проявления глобальных эволюционных векторов. Векторы эти обнаруживают себя в неуклонной кумуляции таких параметров, как сложность, дифференцированность, плотность эволюционного фронта и субъектность [1, с. 6]. Нам ближе позиция критичного отношения к представлениям «о магистральном эволюционировании как о чем-то естественно-императивном, предопределенном, само собой разумеющемся и потому, не нуждающемся в специальных объяснениях» [1, с. 6]. В силу такой аберрации вертикальные эволюционные «прорывы» представляются одной сплошной прогрессией поступательного развития, которая вменяется всему существу в качестве общей нормы, а регресс, стагнация, архаизация и иные формы рецессивного исторического движения, во-первых, рассматриваются как отклонение от правила, во-вторых, недооцениваются в своем значении, и, в-третьих, как следствие, вытесняются на периферию исследовательских интересов [1, с. 6].

С применением дифференциально-интеграционной теории как общей теории развития культурологи и исторические психологи с привлечением новых на-

учных данных рассматривают проблемы происхождения и эволюции психики, творчества, соотношения языка и мышления [6]. Их исследовательский взгляд на социальные изменения связывает методологические основы общей теории развития со спецификой процесса дифференциации, обозначая явления, тесно связанные с ней (бифуркация, хаос, расщепление, разделение, специализация, интеграция, иерархия, ортогенез) [6, с. 92]. Рассматривая дифференциацию как обязательную составляющую процесса (эволюционного) развития, авторы отмечают последствия дифференциации, существенно влияющие на процессы социальных изменений. К ним относят такие утверждения как: из предковых форм образуются новые, специализированные формы через разделение (бифуркацию, ветвление, диверсификацию); в процессе дифференциации развивающийся объект усложняется, а уровень интеграции приобретает иерархическое строение; процесс дифференциации подчинен принципу ортогенеза [6, с. 94–95].

В социологической науке суть процессов общественного развития и социальных изменений уже более полувека объясняет классическая теория модернизации и ее различные модификации. Этапы трансформации традиционного общества в современное хорошо описаны социологами, историками, показаны различные модели и последствия модернизации. Стремительные изменения описываются известными метафорами «столкновения цивилизаций», «текущей современности», «общества риска». Общим для всех стран являются различные темпы, ритмы, асинхронность и разнонаправленность перемен [7, с. 79]. Российское общество отличается от стран западной демократии не столько темпоритами и топографическими структурами (хотя и этим в немалой степени тоже), сколько социокультурными кодами, исторически-сложившимися, национально-государственными стереотипами отношения к миру, себе, власти.

Постепенный переход от теории социальной дифференциации Н. Лумана к современным социологическим теориям радикального модерна Э. Гидденса и З. Баумана позволил увидеть наличие противоречий в социальной рефлексии изменяющейся реальности, а также сложность применения объяснительных схем только одной отрасли науки для понимания причин, форм и последствий изменений социальной ткани.

Фрагментация – крайняя форма социальной дифференциации общества.

В ответ на усложнение внешней среды в социологических теориях позднего модерна появились размышления о форме социальной дифференциации общества и социальных общностей, для которой характерны образование множественных изолированных элементов и структур, мозаичность оснований социальной идентичности, частичный или полный разрыв социальных связей. Речь идет о феномене социальной фрагментации. Размышления немецкого социолога Н. Лумана о дифференциации во многом определялись постмодернистским принципом бессубъектности и выражали скепсис по поводу наличия в современном сложном обществе каких-либо оснований для ценностной или моральной интеграции, солидарности, спаянности [8]. Напротив, он видел в отсутствии центричности, доминировании плюральности, полиструктурности, нестационарности социальных процессов источники разнообразия и пластичности современного общества. Первыми в России в научный оборот ввели понятия фрагментации общества российские социологи, которые не только попытались диагностировать «глубину и ширину» фрагментации [9], но и предприняли ревизию истории «вопроса о солидарности» [10–12].

Социальными предпосылками актуализации проблемы социальной фрагментации стали: становление общества постмодерна и постпостмодерна; появление новых видов неравенства; усиление негативных эффектов мультикультурализма; кризис социальной солидарности в обществе [13].

Возможно, на изменение социальной ткани российского общества оказывают влияние и такие факторы как феномен «переходного состояния» (А. А. Зиновьев, П. Штомпка), феномены «социальной травмы», «культурной травмы», «промежуточной модальности развития» (Т. Парсонс, Ж. Т. Тощенко).

«Переходное состояние» российского общества. «Переходное состояние», как его видел А. А. Зиновьев применительно к российскому обществу 90-х годов XX века, вновь становится характеристикой современного общества. Философ определил его как неопределенное, то есть состояние без возможности научного определения его сущности, его свойств, позиционирования во времени и пространстве [14]. Неопределенность и трудность в осмыслении этих изменений усугубляются по мысли философа еще и сложностью самих переходных состояний. Более точное определение дал ранее польский социолог П. Штомпка в теории процессов переходного состояния (фазы развития), характеризуя постсоветские общества как переходные, которые переживают культурную травму. Травматологическая метафора акцентирует внимание не столько на особенностях институциональных структур, сколько на внутреннем психическом самочувствии граждан [15]. Проследив историю изменений категории «кризис», П. Штомпка дает качественную характеристику переходному состоянию как фазе развития, кратковременной и прежде всего необычайной, нетипичной ситуации. Это «состояние, имеющее для дальнейшего развития ключевое, решающее значение, некую особую концентрацию, заострение альтернатив будущего» [16].

Продолжая эти размышления, можно предположить, что сложность состояний характеризуется их текучестью, разрывами, несинхронностью, а в самом переходном состоянии сокрыты лакуны общественного сознания, чувствительные к элементам грядущего порядка. Эти лакуны сознания оживают при условии появления в обществе новых социальных раздражителей в то время, когда предыдущие раздражители еще не рационализированы, не пережиты. Возникает своего рода «переходное состояние» в «переходном», которое повышает интенсивность переживаний и «свертывает» процесс рационализации субъективных эмоциональных переживаний, «загоняя» их вглубь сознания, тем самым усложняя и без того неустойчивое психическое состояние общества. Формируется почва для появления рисков, носящих долгосрочный, отложенный характер. Это в первую очередь риски трансформации социальных представлений, социальной и национально-государственной идентичности, искажения адаптационных механизмов в социально-политическом пространстве и, как следствие, риски ослабления устойчивости государства. Переходное состояние общества усложняется, ослабляя или тормозя важные адаптационные социально-психологические механизмы.

В этом проявляется противоречивое, нередко полярное отношение социальных групп, организаций, отдельных людей к одним и тем же явлениям и процессам, по-разному затрагивающим их интересы и потребности и по-разному осознаваемым в зависимости от социально-политического контекста. Ощущение неудовлетворенности свойственно сегодня не только живущим за чертой бедности, но и многим представителям малого и среднего бизнеса,

уставшим от «войны законов» и тотального налогообложения. И наоборот, значительная часть людей, плохо адаптировавшихся к новым экономическим условиям, не ощущает дискомфорта, удовлетворившись получением свободы высказывания в социальных медиа в качестве «компенсации» за ухудшение материального положения.

Идентификационные трансформации, социально-политическая поляризация и концепт разделенных обществ. Британский социолог З. Бауман для описания современной эпохи использует метафору «текущая современность», отследить которую возможно «с помощью многих и различных маркеров» [17, с. 15]. Но ключевым маркером или особенностью современной жизни, по его мнению, является «изменяющиеся отношения между пространством и временем» [17, с. 15]. В этом контексте рассматривается трансформация в сознании общества категорий «этническая принадлежность» и «государство-нация» [17, с. 186] и ставится проблема конечности «многовекового “романа” нации с государством» [17, с. 199].

Однако, по мнению известного российского социолога Л. М. Дробижевой, государство и общество все еще заинтересованы в осознании жителями страны своей общероссийской идентичности. Государству необходимо устойчивое сцепление между конструкцией политического порядка и «коллективным целым». А гражданам страны их идентичность важна для социально-психологического состояния, осознания себя и представлений о целях в будущем. Для одних это ощущение общей связанности с прошлым, для других – общности интересов в настоящем и будущем [18].

Сегодня в политологических исследованиях национальной идентичности предлагается пересмотр подходов к оценке современной социальной динамики – остро обсуждаемой проблемы культурной и социально-политической поляризации [19]. В поле политологического рассмотрения идентификационных процессов (в частности, процесса дисфункций модели национально-территориального государства), проявляющихся в условиях кризисного и посткризисного мироустройства на фоне растущего разнообразия форм институционализации политических противостояний, ключевое место занимает расширительная трактовка авторами **концепта разделенных обществ** как категории политического анализа. В практической же политике стоит вопрос об обращении к идентичности как нематериальному ресурсу развития, который может способствовать продвижению ценностей доверия, ответственности, солидарности и в элитных, и в массовых группах на разных урнях взаимодействия [20].

Политологи обращаются к эволюционным трансформациям современных обществ, оперируя понятиями социальных размежеваний, идейно-политических противостояний, социокультурных расколов, которые уже утвердились в политической науке, характеризуют системные элементы эволюционных трансформаций современных обществ [21]. Однако, по мнению И. С. Семененко, в современном дискурсе социальных наук эти проблемы не находятся пока в фокусе исследовательского внимания, тогда как сам «феномен разделенности (как реальность разделенных обществ) уже прочно включен – посредством информационных потоков – в сферу массового сознания и идентичности и стал неотъемлемым атрибутом современной социально-политической реальности, элементом повседневности» [21, с. 57].

Еще одна проблема, которую отмечает И. С. Семененко, интерпретируя мысль мэтра исторической социологии Н. Элиаса о том, что нам недостает

«мыслительных моделей и общего видения» [22, с. 19], чтобы увидеть, что социальные и культурные трансформации нередко обгоняют способности видеть социальность за рамками ее привычных форм и, тем более, адаптировать политические институты к новым общественным потребностям. Проявляется «эффект запаздывания»: «Мы-образ» оказывается «далеко позади реальности глобальных взаимозависимостей», а «захваченные этими изменениями люди в своей личностной структуре, в своем социальном габитусе еще продолжают оставаться на более ранней стадии» социальности [22, с. 294, 305, 317].

Противоречивый характер восприятия социально-политических процессов в российском обществе. Дальнейшее имущественное расслоение и социальное разобщение общества, зафиксированное в 2021 году [23, с. 68–87], за последний год стали фактором продолжающейся поляризации сознания в восприятии своей страны, народа, политических институтов, идеологий, а также политических решений. Социально-политические проблемы в государстве отражаются на характере социальных отношений, демонстрируя проявление **противоречивых тенденций**.

В ряде исследований зафиксировано переплетение противоположных процессов: с одной стороны, консолидации, солидаризации, сплочения [24; 25], а с другой, – социальной фрагментации, раскола, роста интолерантности к другому [26; 13]. Основным консолидирующим фактором является сегодня спецоперация России на Украине.

Следует, однако, иметь в виду, что консолидирующее действие подобного рода фактора внешней угрозы, как показал «крымский консенсус», может носить временный характер. Наличие противоречий в восприятии социально-политических процессов свидетельствует о сложном психологическом состоянии российского общества, а также о сложности применения объяснительных схем одной отрасли науки для понимания причин, форм и последствий изменений в социальных отношениях.

Ценностно-нормативная интеграция и консолидация. Для описания динамично развивающейся ситуации оказалось недостаточно **теорий доверия и добровольчества**: они отражают процессы сплочения в определенных группах российского общества [27]. Объяснительный потенциал механизма ценностно-нормативной интеграции и консолидации российские социологи обнаружили в **теории «сообществ судеб»** П. Бэра, предложившего три сценария развития сообществ в условиях масштабной угрозы, определяющей их настоящее и будущее [28]. Кроме того, обращение к его теории «сообществ судьбы» представляет интерес для анализа условий консолидации [29]. П. Бэр выделил семь условий такого сплочения, включающих пространственно-временные характеристики, тесноту социальных связей, материально-организационные условия, культурно-идентификационные ресурсы. Для нашего анализа особую важность имеет последнее условие – культурные основания коллективной мобилизации и, прежде всего, групповая идентичность. Теория «сообщества судьбы» попадает в поле теорий конфликта, социальных ритуалов и мобилизации ресурсов, динамику которых она отражает. В то же время, анализируя социальную энергию через призму условий сплоченности-солидарности, мы выходим на научную проблему недостаточности некоторых условий предложенного подхода для анализа национальной и временной специфики российского общества.

Как правило, общественная система реагирует на проблемный фон самой чувствительной подсистемой – культурой, структурными компонентами которой, согласно Т. Парсонсу, являются ценности, а главной функцией – воспроизводство образца [30]. Культура как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» рассматривалась П. А. Сорокиным как один из трех важных аспектов в «структуре социокультурного взаимодействия» наряду с личностью и обществом [31, с. 218].

Обогащение культуры есть развитие человека и общества, а «раскультуривание» равнозначно «расчеловечиванию», деградации. Сегодня многое в меняющемся мире толкает человеческие сообщества по второму пути. Но дело не только в этом. Современное государство, по мнению российского политолога О. Ф. Шаброва, не случайно называют национальным: его устойчивость покоится на двух основаниях [32, с. 295–299].

Одно из них – институт государства как инструмент поддержания внутреннего порядка и внешнего суверенитета. Но общественные системы покоятся не только на экономике и аппарате принуждения. История дает немало примеров крушения империй в моменты их экономического и военного могущества. Причиной становилось разрушение общественного единства, покоящегося на общности социальных ценностей и основанном на них чувстве национальной идентичности, сопричастности граждан к делам своей страны, объединяющем их в единое политическое сообщество.

Второе основание – идентичность граждан сообществу, объединяемому государством, идентичность, которая основана только на общих ценностях, тех самых «образцах», которые сплачивают население в народ и нацию и за производство и воспроизводство которых «отвечает» подсистема культуры. «Ослабление чувства национально-государственной идентичности равнозначно атомизации общества, превращению народа в население и утрате устойчивости государством, что делает его менее способным обеспечивать целостность и суверенитет» [32, с. 295].

Изменение характера социально-экономических и социально-политических отношений за последний год, ускоренная цифровизация всех сфер жизни и, как следствие, виртуализация социальных отношений и информационной среды ослабили действие механизмов функционирования и воспроизводства культуры, – этого сложного целого, состоящего по Ю. Лотману «из пластов разной скорости развития» [33, с. 20], лежащего в основе групповой, этнической, национально-государственной идентичности. Происходят изменения не только внешние, но и психологические, духовные. Общество оказалось под воздействием не только объективных социальных трансформаций: латентное влияние на самоидентификацию личности и групп оказывают изменчивость социальных представлений и ценностей, а также неопределенность норм и установок. Возник большой разрыв между субъективными и объективными пространством и временем, отношением к ним и к изменениям, в них происходящих.

Изменению подвержены представления граждан о реальном мире. В первую очередь это касается молодёжи, социализация которой всё больше смещается в виртуальное пространство. Как следствие, размывается ценностно-символическое пространство национально-государственной идентичности, формируется неустойчивая и эклектичная, в отличие от реальности, картина мира, в том числе и политическая. Отмечаются такие характеристики массового сознания как противоречивость, размытость, неопределенность и даже разорван-

ность сознания, особенно у молодых людей, первичная социализация которых проходила в эпоху интернета [34; 35; 36]. Все это не «закрыло» в научном дискурсе проблемы продолжающегося кризиса национально-государственной идентичности, ее фрагментации, расширения ее множественной детерминации. Дальнейшее имущественное расслоение и социальное разобщение общества в условиях ограничений, связанных с пандемией, а сегодня еще и в условиях затянувшейся специальной военной операции, стали фактором продолжающейся поляризации сознания в восприятии своей страны, народа, политических институтов, идеологий, а также образов власти и политиков.

Эволюционно устойчивые общемировые тенденции в той или иной мере все больше охватывают российскую молодежь, особенно пользующуюся интернет-сетями. Молодые люди ищут себя «среди смешанных и переплетающихся слоев идентичности: планетарная, цивилизационная, национальная и гражданская, социокультурная, социальная и профессиональная, этническая, персональная» [37, с. 191]. При этом автором выявлено, что не все слои идентичности отрефлексируются субъектами, некоторые остаются для них скрытыми, неявными, латентными.

Ценностно-аффективная поляризация социальных групп. Усиление фрагментарности и разрывов социальной ткани российского социума психологи рассматривают через анализ психологического состояния общества, применяя макропсихологический подход [38]. В наиболее общем виде психологическое состояние общества (ПСО) – это интегральная величина, характеризующая осознанность (оценку) респондентами экономической, политической и ценностной поляризации, определяемой на основе анализа как объективных данных, так и субъективных оценок. Величина ПСО характеризует представление людей о том, что в обществе, помимо социальной группы, с которой они себя идентифицируют, обнаруживается группа людей, имеющих иной статус или занимающих противоположную мировоззренческую позицию по вопросам экономики, политики или культурных норм и ценностей. Для его оценки А. В. Юревич предложил композитный индекс макропсихологического состояния российского общества [39], объединяющий два вторичных индекса: индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса. Для этого российские ученые из Института психологии РАН применяют «поляризационную модель» оценки психологического состояния общества на основе **концепции психологической поляризации**, разработанной французским социальным психологом С. Московичи [40]. В результате был выявлен феномен групповой поляризации. Эмпирическое пилотное исследование, проведенное в 2019 году, показало, что российское общество является психологически поляризованным [41; 42]. Особое внимание в исследовании уделяется такой переменной, как рост аффективности поляризации и тенденции к иррациональным суждениям членов поляризованных подгрупп. Авторы исследования назвали это явление «основным законом» ценностно-аффективной поляризации.

Другая группа ученых из Института психологии РАН работает над проблемой психоэмоционального состояния российского общества начала 2020-х гг. [43]. Авторы выделяют мотивационно-аффективные и социально-когнитивные характеристики психологического состояния общества, которые могут оказать влияние на политические процессы в современной России. Результаты этих исследований психологического состояния личности и больших социальных групп

в условиях глобальных рисков и в контексте переживания неконтролируемой угрозы, значимы для понимания психологических особенностей восприятия социально-политических изменений и формирования образа коллективного будущего, а также для прогнозирования изменений в структуре современного миропорядка, для оценки глобальных рисков и возможностей их преодоления.

Выводы.

1. Латентное влияние на процессы интеграции/дифференциации социальных групп и общества в целом оказывает изменчивость социальных представлений и ценностей, неопределенность норм и установок, трансформация политических потребностей, интресов и ориентаций. В период неопределенности «переходного состояния» общество реагирует переплетением двух процессов: социальной консолидацией и фрагментацией.
2. Социологическая наука обращается к осмыслению процессов интеграции/дифференциации времени позднего модерна, характеризующегося большой неопределённостью, текучестью, сложностью, неоднозначностью. Анализ идентификационных механизмов консолидации и фрагментации получил развитие в рамках когнитивистски и конструкционистски ориентированных концепций, взаимовлияния идентичности, исторических социальных структур и социальных процессов.
3. В политической науке обращаются к эволюционным трансформациям современных обществ, оперируя понятиями социальных размежеваний, идейно-политических противостояний, социокультурных расколов, которые уже утвердились в политической науке и характеризуют системные элементы эволюционных трансформаций современных обществ.
4. В психологических исследованиях поляризации сознания последнего десятилетия учитываются меняющиеся контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также новые подходы к анализу информационной культуры: от анализа общих характеристик к дифференциации слоев, к учету и описанию новых «археологических» слоев информационной культуры.

Общественное единство держится на общности социальных ценностей и основанном на них чувстве национальной идентичности, сопричастности граждан к делам своей страны, объединяющем их в единое сообщество. Сегодня мы являемся, однако, свидетелями зарождения феномена социальной фрагментации и ослабления идентификационных параметров со своей страной.

Библиографический список

1. Пелипенко А. А. Эволюция: вектор и траектории // Человек. 2016. № 6. С. 5–17. EDN [ZTDGJR](#).
2. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3, № 2. С. 185–219. EDN [NCSQJB](#).
3. Поршнев Б. Ф. «Мы и они» как конструктивный принцип психической общности // Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов. Москва, 1968. Т. 3. Вып. 1.
4. Вите О. Т. «Я – счастливый человек». Книга «О начале человеческой истории» и ее место в творческой биографии Б. Ф. Поршнева // Развитие личности. 2007. № 2. С. 204–225. EDN [KYLFOF](#).
5. Поршнев Б. Ф. Принципы социально-этнической психологии. Москва : Наука, 1964. 126 с. EDN [SNHPSN](#).
6. Дифференционно-интеграционная теория развития. Книга 2. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 720 с. ISBN 978-5-9551-0733-2. EDN [TEEGVF](#).

7. *Никовская Л. И.* Модернизация в России: проблемы выбора модели // Наука. Культура. Общество. 2010. № 4. С. 76-87. EDN [XKZDAS](#).
8. *Luhmann N.* The Differentiation of Society. New York : Columbia University Press, 1982. ISBN 0-231-04996-X.
9. *Дубин Б. В.* Режим разобщения. Новые заметки к определению культуры и политики // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 1. С. 6–19. EDN [WRKBWC](#).
10. *Сорокин П. С., Попова Т. А.* Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуриации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 457–468. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468](#). EDN [YVLBHA](#).
11. *Филиппов А. А.* Мобильность и солидарность. Статья 1 // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 4–20. EDN [OPQEFF](#).
12. *Филиппов А. Ф.* Народ как социологическая фикция и политическая реальность // Пути России. Народничество и популизм : Сб. статей участников XXVI Международного симпозиума (Москва, 27–28 сентября 2019 г.). Том XXVI. Москва : ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. С. 111–121. EDN [HNXYBO](#).
13. *Амбарова П. А.* Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51. DOI [10.31857/S013216250017229-4](#). EDN [ZQSCCU](#).
14. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. Москва : АСТ, 2008. 335 с. ISBN 978-5-271-21740-1. EDN [QWTMKZ](#).
15. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
16. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. Москва : Логос, 2005. 664 с. ISBN 5-98704-024-8.
17. *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. С. А. Комаров. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1. EDN [QOABEJ](#).
18. *Дробизжева Л. М.* Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4(140). С. 7–22. DOI [10.14515/monitoring.2017.4.02](#). EDN [YLYNRW](#).
19. *Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И.* Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56–77. DOI [10.17976/jpps/2021.05.05](#). EDN [DTBRYE](#).
20. *Семенов И. С.* Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 25–45. DOI [10.17976/jpps/2021.02.03](#). EDN [LCWSXT](#).
21. *Семенов И. С.* «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 9–26. EDN [PFCYSZ](#).
22. *Элиас Н.* Общество индивидов / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского [и др.]. Москва : Праксис, 2001. 331 с. ISBN 5-901574-01-X. EDN [SGUXQL](#).
23. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / М. А. Ананьин, В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](#). EDN [GJTТTK](#).
24. *Ким А. С., Полошкевич О. А.* Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Иркутск, 21 февраля 2022 г.). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 65–68. EDN [HLLYSN](#).
25. *Розгачев С. В., Ильичева М. В., Иванов А. В.* Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 129–140. DOI [10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](#). EDN [NOCHSG](#).
26. *Макушева М. О.* «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян // Социодиггер. 2022. Том 3, № 7(19). С. 11–20. EDN [YYIGCN](#).

27. Благотворительность в России: вовлеченность, мотивы, барьеры : аналитический обзор // ВЦИОМ. 05 сентября 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/blagotvoritelnost-v-rossii-vovlechnost-motivy-barery> (дата обращения: 12.09.2022).

28. Вахштайн В. С. Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 3(103). С. 155–162. EDN MDQYOK.

29. Vaehr P. Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. № 46(2). С. 179–211. DOI [10.1017/S000397560500007X](https://doi.org/10.1017/S000397560500007X). EDN HWABXB.

30. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Москва : Аспект Пресс, 1998. 270 с. ISBN 5-7567-0225-3.

31. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. Москва : Политиздат, 1992. 543 с. ISBN 5-250-01297-3.

32. Шабров О. Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. Т. 28, № 6. С. 295–299. DOI [10.31171/vlast.v28i6.7800](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7800). EDN OAUOON.

33. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПб. 2000. 704 с. ISBN 5-210-01488-6.

34. Дробужева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9). EDN IZTYSH.

35. Евеньева Т. В. Идентификационное измерение образа страны: методы исследования и интерпретация результатов // Материалы IX международной социологической Группинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир» (Москва, 20–21 марта 2019 г.). Москва : ВЦИОМ, 2019. С. 188–193. EDN WVNSYJ.

36. Сащенко Н. П. Трансформация социально-политических представлений: проблема национально-государственной идентичности // Пандемия как двигатель трансформации: глобальное, государственное и корпоративное управление : Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 мая 2020 г.). Москва, КноРус, 2020. С. 28–32. EDN IQWRGH.

37. Гусельцева М. С. Психологические маркеры перемен: трансформация ценностей в транзитивном обществе // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А. Асмолова. Москва : ИД ЯСК, 2018. С. 181–198.

38. Макропсихология современного российского общества / М. И. Воловикова, Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев [и др.]. Москва : Институт психологии РАН, 2009. 352 с. ISBN 978-5-9270-0150-7. EDN QXXRFZ.

39. Юревич А. В. Психология социальных явлений. Москва : Институт психологии РАН, 2014. 348 с. ISBN 978-5-9270-0288-7. EDN TAMCQP.

40. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of personality and social psychology. 1969. Vol. 12(2). Pp. 125–135. DOI [10.1037/h0027568](https://doi.org/10.1037/h0027568).

41. Лебедев А. Н. Психологическое состояние общества с позиции макропсихологического подхода // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2019. № 4 (104). С. 41–48. DOI [10.22204/2410-4639-2019-104-04-41-48](https://doi.org/10.22204/2410-4639-2019-104-04-41-48). EDN ASGEEK.

42. Лебедев А. Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2, № 1. С. 2–19. DOI [10.38098/proceedings_2022_02_01_01](https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_01_01). EDN IRRJVS.

43. Нестик Т. А., Селезнева А. В., Шестопал Е. Б., Юревич А. В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 5. С. 3–14. EDN FCQJEA.

Дата поступления в редакцию: 28.09.2022.

Принята к печати: 20.10.2022.

Сведения об авторе:

Сащенко Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: nsaschenko@mail.ru

Author ID РИНЦ: 168978

ORCID: 0000-0002-0632-9937

N. P. Sashchenko¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

PROCESSES OF INTEGRATION/DIFFERENTIATION IN RUSSIAN SOCIETY: QUESTIONS OF METHODOLOGY

Abstract. The problem of theoretical foundations that adequately explain the phenomenon of social integration/differentiation of society in the context of global changes is posed, an analysis of approaches within the framework of sociological, cultural, political science, and psychological postmodern concepts is given. It is shown that the complication of the transitional state of society weakens the effect of adaptive socio-psychological mechanisms, removing the problem of the complexity of the transitional state from the analytical field of social sciences into the interdisciplinary space.

Possible directions of theoretical search for factors of latent influence on the processes of integration/differentiation, social groups and society as a whole are revealed. The large gap that has arisen between subjective and objective spaces and time, the attitude towards them and the changes taking place in them, is proposed to be explored with the help of cultural concepts of evolutionary dynamics and intra-system and cross-system aromorphoses.

It is shown that sociological science refers to the understanding of the processes of integration/differentiation of the time of late modernity, characterized by great uncertainty, fluidity, complexity, and ambiguity. The analysis of identification mechanisms of consolidation and fragmentation has been developed within the framework of cognitivist and constructionist-oriented concepts, the mutual influence of identity, historical social structures and social processes.

The importance of studying the conditions of consolidation, cohesion of society within the framework of the concept of a divided society, established in political science.

It is proposed to turn to the macropsychological approach to analyze the psychological state of society. Attention is drawn to the fact that psychological studies of the polarization of consciousness of the last decade take into account the changing contexts of globalization, transitivity, virtuality, as well as new approaches to the analysis of information culture: from the analysis of general characteristics to the differentiation of layers, to the accounting and description of new “archaeological” layers information culture.

Keywords: social integration; social differentiation; divided society; social fragmentation; consolidation; nation-state identity; sociological theory; concepts of political science.

For citation: Sashchenko N. P. (2022) *Processes of integration/differentiation in Russian society: questions of methodology. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 4. Pp. 22–35. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.2*

References

1. Pelipenko A. A. (2016) Evolution: vector and trajectories. *Chelovek*. No. 6. Pp. 5–17 (in Russ.).
2. Porshnev B. F. (2010) Countersuggestion and history (An elementary socio-psychological phenomenon and its transformation in the development of mankind). *Historical Psychology & Sociology* [Istoricheskaya psihologiya i sociologia istorii]. Vol. 3. No. 2. Pp. 185–219 (in Russ.).
3. Porshnev B. F. (1968) “We and them” as a constructive principle of mental community. *Materials of the III All-Union Congress of the Society of Psychologists*. Vol. 3. Issue 1 (in Russ.).
4. Vite O. T. (2007) “I’m a happy person”. The book “On the Beginning of Human History” and its place in the creative biography of B. F. Porshnev. *Development of personality*. No. 2. Pp. 204–225 (in Russ.).
5. Porshnev B. F. (1964) *Principles of socio-ethnic psychology*. Moscow. 126p. (In Russ.).

6. *Differential-integration theory of development*. Book 2. Moscow, LRC Publ. House, 2014. 720 p. ISBN 978-5-9551-0733-2 (in Russ.).

7. Nikovskaya L. I. (2010) Modernization in Russia: a problem of model selection. *Science. Culture. Society*. No. 4. Pp. 76–87 (in Russ.).

8. Luhmann N. (1982) *The Differentiation of Society*. New York, Columbia University Press. ISBN 0-231-04996-X (in Eng.).

9. Dubin B. V. (2009) Disconnection mode. New notes on the definition of culture and politics. *Pro et Contra*. Vol. 13. No. 1. Pp. 6–19 (in Russ.).

10. Sorokin P. S., Popova T. A. (2021) Classical and contemporary approaches to the study of solidarity: Challenges and perspectives under deconstruction. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 3. Pp. 457–468. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468) (in Russ.).

11. Filippov A. (2011) Mobility and solidarity. Paper 1. *Sociological Review*. Vol. 10. No. 3. Pp. 4–20 (in Russ.).

12. Filippov A. F. (2020) The People as a Sociological Fiction and Political Reality. In: *Ways of Russia. populism and populism*. Coll. of articles of the XXVI International Symposium. Moscow, “Delo” RANEPa Publ. Pp. 111–121 (in Russ.).

13. Ambarova P. A. (2022) Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of a sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. Pp. 41–51. DOI [10.31857/S013216250017229-4](https://doi.org/10.31857/S013216250017229-4) (in Russ.).

14. Zinoviev A. A. (2008) *On the way to supersociety*. Moscow, AST Publ. 335 p. ISBN 978-5-271-21740-1 (in Russ.).

15. Sztompka P. (2001) Social change as a trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. Pp. 6–16 (in Russ.).

16. Sztompka P. (2005) *Sociology. Analysis of modern society*. Transl. from Polish by S. M. Chervonnaya. Moscow, Logos Publ. 664 p. ISBN 5-98704-024-8 (in Russ.).

17. Bauman Z. (2008) *Liquid modernity*. Transl. from Eng. by S. A. Komarov. St. Petersburg, Piter Publ. 240 p. ISBN 978-5-469-00034-1 (in Russ.).

18. Drobizheva L. M. (2017) Dynamics of civic identity and its potential in positive integration processes in the Russian community. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. No. 4. Pp. 7–22. DOI [10.14515/monitoring.2017.4.02](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02) (in Russ.).

19. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. (2021) Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: criteria for assessment and classification. *Polis. Political Studies*. No. 5. Pp. 56–77. DOI [10.17976/jpps/2021.05.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05) (in Russ.).

20. Semenenko I. S. (2021) Rethinking development in social sciences: on the threshold of an ethical turn. *Polis. Political Studies*. No. 2. Pp. 25–45. DOI [10.17976/jpps/2021.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03) (in Russ.).

21. Semenenko I. S. (2012) “Homo politicus” facing alternative political developments: rethinking the individual dimension of politics. *Polis. Political Studies*. No. 6. Pp. 9–26 (in Russ.).

22. Elias N. (2001) *Die Gesellschaft der Individuen*. Transl. from Deutsch by A. Yu. Antonovsky [et al.]. Moscow, Praxis Publ. 331 p. ISBN 5-901574-01-X (in Russ.).

23. Ananyin M. A., Arkhangelsky V. N., Bezverbnny V. A. [et al.] (2021) *Pandemic challenges and the strategic agenda for society and the state: the socio-political situation and demographics in 2021*. Moscow, FCTAS RAS. 558 p. DOI [10.19181/mono-gr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/mono-gr.978-5-89697-384-3.2021) (in Russ.).

24. Kim A. S., Polyushkevich O. A. (2022) Social solidarity through pro-social practices of civic activists and volunteers. In: *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (Irkutsk, February 21, 2022). Irkutsk, Irkutsk State University. 307 p. Pp. 65–68 (in Russ.).

25. Rogachev S. V., Il'icheva M. V., Ivanov A. V. (2022) Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks. *Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences*. No. 1. Pp. 129–140. DOI [10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140) (in Russ.).

26. Makusheva M. O. (2022) “Conflict and Solidarity”. How the conflict between Russia and Ukraine is projected onto the public opinion of Russians. *Sociodigger*. Vol. 3. No. 7(19). Pp. 11–20 (in Russ.).

27. Charity in Russia: involvement, motives, barriers. *WCIOM*. September 5, 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/blagotvoritelnost-v-rossii-vovlechennost-motivy-barery> (last request: 12.09.2022) (in Russ.).

28. Vakhstein V. S. (2020) Pandemic, Fear, Solidarity. *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 3(103). Pp. 155–162.
29. Baehr P. (2005) Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS. *European Journal of Sociology*. No. 46(2). Pp. 179–211. DOI [10.1017/S000397560500007X](https://doi.org/10.1017/S000397560500007X) (in Eng.).
30. Parsons T. (1998) *The system of modern societies*. Transl. from Eng. by L. A. Sedov & A. D. Kovalev. Moscow, Aspect Press. 270 p. ISBN 5-7567-0225-3 (in Russ.).
31. Sorokin P. (1992) *Man, civilization, society*. Moscow, Politizdat. 543 p. ISBN 5-250-01297-3 (in Russ.).
32. Shabrov O. F. (2020) Cultural policy and national-state sovereignty. *Vlast'*. Vol. 28. No. 6. Pp. 295–299. DOI [10.31171/vlast.v28i6.7800](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7800) (in Russ.).
33. Lotman Yu. M. (2000) *Semiosphere*. St. Petersburg, "Art-SPB" Publ. 704 p. ISBN 5-210-01488-6 (in Russ.).
34. Drobizheva L. M. (2020) Russian identity: searching for definition and distribution dynamic. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8. Pp. 37–50. DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9) (in Russ.).
35. Evgenyev T. V. (2019) Identification measurement of the image of the country: research methods and interpretation of results. In: Proceedings of the IX International Sociological Grushin Conference "Socia Engineering: How Sociology Changes the World" (Moscow, March 20-21, 2019). Moscow, WCIOM Publ. Pp. 188–193 (in Russ.).
36. Sashchenko N. P. (2020) Transformation of socio-political ideas: the problem of national-state identity. In: *Pandemic as an engine of transformation: global, state and corporate governance*. Materials of the international scientific-practical conference. Moscow, Knorus Publ. Pp. 28–32 (in Russ.).
37. Guseitseva M. S. (2018) Psychological markers of change: transformation of values in a transitive society. In: *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. Ed. by A. Asmolov. Moscow, LRC Publ. House. Pp. 181–198 (in Russ.).
38. Volovikova M. I., Emelyanova T. P., Zhuravlev A. L. [et al.] (2012) *Macropsychology of modern Russian society*. Moscow, Institute of Psychology RAS. 352 p. ISBN 978-5-9270-0150-7 (in Russ.).
39. Yurevich A. V. (2014) *Psychology of social phenomena*. Moscow, Institute of Psychology RAS. 348 p. ISBN 978-5-9270-0288-7 (in Russ.).
40. Moscovici S., Zavalloni M. (1969) The group as a polarizer of attitudes. *Journal of personality and social psychology*. Vol. 12(2). Pp. 125–135. DOI [10.1037/h0027568](https://doi.org/10.1037/h0027568) (in Eng.).
41. Lebedev A. N. (2019) Psychological condition of society from the viewpoint of macro-psychological approach. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij*. No. 4 (104). Pp. 41–48. DOI [10.22204/2410-4639-2019-104-04-41-48](https://doi.org/10.22204/2410-4639-2019-104-04-41-48) (in Russ.).
42. Lebedev A. N. (2022) On the theory of value-affective polarization of social groups. *Proceedings of the Institute of Psychology of RAS*. Vol. 2. No. 1. Pp. 2–19. DOI [10.38098/proceedings_2022_02_01_01](https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_01_01) (in Russ.).
43. Nestik T. A., Selezneva A. V., Shestopal E. B., Yurevich A. V. (2021) The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia. *Voprosy Psychologi*. Vol. 67. No. 5. Pp. 3–14 (in Russ.).

The article was submitted on September 28, 2022.

Accepted on October 20, 2022.

Information about the author:

Natalia P. Sashchenko, Candidate of Psychology, Associate professor,
Leading researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

e-mail: nsaschenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0632-9937

DOI 10.19181/nko.2022.28.4.3

EDN QACNZM

УДК 316.2

А. А. Кошелев¹, М. С. Ивченкова²

¹ СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, Россия.

² Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Трансформации современного социума, его стремительная информатизация и цифровизация формируют новый социальный запрос на анализ происходящего и прогнозирование будущего. В публичном пространстве и практиках повседневности всё чаще появляется фигура эксперта как производителя особого экспертного знания. Именно, экспертное знание становится востребованным и обретает так называемый символический капитал.

В данной работе авторы делают попытку ретроспективного обзора осмысления феномена экспертного знания в теоретических концепциях классиков социологической науки. Кроме того, в статье представлен теоретико-методологический анализ работ отечественных ученых в области социальных наук, занимающихся проблематикой экспертного знания в современном российском обществе. По итогам анализа теоретических концептов делается заключение, что экспертное знание представляет собой сложный многогранный социальный феномен, история которого уходит в античность и развивается на протяжении веков. В первую очередь, экспертное знание – это совокупность навыков и умений, позволяющих их носителям вырабатывать конкретные рекомендации в управленческих и политических процессах. Во-вторых, необходимым критерием экспертного знания выступает его публичный характер. Дискуссионным остается вопрос относительно того, что приоритетно в экспертном знании – наука или практика. На наш взгляд, и наука, и практика должны объединиться для решения прикладных задач объективной реальности усложняющегося современного социума. Именно экспертное знание как квинтэссенция фундаментальных знаний, профессионального опыта и персональной ответственности эксперта может стать эффективным инструментом сопровождения трансформационных изменений в нашей стране.

Ключевые слова: экспертное знание; научное знание; эксперт; символический капитал; капитализация знания.

Для цитирования: Кошелев А.А., Ивченкова М.С. Экспертное знание как социальный феномен: теоретико-методологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 36–43. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.3. EDN QACNZM

Введение. Актуальность предложенной темы обусловлена необходимостью идентифицировать понятие «экспертное знание» в контексте развития современного российского социума. В этой связи целью исследования является теоретический анализ понятия данного феномена в исторической ретроспективе. Следовательно, объектом исследования выступает экспертное знание, как социальная категория, а предметом, – теоретический и исторический анализ становления понятия «экспертное знание».

Основываясь на цели, объекте и предмете нами был выбран метод теоретико-методологического и исторического анализа, как наиболее объективная форма исследования обозначенного социального явления. Если проанализировать степень изученности предмета исследования, то вполне очевидно конструируется

вывод об абстрактности западных ученых и несколько размытом обосновании изучаемого феномена среди российских специалистов, что обусловлено спецификой исследовательских практик в отечественной социальной науке.

Результаты исследования и обсуждения. Проблематика экспертного знания становится крайне актуальной в условиях ориентира социума на запросы цифровой экономики, требуя более четкой идентификации понятия в рамках концепций социальных и гуманитарных наук.

Традиционно понятие «экспертное знание» рассматривается как компетентное заключение или рекомендация специалиста в рамках прикладной исследовательской деятельности или накопленного опыта относительно той или иной проблемной ситуации, причин ее возникновения и сценариев развития. Экспертность рассматривается в науке и практике как качество индивида, основанное на профессиональном знании, что позволяет ему влиять на процессы принятия управленческих и политических решений. Иными словами, речь идет об обладании экспертом власти, основанной на знании.

Если обратиться к историческим особенностям формирования данного понятия в социологии, вполне логично вспомнить закон о трех стадиях развития общественного знания О. Конта [1]. В рамках данной теории, экспертность формируется на третьем уровне, так как любое знание, претендующее на экспертное, должно так или иначе ориентироваться на реальную практику и носить сугубо прикладной характер.

В трудах Э. Дюркгейма в основе любой экспертности лежит разделение труда, когда человек в целях выживания руководствуется советами профессионалов [2]. Разделение труда можно рассматривать как каскадирование цели на операции, при этом каждый ответственный за действие является своего рода экспертом, от решений которого зависит переход к следующей стадии.

Обращаясь к теории М. Вебера, где бюрократия есть позитивная форма организации коллективной деятельности, которая отличается своей упорядоченностью и рациональностью, можно говорить, что экспертность заключается в конструкте бюрократии, которая представляет собой наивысшую форму целесообразно-упорядоченного функционирования любого института [3].

В теоретических концепциях К. Маркса, на наш взгляд, становление экспертности следует связывать с процессом смены формации, сопровождающимся усложнением структуры общества, что, в свою очередь, требует иного уровня знаний, и в конечном счете обеспечивает динамику всемирной истории [4].

Если размышлять об экспертном знании с точки зрения эволюционных теорий, то, на наш взгляд, уместно вспомнить концепции информационного общества, когда развитие проходит три стадии: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное. Высшей стадией развития экспертности является информационное общество, когда основой и генератором становится университет, как центр компетенций. В этой связи следует подчеркнуть, что российский социолог Е. Р. Манцева [5] рекомендует изучать понятие экспертного знания именно с работ Д. Белла [6] и У. Бека [7], которые считают, что для информационного общества характерно интенсивное развитие интеллектуальных технологий, что требует грамотного эффективного процесса управления и совершенствования изменений.

Очевидно, что потребность в экспертном знании в условиях развития информационного общества существенно возрастает, актуализируя развитие новых компетенций, как ответ на технологические вызовы производства и потребления. Не случайно одно из многочисленных определений понятия «технология»

звучит, как «обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом» [8].

По мнению Д. Белла, технология – это результат деятельности, позволяющий сформировать прагматичные алгоритмы достижения целей в противовес интуитивным суждениям и поступкам. Но для этого, отмечает исследователь, важны именно прикладные узкоспециализированные знания, основанные на научных данных – это и будет являться ключевым условием прогресса постиндустриального общества [6]. Источником инноваций постиндустриального общества становятся научные исследования, которые непременно должны быть применены и эффективны для определенной отрасли. Следовательно, экспертное знание становится высшей ценностью информационного общества и катализатором достижения успеха в процессе поступательного развития социума. Иными словами, экспертное знание представляет собой не только совокупность знаний и умений, основанных на результатах исследовательских практик, но и ценность, что придает данному феномену системный смысл.

Информационное общество в условиях глобализации, когда стираются суверенные границы и национальные идентичности, генерирует риски геополитических столкновений, этнических конфликтов, информационных войн и экологических катастроф. По мнению У. Бека, экспертное знание призвано предотвратить или минимизировать подобные риски, а отсутствие знания приведет к предположению, что невозможно создать гарантии безопасности функционирования социума [7]. Таким образом, концепция У. Бека основана на рисках, в условиях которых индивид начинает конструировать сценарии ухода от них, а экспертное знание, представляющее собой систему навыков, профессиональных умений и фактов, призвано минимизировать возникающие угрозы. Не имея определенного набора знаний, человек руководствуется интуицией, это не позволяет решать актуальные проблемы и побуждает к постоянному процессу планирования, что требует определенного уровня понимания предметов риска [5; 7].

Безусловно, концепции Д. Бела и У. Бека внесли существенный вклад в исследование проблематики экспертного знания, но, на наш взгляд, им свойственен редукционизм, когда подчеркивается лишь значимость и ценность теоретического знания. Полноценным экспертом можно назвать профессионала, который, владея фундаментальным знанием, применяет его для решения конкретных прикладных задач, подчеркивая систему взаимодействия между теорией и практикой.

В российском обществе экспертное знание находится в процессе становления, что связано с трансформационными изменениями конца 90-х прошлого столетия. Следует отметить, что на рубеже веков данный термин развивался в рамках концепции «форсайта», основанного на методе Дельфи и предполагающего прогнозирование изменений в обществе под воздействием технологий [9].

Исторически сложилось, что в России экспертное знание существовало автономно от научного знания. Это было обусловлено процессами трансформации всего социума 1990-х гг., когда образовавшийся вакуум был насыщен западными идеями и инвестициями. В этот период специалисты из науки активно рекрутировались и внедрялись в ключевые сферы общества, за счет этого происходила капитализация экспертного знания. Под «капитализацией» здесь понимается подчинение той или иной сферы общественных отношений закономерностям воспроизводства капитала, взятого как единство сфер производства, обращения и потребления. Иными словами, товарно-денежные и капиталистические отношения стали конститутивными элементами функционирования

капитализированной сферы деятельности, тогда как ее собственные закономерности развития стали вторичными и видоизменялись под воздействием отношений с капиталом [10, с. 74–75].

Очевидно, что в основе понятия экспертности лежат два источника, придающие ей социальную ценность: наука и практическая ориентированность, причем высшее образование становится базой для всех типов деятельности. Знание эксперта всегда носит прикладной характер, так как предполагает определенный результат в сфере производства и потребления, которые косвенно связаны с наукой. Зачастую, решая управленческие задачи, бизнес вступает в коллаборацию с учеными, создавая базу для использования технологических решений науки в целях совершенствования решения прикладных задач. Ярким примером таких объединений являются научно-образовательные центры и консорциумы, предполагающие интеграцию научно-производственного потенциала вузов и корпораций для осуществления программ развития общества (например, Инновационный центр «Сколково», Особая экономическая зона «Иннополис»). Есть четыре стимула для бизнеса входить в коллаборацию с университетами. Это возможность получать дополнительное финансирование на научно-исследовательские работы, создавать тестовые лаборатории для апробации новых технологий, пользоваться массивом данных, накопленных университетом и готовить высококвалифицированные кадры, по сути, профессионалов-экспертов.

Функционирование экспертного знания тесно связано с коммуникациями различных общественных структур, которые искусственно интегрируются с целью совершенствования задач в различных сферах жизни социума. Как показывает исторический анализ, возникновение феномена экспертного знания и возрастание его роли в последнее столетие тесно связано с рядом ключевых процессов общественной жизни. Во-первых, это объяснимо стремительным развитием науки и технологий, как следствие – профессионализацией научной деятельности, увеличением численности ученых и научных сотрудников. Во-вторых, это обусловлено усложнением социальных процессов на всех уровнях взаимодействия – на политическом, экономическом, культурном. В-третьих, роль экспертного знания возрастает под воздействием глобализационных интеграционных процессов и процессов демократизации. В-четвертых, активное внедрение новых технологий и цифровизация бросают вызов привычным социальным практикам, что формирует социальный запрос на особое экспертное компетентное знание.

Обращаясь к теоретико-методологическому осмыслению феномена экспертного знания в современном мире, важно понять роль компетенций эксперта. Словари социальных наук предлагают в качестве основного требования к эксперту обладание набором профильных компетенций, применимых к конкретной отрасли знания. Вполне логично, что экспертом в таком случае выступает ограниченная совокупность людей, которая способна обрабатывать информацию и представлять для последующего принятия решений. Следовательно, мы можем говорить об элитарном подходе к обоснованию понятия экспертное знание, как социального феномена. В подтверждении данного утверждения приведем концепцию З. Баумана, считавшего, что экспертиза – это удел небольшого числа специалистов, которые являются переводчиками на язык обывателя сложных многогранных социальных процессов [11, с. 25–27].

Логично предположить, что экспертные знания всегда были инструментом генерирования технологических решений, так как обладателями знаний выступали ученые, то более ценным для общественного развития является высшее образования. Еще раз отметим, что на наш взгляд, именно ученые-практики

могут выступать наиболее эффективными экспертами для решения социально-значимых задач современности.

В дискурсе современных социальных наук присутствует и явная критика экспертного знания. Так, П. Фейерабенд отмечает снижение качества экспертного знания и подчеркивает необходимость более глубокого взаимодействия науки и практики [12, с. 124]. С подобными опасениями выступает и Т. Николс, говоря о «смерти экспертизы» в следствие отказа от традиционной системы научного познания и «отсутствия уважения к знанию» [13]. Отечественный философ А. Ю. Ашкерев осмысляет риски активного обращения к экспертному знанию («культ экспертной оценки») в принятии решений и вводит понятие «экспертотократии», под которым понимает всеобъемлющий социальный кризис, вызванный, с одной стороны, перепроизводством информации, а с другой, – монетизацией науки и системы образования [14].

Экономическую составляющую экспертного знания анализирует О. Б. Кошковец [9; 15]. Она утверждает, что современное экспертное знание формируется под воздействием двух процессов: происходит слияние науки и техники, и, одновременно, мы наблюдаем «капитализацию научных знаний». Кошковец отмечает, что именно возможность капитализации знания и выход его в публичное пространство есть необходимые условия трансформации научного знания в экспертное. «В современном мире экспертное знание становится доминирующей формой существования и функционирования научного знания, поскольку наука, система образования, равно как и система государственного управления, а также масс-медиа постепенно подчиняются закономерностям воспроизводства капитала,» – пишет Кошковец [15, с. 249].

Кошковец делает акцент, что капитализация знания и эксперта становится возможной только в момент выхода исследователя в публичное пространство. Когда к исследователю за экспертным знанием начинают обращаться политики, а затем и журналисты, он становится экспертом с неким символическим капиталом. Именно в процессе обретения публичного признания транслируемое экспертом знание становится субъективным, ангажированным и трансформируется в «ресурс формирования символического капитала» [15].

Примечательно, что политолог А. Ю. Сунгуров крайне положительно рассматривает возможности публичного пространства для аккумуляции экспертного знания [16; 17]. Именно в различных формах экспертных сообществ («фабрики мысли», аналитические центры, независимые эксперты, организации общественного контроля РФ), которые должны быть активно включены в поле публичной политики, он видит возможности развития политической системы России [16; 17]. Обращаясь к работам и другим современным российских социологов (С. А. Кравченко, О. Н. Яницкий), мы видим, что необходимым качеством экспертного знания выступает его публичный характер [18]. Безусловно, выход эксперта и производимое им знание в масс-медиа и политическое поле несут ряд рисков. В первую очередь, риски связаны с предоставлением субъективного мнения в погоне за популярностью или гонорарами, а не с трансляцией исследовательской объективности и поиска истины, как ключевой цели науки. На наш взгляд, эти риски лежат в зоне персональной ответственности эксперта, и их минимизация обусловлена общекультурными и этическими стандартами эксперта.

Заключение. Экспертное знание, – сложный многогранный социальный феномен, история которого уходит в античность и развивается на протяжении веков. В первую очередь, экспертное знание – это совокупность навыков

и умений, позволяющих их носителям вырабатывать конкретные рекомендации по профилактике и преодолению проблемных ситуаций в различных сферах социальной жизни. Во-вторых, необходимым критерием экспертного знания выступает его публичный характер. Следует подчеркнуть, что на протяжении всего периода развития феномена экспертного знания, у исследователей вставал вопрос соотношения фундаментальной науки и прикладного характера экспертных практик. На наш взгляд, и наука, и практика должны объединиться для решения прикладных задач объективной реальности усложняющегося современного социума. Именно экспертное знание как квинтэссенция фундаментальных знаний, профессионального опыта и персональной ответственности эксперта может стать эффективным инструментом сопровождения трансформационных изменений в нашей стране.

Библиографический список

1. *Конт О.* Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / Пер. с фр. И. А. Шапиро. Ростов н/Д. : Феникс, 2003. 256 с. ISBN 5-222-03417-8.
2. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. Москва : Канон, 1996. 432 с. ISBN 5-88373-036-1.
3. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / Пер. с нем. Москва : ИД Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. 445 с. ISBN 978-5-7598-1513-6. EDN [XZYVED](#).
4. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Сочинения: в 30ти томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва : Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.
5. *Манцева Е. Р.* Характер знаний в теории постиндустриального общества Д. Белла и У. Бека // Социология. 2017. № 2. С. 41–44. EDN [PORCXD](#).
6. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социологического прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. Москва : Academia, 2004. 783 с. ISBN 5-87444-203-0. EDN [QOCVVP](#).
7. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. Москва : Прогресс Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN [RAYTKJ](#).
8. *Лем С.* Сумма технологий / Пер. с польск. Москва : Мир, 1968. 608 с.
9. *Кошовец О. Б.* Особенности экспертного знания в России (на примере становления российского Форсайта) // Вопросы экономики. 2007. № 11. С. 25–43. DOI [10.32609/0042-8736-2007-11-25-43](#). EDN [JVXMKT](#).
10. *Фролов И. Э.* Концепция экономико-технологического механизма ускоренного развития наукоемкого высокотехнологического сектора экономики и ее теоретические основы // Концепции. 2007. № 1. С. 27–58. EDN [VUGXEP](#).
11. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М. Л. Коробочкина. Москва : Изд-во «Весь Мир», 2004. 188 с. ISBN 5-7777-0303-8. EDN [QOCZEN](#).
12. *Feuerabend P.* How to Defend Society against Science? // Radical Philosophy. 1975. RP 011. Pp. 3–8.
13. *Николс Т.* Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания / Пер. с англ. Т. Л. Платоновой. Москва : Эксмо, 2019. 368 с. ISBN 978-5-04-093427-0.
14. *Ашкеров А. Ю.* Экспертократия. Управление знаниями. Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. Москва : Европа, 2009. 132 с. ISBN 978-5-9739-170-7. EDN [QOKUYP](#).
15. *Кошовец О. Б.* Эксперт и воспроизводство научного знания // Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях // О. И. Ананьин [и др.] ; отв. ред. О. И. Ананьин. Москва : Наука, 2008. С. 210–249. EDN [VULYRL](#).
16. *Сунгуров А. Ю.* Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. Москва : Изд-во «Политическая энциклопедия», 2015. 283 с. ISBN 978-5-8243-1959-0. EDN [VSIVQR](#).
17. *Сунгуров А. Ю.* Экспертные сообщества и власть. Москва : Изд-во «Политическая энциклопедия», 2020. 231 с. ISBN 978-5-8243-2394-8.

18. *Ивченкова М. С.* Место и роль научного знания в современном обществе риска и травмы: анализ концепций современных российских социологов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 4. С. 395–402. DOI [10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402). EDN [UBFTOW](https://www.edn.ru/UBFTOW).

Дата поступления в редакцию: 12.10.2022.

Принята к печати: 28.10.2022.

Сведения об авторах:

Кошелев Александр Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология молодежи», Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, Россия.

e-mail: koshelev76@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 354889

ORCID: 0000-0002-0247-1418

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: m.ivchenkova@gmail.com

AuthorID (РИНЦ): 513175

ORCID 0000-0002-9297-814X

A. A. Koshelev¹, M. S. Ivchenkova²

¹ Saratov State University. Saratov, Russia.

² Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

EXPERT KNOWLEDGE AS A SOCIAL PHENOMENON: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The transformations of modern society with its rapid informatization and digitalization form a new social demand for analyzing present and future. A figure of an expert appears more and more often as a producer of special expert knowledge in public policy and everyday practices. Namely, expert knowledge becomes in demand and acquires the so-called symbolic capital.

This paper deals with a retrospective review of understanding the phenomenon of expert knowledge in the theoretical concepts of the classics of sociological science. In addition, the article presents a theoretical and methodological analysis of the work of Russian social researchers dealing with the issues of expert knowledge in modern Russian society.

As a result of theoretical concepts analyzing it is concluded that expert knowledge is a complex multifaceted social phenomenon, the history of which goes back to antiquity and develops over the centuries. First of all, expert knowledge is a set of skills and abilities that allow their holders to develop specific recommendations in management and politics. Secondly, a necessary criterion for expert knowledge is its public nature. The question remains as to what is the priority in expert knowledge - science or practice. In our opinion, both science and practice should unite to solve the applied problems of the objective reality of modern society. It is expert knowledge as the quintessence of fundamental knowledge, professional experience and personal responsibility of an expert that can become an effective tool for supporting transformational changes in Russia.

Keywords: expert knowledge; scientific knowledge; expert; symbolic capital; capitalization of knowledge.

For citation: Koshelev A.A., Ivchenkova M.S. (2022) Expert knowledge as a social phenomenon: theoretical and methodological analysis. Science. Culture. Society. Vol. 28. No 4. Pp. 36–43. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.3)

References

1. Comte A. (2003) *Discours sur l'esprit positif*. Transl. from Fr. by I. A. Shapiro. Rostov n/D, Phoenix Publ. 256 p. ISBN 5-222-03417-8 (in Russ.).
2. Durkheim E. (1996) *De la division du travail social*. Transl. from Fr. by A. B. Hoffmann. Moscow, Kanon Publ. 432 p. ISBN 5-88373-036-1 (in Russ.).
3. Weber M. (2006) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*: in 4 Vol. Transl. from Germ. Moscow, HSE Publ. House. Vol. I. Sociology. 445 p. ISBN 978-5-7598-1513-6 (in Russ.).
4. Marx K. (1955) Theses on Feuerbach. In: K. Marx, F. Engels. *Works*: in 30 Vol. Moscow, Gospolitizdat. Vol. 3. Pp. 1–4 (in Russ.).
5. Mantseva E. R. (2017) The Principles of Knowledge in Postindustrial Society Theory of D. Bell and U. Beck. *Sociology*. No. 2. Pp. 41–44 (in Russ.).
6. Bell D. (2004) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Transl. from Eng. ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Academia Publ. 784 p. ISBN 5-87444-203-0 (in Russ.).
7. Beck U. (2000) *Risikogesellschaft*. Transl. from Germ. by V. Sedelnik & N. Fedorova. Moscow, Progress Tradition Publ. 384 p. ISBN 5-89826-059-5 (in Russ.).
8. Lem S. (1968) *Summa technologiae*. Transl. from Polish. Moscow, Mir Publ. 608 p. (In Russ.).
9. Koshovets O. (2007) The Specifics of Expert Knowledge in Russia (The Case of Forming Russian Foresight). *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. Pp. 25–43. DOI [10.32609/0042-8736-2007-11-25-43](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-11-25-43) (in Russ.).
10. Frolov I. E. (2007) The Concept of Economic-Technological Mechanism of Accelerated Development of Knowledge-Intensive, High-Tech Economy and its Theoretical Basis. *Concepts*. No. 1. Pp. 27–58 (in Russ.).
11. Bauman Z. (2004) *Globalization : the Human Consequences*. Moscow, Publ. House "Ves' Mir". 188 p. ISBN 5-7777-0303-8 (in Russ.).
12. Feyerabend P. (1975) How to Defend Society against Science? *Radical Philosophy*. RP 011. Pp. 3–8 (in Eng.).
13. Nichols T. (2019) *The Death of Expertise: the Campaign against Established Knowledge and Why It Matters*. Transl. from Eng. by T. L. Platonova. Moscow, Eksmo Publ. 368 p. ISBN 978-5-04-093427-0 (in Russ.).
14. Ashkerov A. Yu. (2009) *Ekspertokratiya. Upravlenie znaniyami: proiz-vodstvo i obrashchenie informacii v epohu ul'trakapitalizma* [Expertocracy. Knowledge management: production and circulation of information in the era of ultracapitalism]. Moscow, Europe Publ. 132 p. ISBN 978-5-9739-170-7 (in Russ.).
15. Koshovets O. B. (2008) Expert and Reproduction of Scientific Knowledge. In: *Economics as an Art: Methodological Issues of Applying Economic Theory in Applied Socio-Economic Research*. Ed. by O. I. Ananyin. Moscow, Nauka Publ. Pp. 210–249 (in Russ.).
16. Sungurov A. Yu. (2015) *Kak vosnikayut politicheskie innovatsii: fabriki mysly i drugie instituty-mediatory* [How Political Innovations Arise: Think Tanks and other Institutions-Mediators]. Moscow, Publ. House "Political Encyclopedia". 283 p. ISBN 978-5-8243-1959-0 (in Russ.).
17. Sungurov A. Yu. (2020) *Expert Communities and Government*. Moscow, Publ. House "Political Encyclopedia" 231 p. ISBN 978-5-8243-2394-8 (in Russ.).
18. Ivchenkova M. S. (2021) The Place and Role of Scientific Knowledge in Risk and Trauma Society: the Analysis of Modern Russian Sociologists' Concepts. *Izvestiya of Saratov University. Sociology, Politology*. Vol. 21. No. 4. Pp. 395–402. DOI [10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402) (in Russ.).

The article was submitted on October 12, 2022.

Accepted on October 28, 2022.

Information about the authors:

Alexander A. Koshelev, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department "Sociology of Youth", Saratov State University. Saratov, Russia.

e-mail: koshelev76@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0247-1418

Maria S. Ivchenkova, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: m.ivchenkova@gmail.com

ORCID 0000-0002-9297-814X

DOI 10.19181/nko.2022.28.4.4

EDN QALDCG

УДК 316.7

Н. Г. Максимова¹

¹Томский политехнический университет.

Томск, Россия.

БАЗЫ ДАННЫХ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИНЦИДЕНТОВ СКУЛШУТИНГА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке ГЗ «Наука»,
в рамках проекта FSWW-2020-0014.*

Аннотация. В статье представлен краткий обзор международной практики по созданию сервисов, баз данных для решения исследовательских задач в области изучения насильственных инцидентов экстремистского толка и террористических инцидентов. В качестве основы для понимания механики работы такого рода сервисов и баз данных, представлена архитектура по каждому примеру в виде структуры, разработанной автором статьи. В пояснении к схемам описаны ограничения и возможности сервисов и баз данных. Отдельным примером представлена разработанная командой ученых Томского политехнического университета База данных случаев предотвращённых и совершённых инцидентов скулшутинга в России. База «Результаты социологического исследования “Скулшутинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов”» зарегистрирована в Роспатенте. В статье сформулирована актуальность представленной базы для решения проблем, связанных с изучением факторов и механизмов радикализации молодежи на основе идеи совершения насильственных инцидентов скулшутинга, и расширения исследовательского поля в области изучения феномена скулшутинга. База данных состоит из трех блоков: поисковый, блок систематизации, блок анализа информации и включает 26 переменных. Кроме архитектуры базы данных, представлены результаты анализа инцидентов, выделены характерные признаки и выявленные корреляции. В заключении подчеркиваются наиболее значимые результаты проведенного социологического исследования скулшутинга в России и перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: скулшутинг; скулшутер; инцидент; база данных; профиль.

Для цитирования: Максимова Н.Г. Базы данных как эффективный инструмент анализа и предупреждения инцидентов скулшутинга // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 44–55. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.4. EDN QALDCG

Введение. Феномен скулшутинга в настоящее время считается серьёзной и растущей угрозой во всем мире. Количество проводимых фундаментальных и прикладных научных исследований в области изучения скулшутинга возрастает. Одной из важных исследовательских задач является создание эффективных инструментов и сервисов, позволяющих оперативно анализировать, выявлять, прогнозировать и предупреждать инциденты скулшутинга. В связи с этим создание баз данных, включающих множество переменных с информацией по широкому спектру характеристик, позволяющих осуществлять поиск, хранение, извлечение, анализ, систематизацию и обработку информации об инцидентах

скулшутинга, становится актуальным при решении проблем, связанных с изучением факторов и механизмов совершения насильственных инцидентов.

Американский опыт в области выявления, прогнозирования, предотвращения рисков совершения насильственных инцидентов на сегодняшний день является наиболее показательным. Именно в научном сообществе США, в связи с всплеском насильственных инцидентов во второй половине XX века, стали закладываться концептуальные основы изучения таких процессов, как терроризм, экстремизм и скулшутинг. Наличие широкого дискурса и систематические исследования данных феноменов сформировали научное экспертное поле с убедительной эмпирической базой и эффективными инструментами анализа. С начала 2000-х гг. созданы открытые базы данных, доступные исследователям всего мира.

Анализ зарубежных баз данных. Так, например, в 2005 году на базе Национального консорциума по изучению терроризма и ответам на террористическую угрозу¹ была создана база данных GTD² с открытым исходным кодом, включающая в себя информацию о террористических акциях по всему миру с 1970 года. Национальный консорциум по изучению терроризма и ответных мер на терроризм START является университетским научно-образовательным центром, состоящим из международной сети ученых, занимающихся научным изучением причин и человеческих последствий терроризма в Соединенных Штатах и во всём мире. Консорциум поддерживает исследовательские инициативы ведущих социологов из более чем 50 академических и исследовательских институтов, каждый из которых проводит оригинальные исследования по фундаментальным вопросам терроризма.

В отличие от многих других баз данных о событиях, GTD включает систематические данные о внутренних, а также международных террористических инцидентах, которые произошли за этот период времени, и в настоящее время включает более 200 000 случаев. В настоящее время это самая полная неклассифицированная база данных о террористических событиях в мире. Включает информацию о более чем 88 000 взрывах, 19 000 убийствах и 11 000 похищениях с 1970 года. Содержит информацию по меньшей мере о 45 переменных для каждого инцидента. В открытом доступе представлена информация по более чем 2000 насильственных и ненасильственных экстремистских и террористических групп.

Еще одним эффективным исследовательским инструментом от консорциума START является визуализированная база данных PIRUS (Profiles of Individual Radicalization in the United States)³. Профили индивидуальной радикализации в наборе данных PIRUS содержат идентифицированную информацию о более чем 3000 насильственных и ненасильственных экстремистах (имена радикалов недоступны). Это самая большая открытая база данных не только в США, но и во всём мире. База построена по четырем категориям идеологических платформ: крайне правые, крайне левые, исламисты, одиночки, радикализовавшиеся в США за период 1948-2018 гг. PIRUS появилась в открытом публичном поле в 2014 г. Создатели базы данных заявляют о 147 переменных, которые доступны для анализа. Но в открытом доступе находятся только 49 переменных. Остальные доступны только по запросу с обоснованием. Основа базы – общедоступные

---

¹ The National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, USA. URL: <https://www.start.umd.edu> (last request: 04.10.2022).

² The Global Terrorism Database, USA. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (last request: 04.10.2022).

³ Database Pirus (Profiles of Individual Radicalization in the United States), USA. URL: <https://u.to/dVN1HA> (last request: 04.10.2022).

источники информации, которые систематизированы и представлены в формате, который позволяет осуществлять анализ данных в режиме реального времени. Структура базы данных PIRUS построена с помощью онлайн-сервиса для анализа и визуализации данных Keshif, принцип работы которого аналогичен программе SPSS. Результат изучения и анализа базы данных представлен на рис. 1.

Рисунок 1. Структура сервиса Pirus (схема создана автором статьи)

Представленные выше базы обеспечивают функционал, позволяющий ученым всего мира изучать профили индивидуальной радикализации по множественным переменным, но, к сожалению, содержат информацию только о профилях радикалов в США и профили скулшутеров не выделены в отдельную категорию.

В настоящее время консенсус исследователей состоит в том, что скулшутинг существенно отличается от других форм массового насилия, таких как терроризм, насильственный экстремизм, терроризм одиночек и т.д., что дает основание для изучения его как особого феномена и создания специализированных исследовательских инструментов и сервисов.

Например, с 2008 года существует общедоступный сайт и база данных о скулшутерах, созданные Питером Лангманом (Peter Langman). В этой базе есть даже один российский инцидент – керченский стрелок. Питер Лангман, доктор философии, является востребованным экспертом по психологии школьных стрелков и других лиц, совершающих массовое насилие. Он проводит тренинги по пониманию психологии школьных стрелков и выявлению потенциальных школьных стрелков для специалистов в области психического здоровья, образования и правоохранительных органов.

Сервис Schoolshooters.info⁴ представляет собой 2 блока: сборник документов, касающихся широкого спектра инцидентов с активными стрелками в образовательных учреждениях и блок поиска по заданным характеристикам (см. рис. 2). Сервис содержит более 500 документов общим объемом более 60 000 страниц на 150 преступников. Цель сервиса – помочь предотвратить школьные перестрелки и дать представление о лицах, виновных в крупномасштабном школьном насилии. В базе собрана обширная и подробная информация о скулшутерах, отличительные признаки которых представляют собой сложную сеть личностных черт, семейной истории, социальных влияний, проблем идентичности, а иногда и психических заболеваний [1; 2].

Информация и материалы сервиса актуальны для специалистов в области образования, психического здоровья и правоохранительных органов, а также для всех, кому интересно узнать о тех, кто устраивает стрельбу в школах.

Рисунок 2. Структура сервиса Schoolshooters.info (схема создана автором статьи).

Базу данных Schoolshooters.info можно отнести к документно-ориентированному типу, который носит описательный характер. С помощью базы возможно осуществлять поиск информации о совершенных инцидентах по заданным характеристикам. Выделим некоторые из них.

Несмотря на исследовательское мнение о том, что единого профиля скулшутера не существует, Питер Лангман классифицирует злоумышленников по трем психологическим типам: психопатические, психотические и травмированные стрелки. Стрелки психопатического типа чрезвычайно нарциссичны, игнорируют закон и мораль, не имеют способности к эмпатии, склонны получать садистское удовольствие от причинения вреда и убийства. Стрелки психотического типа имеют крайне резкое несоответствие окружающей действительности (расстройства восприятия, памяти, мышления, эмоциональности и др.), что проявляется нарушениями поведения; люди, борющиеся с шизофренией (или иногда с шизотипическим расстройством личности); симптомы могут включать слуховые галлюцинации, манию величия и/или параноидальный бред, а также серьезное нарушение социального функционирования. Травмированные стрелки подвергались или подвергаются физическому насилию, а иногда – и сексуальному;

⁴ Database SchoolShooters.info, USA. URL: <https://schoolshooters.info> (last request: 04.10.2022).

имеют родителей алкоголиков, наркоманов, жестоких и зачастую с криминальным прошлым [3].

Социально-демографические характеристики в базе представлены переменными – Имя (имена злоумышленников доступны), Возраст, Пол, Раса. Географически-временные характеристики – Дата инцидента, Место, Тип учреждения. К характеристикам инцидента относятся переменные – Сведения о жертвах и Тип атаки. База находится в открытом доступе и может использоваться учеными и заинтересованными лицами для реализации глубинных исследований в сферах социологии, психологии, образования и других академических дисциплин. К преимуществам базы Schoolshooters.info можно отнести наличие широкого спектра документов из различных источников (официальные документы, оригинальные источники, интернет-источники), которые дают всестороннее представление о злоумышленниках, виновных в школьных трагедиях. База дает возможность проведения анализа инцидентов по заданным характеристикам, вариативного формирования выборок под конкретные цели исследований, поиска конкретных инцидентов и текстов, изучения профилей скулшутеров по различным аспектам и характеристикам от времени и места совершения преступления до первопричин, мотивов и юридических аспектов. Также стоит выделить такое преимущество базы, как наличие структурированного блока профиликативских документов, содержащих статьи или официальные отчеты, касающиеся оценки угроз, безопасности в школе, мер реагирования и извлеченных уроков. К ограничениям функционала базы можно отнести тот факт, что в базе аккумулирована информация об инцидентах, совершенных в основном в США и отсутствует информация о предотвращенных инцидентах, а эта информация также может быть полезна в исследовательском ключе. Также в базе отсутствует возможность для сравнительного и корреляционного анализа инцидентов. База позволяет осуществлять анализ по каждому инциденту отдельно, что ограничивает исследовательские возможности.

Исследования, посвященные скулшутингу, в мировой науке в активной форме ведутся с начала 2000-х годов после трагического инцидента, совершенного в американской старшей школе Колумбайн, и за прошедшие 20 лет накоплено и систематизировано значительное количество материалов по инцидентам скулшутинга, но, в основном, совершенных в США. В России теоретический и эмпирический фундамент исследований феномена скулшутинга начал формироваться с 2014 года и надежной объяснительной концепции не существует до сих пор. В связи с чем актуальным становится вопрос разработки эффективных инструментов анализа в российском поле.

Создание базы данных инцидентов скулшутинга в России. Междисциплинарная научная группа⁵, в составе которой автор занимается исследованием скулшутинга, активно работает в данном направлении с 2017 года. В исследовании были поставлены следующие задачи: выявить типы подражания, значимые корреляции, провести анализ динамики случаев, собрать статистику по половозрастным признакам, типу учреждения, типу оружия, изучить социальные связи в онлайн среде. И одним из прорывных результатов исследования является создание первой в России базы данных «Скулшутинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов», которая была запатен-

⁵ Примечание: междисциплинарная научная группа сотрудников Томского политехнического университета (ТПУ) состоит из социологов и специалистов data science; занимается исследованиями в области создания инструментов интеллектуального анализа данных социальных сетей для изучения онлайн-радикализации ультраправых.

тована в 2022 году [4]. База основана на информации из открытых источников: официальный сайт СК РФ, публикации в СМИ, Интернет-сайты, информация в сообществах социальной сети «ВКонтакте», архивы региональных и федеральных электронных газет, зарубежные источники информации в СМИ. Сформированная база способствовала разработке концептуальной модели радикализации скулшутеров и определению отличительного признака процесса, что укрепило теоретико-методологический фундамент построения объяснительной концепции скулшутинга [5]. На момент регистрации база данных включала 95 совершённых/предотвращённых инцидентов – скулшутинг, массовые убийства, террористические атаки, начиная с 2010 года. В сентябре база была дополнена информацией о трагическом инциденте в школе № 88 г. Ижевска Удмуртской Республики. Данные об инцидентах внесены в базу данных Excel. База данных содержит результаты обработки открытых социально-демографических данных, мотивов и характеристик инцидентов скулшутинга в России. Систематизация и подбор информации выполнены по критериям: социально-демографические; географически-временные; событийные; поведенческие (см. рис. 3).

Рисунок 3. Структура Базы данных «Скулшутинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов»

База данных состоит из трех блоков: Поисковый, Блок систематизации и Блок анализа информации. Анализ информации проведен с учетом поведения злоумышленников в социальных сетях, а также с учётом мотивационного и уголовно-процессуального аспектов. Также в базе представлена типология злоумышленников по критериям: Тип злоумышленника, Подражание, Вменяемость, Учет. База данных содержит 26 переменных по следующим категориям: статистические данные, мотив, типология подражания, правоприменительная практика, социальные связи, предупреждающие знаки/варианты их использования злоумышленниками и другое. Результаты исследования (N=23 случая) опубликованы в феврале 2021 года [6]. Целью исследования было показать, какие корреляции выявлены в 19 инцидентах скулшутинга и 4 инцидентах, которые совершили террористы и массовые убийцы. Что в них общего, и что отличает скулшутинг от других типов насильственных инцидентов.

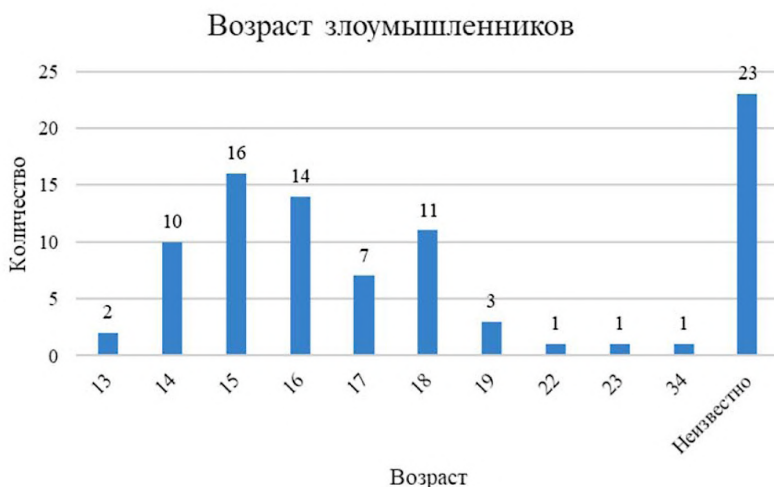
Все случаи (N=23) были перепроверены двумя экспертами, которые независимо друг от друга производили отбор случаев. Для цели исследования феномена скулшутинга было предложено базовое определение данного термина,

которое в дальнейшем применяли и к изучению всех случаев, включенных в базу данных (N=96). Скулшутинг – это планирование, организация, совершение вооруженного нападения в/на территории образовательного учреждения (любого уровня) одним или несколькими учащимися, реализуемые через публичные, демонстративные акты насилия, с целью умышленного массового убийства [5]. В результате анализа 96 инцидентов (включая инцидент в Ижевске), согласно данному определению, как скулшутинг, было классифицировано 70 из них.

База данных позволяет констатировать следующие результаты по инцидентам скулшутинга:

- за период с 2010 года по октябрь 2022 г., в России было совершено 35 инцидентов скулшутинга, соответственно 35 случаев были предотвращены. 26 случаев в Базе были определены к категориям: массовый убийца, террорист.
- 34 инцидента скулшутинга были совершены злоумышленниками мужского пола, только один инцидент был совершен злоумышленником женского пола, в мае 2021 года.

Динамика инцидентов характеризуется нелинейной зависимостью, анализ инцидентов не выявил существенной зависимости от месяца, года. Версия, которую часто тиражируют в СМИ, о том, что большинство скулшутеров планируют и совершают свои атаки в годовщину «Колумбайн», не выдерживает эмпирической проверки. Распределение по возрасту злоумышленников (см. рис. 4) показывает, что большинство инцидентов были совершены подростками 15-16 лет. Но стоит отметить последний инцидент, виновником которого стал мужчина 34-ти лет. На данный момент времени недостаточно данных, для того, чтобы высказать гипотезы о мотивации преступника. Значение, выходящее за рамки N=70, означает, что в некоторых инцидентах было несколько злоумышленников.

Рисунок 4. Распределение по возрасту (N =70)

Один из ключевых выводов заключается в том, что не существует единого профиля скулшутера, в том числе определенного (узнаваемого по характерным признакам) профиля учебного учреждения (см. рис. 5), которое подверглось скулшутингу, также не является значимым его местоположение.

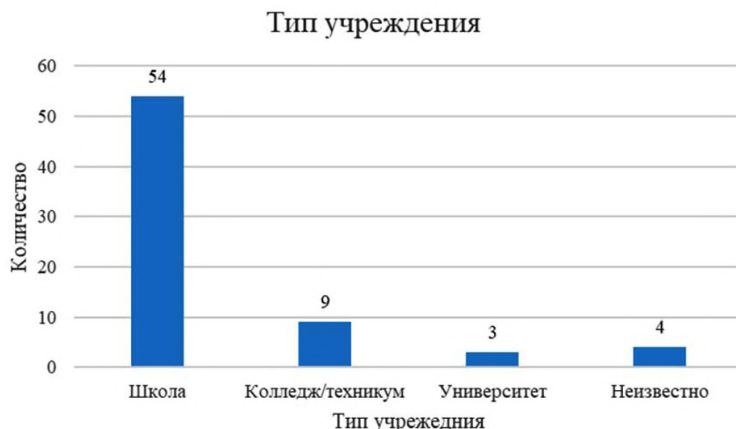

Рисунок 5. Тип учреждения (N = 70)

Анализ инцидентов позволил опровергнуть гипотезу, выдвигаемую многими исследователями, о психопатологии скулшутеров. Психопатология безусловно имеет место, но статистика такова, что из 70 инцидентов, только 3 преступника по результатам судебных экспертиз признаны невменяемыми. Скулшутинг не вызывается случайным и внезапным «умопомешательством», поэтому рассмотрение психопатологической версии скулшутинга не является продуктивной или надёжной основой для объяснительной концепции. Психопатология скулшутеров имеет место быть, и её несомненно надо учитывать, изучать и вести поиск практических способов для выявления такого типа скулшутеров. Но, многие исследователи радикализации скулшутеров, приходят к выводам, что изученные преступления редко связаны с психопатологией, хотя большинство имели выраженные психологические проблемы. Например, испытывали депрессию, отчаяние [7; 8; 9].

Тип оружия, применённый или изъятый в планированном инциденте представлен на рисунке 6. Количественные данные выходящие за рамки 70 инцидентов означают, что преступник применил/планировал применить сразу несколько типов оружия. Например: огнестрельное оружие и взрывное устройство или холодное оружие и взрывное устройство.

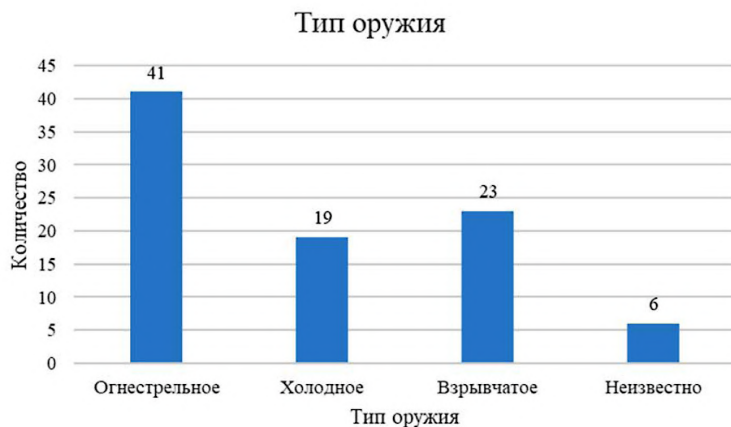

Рисунок 6. Тип оружия (N = 70)

Также был проведен анализ поведенческих и психологических атрибутов (причин, условий, личностных особенностей) идейно-смысловых оснований, мотивов насильственного поведения (см. рис. 7). У большинства скулшутеров был один мотив, определенно относящийся к решению одной проблемы, но в некоторых инцидентах был дополнительный мотив, который способствовал принятию решения о нападении. Примеры основного мотива: месть за унижения, месть за издевательства, ссоры, конфликты, неприязнь и другие. Примеры дополнительного мотива: грубое/оскорбительное поздравление в соцсетях, психологический кризис, желание самоутвердиться.

Отдельным направлением исследования стало изучение типологии подражания (см. рис. 8). К сожалению, не по всем инцидентам удалось из открытых источников определить мотив совершения преступления. Возможности российских ученых в плане получения доступа к официальным материалам ограничены. В верифицированной типологии подражания из 70 случаев 25 случаев подражания «Колумбайн», 5 случаев – Керченский стрелок, 4 случая – неонацизм и другие.

Рисунок 7. Мотивы злоумышленников (N =70)

Рисунок 8. Типология подражания (N =70)

Как было отмечено выше, база данных запатентована, является первой, содержащей результаты исследования инцидентов скулшутинга в России, и может использоваться заинтересованными сторонами для решения проблем, связанных с изучением факторов и механизмов радикализации молодёжи на основе идеи совершения насильственных инцидентов скулшутинга. База актуальна для специалистов образовательных учреждений, правоохранительных органов, а также для учёных, которые проводят исследования феномена скулшутинга, изучают психологические и социальные аспекты феномена.

Заключение. В заключении отметим, что база данных «Результаты социологического исследования “Скулшутинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов”» имеет прикладной характер. База данных обеспечивает анализ сходства инцидентов, социально-демографических данных субъектов, мотивов, характеристик инцидентов, поиск, хранение, извлечение и обработку информации. Также она может использоваться учёными в смежных исследованиях для проведения корреляционного анализа, сравнительного анализа, проверки гипотез и т.д. База данных систематически пополняется, в настоящее время время осуществляются работы по визуализации базы на интерактивной карте России.

Создание баз данных скулшутеров является перспективным решением проблемы прогнозирования и предотвращения насильственных инцидентов в школах. Накопленные массивы данных предоставляют возможности:

- создания методологии исследований феномена скулшутинга;
- понимания структуры и динамики мобилизации на насилие;
- отслеживания масштаба и характера связей в субкультуре скулшутинга;
- проведения сравнительного и корреляционного анализа;
- выявления мотивационных факторов и уязвимостей злоумышленников;
- сбора и определения предупреждающих знаков, моделей поведения и социальных связей злоумышленников в онлайн и оффлайн среде.

Библиографический список

1. *Langman P.* Why Kids Kill: Inside the Minds of School Shooters. New York : Palgrave Macmillan, 2009. 256 p. ISBN 978-0-230-10148-7.
2. *Langman P.* School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. London : Rowman & Littlefield, 2015. 298 p. ISBN 978-1-4422-3356-0.
3. *Langman P.* Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62(2). Pp. 210–228. DOI [10.1177/0002764217739663](https://doi.org/10.1177/0002764217739663).
4. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621125 РФ. Результаты социологического исследования «Скулшутинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов» : № 2022621020 : заявл. 13.05.2022 : опубл. 19.05.2022 / А. Д. Вильнин, Е. А. Замышевская, А. Ю. Карпова [и др.]; Томский Политехнический Университет. EDN [AHDNXX](https://www.edn.ru/entry/4HDNXX).
5. *Karпова А., Savelev А., Maksimova N.* Modeling the process of school shooters radicalization (Russian case) // Social Sciences. 2021. Т. 10, № 12. DOI [10.3390/socsci10120477](https://doi.org/10.3390/socsci10120477). EDN [CIIBXL](https://www.edn.ru/entry/CIIBXL).
6. *Карпова А. Ю., Максимова Н. Г.* Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108. DOI [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920). EDN [QLQYTP](https://www.edn.ru/entry/QLQYTP).
7. *Spaaij R.* The Enigma of Lone Wolf Terrorism: An Assessment // Studies in Conflict & Terrorism. 2010. Vol. 33, № 9. Pp. 854–870. DOI [10.1080/1057610X.2010.501426](https://doi.org/10.1080/1057610X.2010.501426). EDN [ODZRBj](https://www.edn.ru/entry/ODZRBj).
8. *Ferguson Ch., Coulson M., Barnett J.* Psychological Profiles of School Shooters: Positive Directions and One Big Wrong Turn // Journal of Police Crisis Negotiations. 2011. Vol. 11(2). Pp. 141–158. DOI [10.1080/15332586.2011.581523](https://doi.org/10.1080/15332586.2011.581523).

9. *McCauley C., Moskalenko S.* Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual from Radical Opinion to Radical Action // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26(1). Pp. 69–85. DOI [10.1080/09546553.2014.849916](https://doi.org/10.1080/09546553.2014.849916).

Дата поступления в редакцию: 12.10.2022.
Принята к печати: 02.11.2022.

Сведения об авторе:

Максимова Наталия Геннадьевна, старший преподаватель,
Школа инженерного предпринимательства, Томский политехнический университет.
Томск, Россия.
e-mail: nata8720@mail.ru
Author ID РИНЦ: 823708
ORCID: 0000-0003-1100-4667

N. G. Maksimova¹

¹ Tomsk Polytechnic University. Tomsk, Russia.

DATABASES AS AN EFFECTIVE TOOL FOR ANALYZING AND PREVENTING SCHOOL SHOOTING INCIDENTS

The study is funded by the Science State Program as part of the project No. FSWW-2020-0014.

Abstract. The article provides a brief overview of international practices in creating services, databases for solving research tasks in the field of studying violent extremist incidents and terrorist incidents. As a basis for understanding the mechanics of such services and databases, the architecture of each example is presented, in the form of a scheme developed by the author of the article. An explanation of the schemes describes the limitations and capabilities of the services and databases. The Database of prevented and committed incidents of schoolshooting cases in Russia is developed by scientists at Tomsk Polytechnic University. Database “Results of sociological research “Schoolshooting in Russia: socio-demographic data, motives, characteristics of incidents” is registered in Rospatent. This paper formulates the relevance of the presented database for solving problems related to the study of factors and mechanisms of youth radicalization based on the idea of committing violent incidents of schoolshooting, and the research field based on schoolshooting phenomenon has been expanded. The database consists of three blocks: a search block, a systematization block, an information analysis block and includes 26 variables. In addition to the database architecture, the results of the analysis of incidents are presented; the characteristic features and the correlations identified are highlighted. The conclusion highlights the most significant results of the conducted sociological study of school shooting in Russia and the prospects for further research.

Keywords: school shooting; school shooter; incident; database; profile.

For citation: Maksimova N.G. (2022) Databases as an effective tool for analyzing and preventing school shooting incidents. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 4. Pp. 44–55. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.4

References

1. Langman P. (2009) *Why Kids Kill: Inside the Minds of School Shooters*. New York, Palgrave Macmillan. 256 p. ISBN 978-0-230-10148-7 (in Eng.).
2. Langman P. (2015) *School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators*. London, Rowman & Littlefield. 298 p. ISBN 978-1-4422-3356-0 (in Eng.).

3. Langman P. (2018) Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders. *American Behavioral Scientist*. Vol. 62(2). Pp. 210–228. DOI [10.1177/0002764217739663](https://doi.org/10.1177/0002764217739663) (in Eng.).

4. Certificate of State Registration of the Database No. 2022621125 RF. Results of sociological research «*Skulshunting in Russia: socio-demographic data, motives, characteristics of incidents*» : No. 2022621020 : application. 13.05.2022 : publ. 19.05.2022 / A. D. Vilnin, E. A. Zamyshvskaya, A. Yu. Karpova [et al]; Tomsk Polytechnic University (in Russ.).

5. Karpova A., Savelev A., Maksimova N. (2021) Modeling the process of school shooters radicalization (Russian case). *Social Sciences*. Vol. 10. No. 12. DOI [10.3390/socsci10120477](https://doi.org/10.3390/socsci10120477) (in Eng.).

6. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. (2021) Schoolshooting in Russia: what matters? *Vlast'* [The Authority]. Vol. 29. No. 1. Pp. 93–108. DOI [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920) (in Russ.).

7. Spaaij R. (2010) The Enigma of Lone Wolf Terrorism: An Assessment. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 33. No. 9. Pp. 854–870. DOI [10.1080/1057610X.2010.501426](https://doi.org/10.1080/1057610X.2010.501426) (in Eng.).

8. Ferguson Ch., Coulson M., Barnett J. (2011) Psychological Profiles of School Shooters: Positive Directions and One Big Wrong Turn. *Journal of Police Crisis Negotiations*. Vol. 11(2). Pp. 141–158. DOI [10.1080/15332586.2011.581523](https://doi.org/10.1080/15332586.2011.581523) (in Eng.).

9. McCauley C., Moskalenko S. (2014) Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual from Radical Opinion to Radical Action. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 26(1). Pp. 69–85. DOI [10.1080/09546553.2014.849916](https://doi.org/10.1080/09546553.2014.849916) (in Eng.).

The article was submitted on October 12, 2022.

Accepted on November 02, 2022.

Information about the author:

Natalia G. Maksimova, Senior Lecturer, School of Engineering Entrepreneurship,
Tomsk Polytechnic University. Tomsk, Russia.

e-mail: nata8720@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1100-4667

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2022.28.4.5

EDN QATYVU

УДК 316.42

Ю. А. Зубок¹, Н. А. Селиверстова²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

СМЫСЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА БУДУЩЕГО СТРАНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. В статье анализируются цели, с достижением которых российская молодёжь связывает будущее страны. Их смысловыми основаниями являются представления молодых людей об объектах реальности — доступного квалифицированного здравоохранения как залога высокого качества жизни; семьи как основы уверенности и безопасности; жизненного пространства как среды для комфортной жизни; труда как источника материального благополучия; баланса прав и обязанностей граждан как фактора консолидации общества; образования как условия социального продвижения; активного гражданского общества как условия демократизации в стране; власти, способной обеспечить достижение перечисленных целей, как залога устойчивого развития страны. Приоритетными общественно значимыми целями являются крепкая семья, жизненное пространство, качественное здравоохранение и эффективная власть. Дифференциация этих целей по группам молодёжи в зависимости от пола, возраста, образования, материального положения, типа поселения показала их устойчивость. Представления молодых людей о целях, значимых для будущего страны, выражены сопряжены с самооценками изменения их жизненных условий. Зафиксирована неоднозначная оценка респондентами одних и тех же условий. Так, на фоне доминирующего ухудшения по показателям материального положения семьи, гарантий занятости, трудоустройства, медицинского обслуживания, условий отдыха, заметна группа тех, кто оценил их изменения позитивно. Выявлена связь этих показателей с позитивными и негативными эмоциональными состояниями молодёжи — надеждой, уверенностью, тревогой, возмущением, гневом, безразличием и растерянностью. Главными факторами регулирования напряжения выступают преимущественно изменения материальных условий жизни семьи и гарантий занятости, трудоустройства.

Ключевые слова: молодёжь; образ будущего; смыслы; цели; представления.

Для цитирования: Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.5. EDN QATYVU

Введение. Активизация широкого общественного и научного интереса к проблематике будущего возникает, как правило, в переломные моменты общественного развития. Обращение к ней может быть в равной мере продиктовано успехами в достижении некогда поставленных целей и необходимостью определения новых, так и прямо противоположными событиями — кризисом и социальной неопределенностью, с присущей ей неясностью, размытостью и неструктурированностью, преодоление которых невозможно без переосмысления общественных целей развития.

Цели содержат в себе образ желаемого состояния, предвосхищаемый результат и одновременно ориентир жизнедеятельности, как отдельных индивидов и групп, так и общества. Цель — «идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс»¹. Это означает, что целенаправленная, целеориентированная, целесообразная социальная деятельность характеризуется не только упорядоченностью, внутренней логикой и обоснованностью, но и интенциональностью — «конструктивной направленностью активности субъекта на изменение качества социальной среды» [1, с. 107]. В целях отражена содержательная часть образа будущего, наполненная социально значимыми смыслами. Смыслы — представления о сущности и значении объектов и событий реальности, взаимодействие с которыми определяет социальные условия жизнедеятельности людей. Наличие ясных, осмысленных целей на индивидуально-личностном уровне упорядочивает стратегии жизнедеятельности. А в широком социальном плане является основой организации институциональных усилий по достижению желаемого будущего страны в контексте общего блага.

Теоретически будущее рассматривается как научно обоснованный или обывательский прогноз, формирующийся на уровне обыденного сознания в форме эмоционально окрашенных ожиданий; будущее как идеал, утопия и мечта (несущие в себе ту самую интенциональность); будущее как проект, где желаемый образ становится частью планов и замысла. Тем самым выделяется понимание образа будущего как идеала и как стратегии, образа для себя лично и для страны [2].

В исследовательском плане, отмечают Ю. Р. Вишневецкий и Я. В. Дидковская, представлены следующие направления анализа будущего: футурологические конструкции как социальный прогноз на будущее; идеологические конструкции властных элит, проникающие в сознание и служащие ориентиром и регулятором взаимодействий общества и власти; исследования отдельных компонентов, составляющих образ будущего, таких как жизненные цели, стратегии, планы, ожидания индивидов, социальных групп и населения в целом; дифференцированные образы будущего, содержащиеся в сознании различных социальных групп, связанные с возможными изменениями социальной действительности. Но в основном «попытки описать его сводятся так или иначе к пониманию образа будущего как мнений и представлений о целях общественного развития, сложившихся у различных социальных и политических субъектов (социальных групп, общностей, населения в целом, элиты, идеологических группировок и т.д.)» [3, с. 57–58]. Такой подход реализуется в работах И. В. Задорина, В. В. Петухова и Д. В. Мальцевой [4], Е. Б. Шестопал и др. [5].

В исследованиях образа будущего на групповом уровне выделение молодёжи обусловлено её субъектностью в общественном и социокультурном воспроизводстве, трансгрессивностью её сознания, определяющей ориентацию на будущее как особое свойство молодого поколения. Образ будущего исследуется в представлениях молодёжи о перспективах развития общества, её чаяниях, как фактор жизненного успеха и стратегий его достижения, инновационной активности, трудовых, образовательных, общественно-политических стратегий [3; 6; 7; 8; 9]. Но есть и опыт изучения факторов, определяющих будущее — это коллективная память, позитивная идентичность, временная перспектива личности [10; 11] и, в другом случае — самоидентификация молодёжи [12]. В отдельное направление выделяется анализ будущего в социально-политиче-

¹ Доброхотов, А. Л. Цель // Новая философская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ЦЕЛЬ (дата обращения: 02.10.2022).

ской сфере, причем представлено как конструирование молодёжью социально-политических перспектив развития России [13], так и её геополитического положения [14]. В исследованиях последних лет молодёжь рассматривается либо обособленно, либо в сравнении с другими социально-демографическими группами или поколениями. Многообразие используемых показателей и отчасти методологических подходов демонстрирует связь образа будущего со многими факторами – от глубинных социально-экономических и социокультурных до ситуативных эмоциональных.

Цель статьи – анализ смысловых оснований, на которых выстраиваются представления о целях, значимых для будущего страны. Достижение каких целей является приоритетным для молодёжи в целом и разных ее групп, и как проекция изменяющихся условий жизни на цели, значимые для будущего страны, определяют эмоциональное состояние молодых людей? Эти вопросы поставлены в центр внимания авторов статьи.

Методы. Опираясь на концепцию саморегуляции жизнедеятельности молодёжи [3, с. 28–36] как теоретико-методологическое основание исследования, в социокультурном механизме проявлений субъектности мы выделяем смыслы как регулятор конструирования образа будущего. Формирование смыслов и связанных с ними ценностей отражает роль и функции молодого поколения в социокультурной динамике – воспроизводстве и изменении культуры. С одной стороны, проявляется преемственность, принятие и повторение, т.е. солидаризация со смысловыми компонентами базовой культуры. С другой стороны, – их переосмысление, обусловленное новым опытом и включённостью молодого поколения в иные условия жизни, типы социальных связей, отношения. Здесь проявляется способность молодёжи к восприятию и преемственности традиционных базовых смыслов, их инновационному обновлению и закреплению в смысловых и поведенческих структурах и трансляции их следующим поколениям [15]. Реализуя эти функции, молодёжь не только воссоздает, но также конструирует и переконструирует смысловые компоненты реальности. Отклонение от традиционных смыслов, их рационализация отражают современные тренды в формировании ценностей, под влиянием которых молодёжь выстраивает свою жизнедеятельность. Осознание смыслов ведёт к постановке целей по обустройству жизнедеятельности, достижению благополучия в различных его измерениях. Но достижение желаемого индивидуального будущего возможно лишь в благоприятных условиях, обеспечиваемых государственной политикой. Так смыслы, осознанные молодёжью, трансформируются в цели для государства, обнаруживая видение направлений развития страны и очерчивая контуры индивидуального будущего молодёжи. Под «образом будущего» понимается «эмоционально окрашенное субъективное восприятие совокупности условий жизнедеятельности и оценка возможностей их улучшить» [3, с. 65], а смысловые представления понимаются как «обобщенные образы действительности» [16, с. 167].

Базовые смысловые представления отражаются в массовом сознании молодёжи. Общее распределение значений целей, в которых они отражены, позволяет выявить наиболее значимые смысловые компоненты во всей социальной палитре. Оценка актуализации конкретных смыслов предполагает анализ влияния социальных условий (жизненных ситуаций) на изменение значения соответствующих им целей. Для этого анализируются социально-ситуационные характеристики различных социальных групп молодёжи.

Эмпирическая база — данные всероссийского социологического исследования российской молодёжи, проведенного Центром социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН в ноябре–декабре 2021 г. методом стандартизированного онлайн-интервью по репрезентативной для населения России выборке в 133 населенных пунктах 11 субъектов Российской Федерации. Тип выборки — квотная, репрезентация обеспечена по полу и возрасту. Регионы исследования: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Волгоградская область, Вологодская область, Республика Крым. Общий объём выборки — 1640 человек.

Представления молодёжи о целях, значимых для будущего страны. Желаемое для молодёжи будущее страны достигается следующими целями: обеспечение «доступного квалифицированного здравоохранения...» (очень важно для 71%, важно — для 25%); «семьи как основы уверенности и безопасности...» (очень важно для 60% и важно еще для 31%); формирование «жизненного пространства...» (очень важно — для 59% и важно — для 38%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Цели, значимые для будущего страны, в представлениях молодёжи (в %)

Цели	Очень важно	Важно	Неважно	Совсем неважно
Доступное квалифицированное здравоохранение – залог высокого качества жизни	71	25	4	1
Семья – основа уверенности и безопасности, «крепкий тыл»	60	31	7	2
Жизненное пространство – среда для комфортной жизни	58	38	3	0
Власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны	53	43	3	1
Труд – источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет	50	43	6	1
Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества	49	43	6	1
Образование – условие социального продвижения, «социальный лифт»	48	39	11	2
Активное гражданское общество – условие демократизации в стране	39	50	9	2

Источник: Центр социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Такая структура первоочередных целей обусловлена не только пережитым периодом пандемии, обострившим существенные недостатки и ограничения отечественной системы здравоохранения [17], но и устойчивым запросом российского общества на равенство доступа к качественной медицине [18], неудовлетворенностью реформами, проводимыми правительством РФ в системе здравоохранения.

Высокая позиция цели, связанной с семьей, также неслучайна. Семья остается одной из наиболее значимых ценностей в российском обществе, в том числе и для молодёжи [19], а в периоды острого кризиса и неопределенности семья оставалась основным бастионом поддержки для всех её членов. Эта функция семьи проявляется по-разному и не только утилитарно. Помимо капиталов семьи, это еще и эмоциональная поддержка группы, скрепленной любовью и доверием как главными смысловыми основами целеполагания в этой сфере.

Появление на третьей позиции комфортного жизненного пространства говорит о современном запросе молодых граждан на комфорт и снижение рисковенности средовых условий жизнедеятельности (в экологическом, технологическом, информационном и культурном аспектах) [20]. Жизненное пространство осмысливается гражданами с позиции сохранения природного ландшафта и культурно-исторического облика; неотъемлемых прав на здоровую, удобную и дружественную окружающую среду (чистый воздух, воду и почву, безопасные дворы и улицы, безбарьерные пространства и т.д.), на информацию о планах властей по обустройству и переустройству территорий, рекультивации отходов; на участие в принятии решений, касающихся мест непосредственного проживания людей [21].

Четвертое место занимает «власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны». Очень важной её считает 53%, важной – 43%. Высокая значимость этой цели обусловлена сложившейся социокультурной моделью взаимодействия граждан и власти, определившей особенности системы управления в российском обществе. Роль главного субъекта организации и управления в этой системе отводится преимущественно власти. Необходимость упорядочения жизни на большой территории и защита её целостности в традиционном сознании российских граждан связывается с сильной централизованной властью и властью-защитницей. А в современном формате этот образ конвертируется в ожидание её эффективности.

Остальные цели распределились в порядке убывания следующим образом: «труд – источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет» (очень важно для 50% и для 43% – важно); «баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества», соответственно для 50% и 43%; «образование – условие социального продвижения, «социальный лифт» для 48% и 40%; «активное гражданское общество – условие демократизации в стране» для 39% и 50%.

Вместе с тем выделяются цели, по отношению к которым заметен нигилизм. По крайней мере для каждого десятого опрошенного не являются сколь-нибудь важными цели, связанные с образованием как условием продвижения и активным гражданским обществом как условием демократизации: 13% и 11%, соответственно. Для 9% не представляется важной для будущего страны такая цель, как семья; 7% не связывают будущее развитие страны с повышением общественного престижа труда. Для 7% не имеет значения баланс прав и обязанностей граждан. Природа подобного отношения молодёжи к названным целям может быть различной. Это и присущая молодёжному сознанию экстремальность, проявляющаяся как в фанатизме, так и нигилизме, и бунтарство как реакция на «высокопарные» смыслы, также характерная для молодёжи, и протест как реакция на разочарование недоступностью с последующим обесцениванием самих объектов реальности – будь то образование, семья, гражданское общество или демократия.

Как дифференцируется общественная значимость целей в различных социальных группах? Выделим группу, назвавшую перечисленные цели «очень важными» (см. табл. 2).

Таблица 2

**Дифференциация целей, значимых для будущего страны,
по группам молодёжи (в %)**

Социально-демографические характеристики		Доступное квалифицированное здравоохранение – залог высокого качества жизни	Семья – основа уверенности и безопасности, «крепкий тыл»	Жизненное пространство – среда для комфортной жизни	Власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны	Труд источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет	Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества	Образование условие социального продвижения, «социальный лифт»	Активное гражданское общество – условие демократизации в стране
Пол	Мужской	49	58	56	51	54	49	48	40
	Женский	50	63	61	55	47	50	47	38
Возраст	15-17	39	51	49	42	41	40	39	28
	18-24	54	57	61	57	51	54	47	43
	25-29	48	65	59	54	52	48	50	39
	30-35	51	65	60	52	52	51	49	41
Занятость	Работающие	51	64	60	55	53	51	47	40
	Учащиеся	49	55	55	54	48	49	50	36
	Работающие и учащиеся	48	52	60	48	44	48	48	44
	Временно не работающие и не учащиеся	52	67	63	52	48	52	47	39
	Безработные	39	44	39	33	39	39	28	28
Образование	Неполное среднее	37	58	47	44	44	37	43	28
	Среднее	52	63	60	54	50	52	46	41
	Среднее профессиональное	45	51	57	51	52	45	45	38
	Высшее I уровня	53	57	62	57	50	53	49	43
	Высшее II уровня	57	65	61	56	51	57	53	41
Материальное положение	Бедственное	42	64	54	45	45	42	39	37
	Плохое	51	55	59	54	49	51	48	41
	Удовлетворительное	48	52	56	53	54	48	50	39
	Хорошее	50	67	61	53	47	50	47	36
	Отличное	64	44	64	57	41	64	45	45
	Нет материальных проблем	57	82	71	64	51	57	64	43

Социально-демографические характеристики		Доступное квалифицированное здравоохранение – залог высокого качества жизни	Семья – основа уверенности и безопасности, «крепкий тыл»	Жизненное пространство – среда для комфортной жизни	Власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны	Труд и источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет	Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества	Образование условие социального продвижения, «социальный лифт»	Активное гражданское общество – условие демократизации в стране
Характер трудовой деятельности	Работа по найму	75	63	60	53	51	52	47	41
	Свой бизнес (владелец бизнеса с наёмными работниками)	63	61	59	59	69	53	45	41
	Работа по найму плюс своё дело	68	54	54	54	49	46	55	35
	Индивидуально-трудовая деятельность, без наемных работников, в т.ч. мелкая коммерция	72	58	62	56	52	42	43	40
	Работа только в домашнем хозяйстве	58	58	50	50	58	33	58	42
Населенный пункт	Областной центр, крупный город	50	57	59	54	52	50	47	39
	Районный город	46	61	56	50	52	46	44	34
	Село, деревня	54	70	60	56	53	54	55	47

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Важность целей в **гендерных группах** различается незначительно. Если семья и комфортное пространство более значимы для женской гендерной группы (соответственно, 63% против 58% и 61% против 56%), то для мужской важнее превращение труда в источник материального благополучия и хорошей жизни (54% против 47%). Это объясняется сохраняющимся воспроизводством традиционных гендерных ролей: молодые мужчины продолжают видеть себя в социальной роли главных кормильцев, а женщины чаще связывают жизненный успех с наличием крепкой семьи. Значимость остальных целей практически одинакова.

Анализ **возрастной дифференциации** представлений о значимых целях развития страны показывает наименьшую рефлексию подростковой группы в отношении всех рассматриваемых целей. Различие составляет от 10% до 14%.

Наибольших значений достигает понимание важности семьи для самых старших групп молодежи (65% для 25-29-летних и 65% для группы 30-35 лет); комфортного жизненного пространства – для всех групп (по две трети в каждой группе), кроме подростков. Аналогичная тенденция сохраняется в понимании значимости власти, труда, баланса прав и обязанностей, образования. Эти четыре

цели значимы примерно для половины опрошенных в возрасте от 18 до 35 лет на фоне сравнительно более низких значений в среде подростков. Еще менее выражена значимость в младшей группе активного гражданского общества (28%). Но, отмечая некоторое отставание подростковой группы в понимании значимости перечисленных целей, нельзя не видеть, что и достигнутый уровень значимости этого смыслового компонента (около 40%) достаточно высок.

Дифференциация по **типам занятости** не изменяет ключевого значения смыслов — семьи и жизненного пространства. При этом их номинальные значения меняются от наиболее высокого в группе NEET-молодёжи (не включённых ни в какие формы занятости — не работающих и не учащихся), работающей молодёжи и учащихся до наименьших в среде безработных. Так, значимость семьи в группе NEET-молодёжи составила 67%, а жизненного пространства — 63%; в группе работающей молодёжи, соответственно, 64% и 60%; в группе учащихся — одинаково по 55%. А в среде молодых безработных значимость семьи ниже, чем в других группах (44%), но по-прежнему остается главным смыслом в проекции будущего страны. Особняком стоят совмещающие работу с учебой, для которых комфортное жизненное пространство наиболее значимо в сравнении с другими целями (60%).

Изменение в представлениях о смысловых компонентах образа будущего и связанных с ним целях, вносит **характер трудовой деятельности**. Трудовой опыт актуализирует значимость доступного, качественного здравоохранения, которое в общем распределении молодёжи возглавляет иерархию целей. В сознании работающих значение здравоохранения поднимается до 75%, в то время как значение семьи и жизненного пространства сохраняется на уровне 63% и 60%.

Схожее значение здравоохранение имеет и в группе самозанятой молодёжи (индивидуально-трудовая деятельность, в т.ч. мелкая коммерция, без привлечения наёмных работников). Осмысливают его как общественно значимую цель — 72% от этой группы. А смыслы семьи (58%) и комфортной среды (62%) меняются местами. Однозначно более существенной целью считают здравоохранение молодые люди, совмещающие работы по найму с собственным делом (68%). Многократные перегрузки превышают физические возможности, приводят к росту заболеваний и снижению качества жизни, а заработанных денег по-прежнему не хватает. Гарантированное качественное здравоохранение является для них одним из условий работоспособности и нормальной жизни. В свою очередь, семья и комфортная среда, сохраняя относительные позиции в иерархии целей, несколько теряют в абсолютном выражении (по 54%). Совпадение значений этих целей говорит о том, что семья рассматривается через ту же призму, что и окружающая среда: молодые люди ждут физического и психологического комфорта.

Особого внимания заслуживает группа молодых бизнесменов (владельцы бизнеса с наёмными работниками). Именно в этой группе значения нескольких ключевых смыслов выравниваются на достаточно высоких позициях: доступного, квалифицированного здравоохранения — 63% и семьи — 61%; комфортной среды и власти — по 59%. Данные исследования свидетельствуют, если не о равенстве, то близости этих целей в сознании молодых предпринимателей. А в качестве главной цели выдвигается труд как источник материального благополучия и хорошей жизни. Очень важным его назвали 69% молодых предпринимателей. Тот факт, что именно предприниматели наделяют добросовестный труд главным фактором материального благополучия, выдвигая в качестве доминантной общественно значимой цели, создает благоприятные предпосылки для развития.

Связь целей, значимых для будущего страны, с **образованием** отражает сохранение приоритетных позиций семьи и жизненного пространства (среднее арифметическое 59% и 57%). Но распределение по группам с разным уровнем образования показывает далеко не одинаковую значимость разных целей и их базовых смыслов.

Наименьший уровень рефлексии целей — в группе с неполным средним образованием, что объясняется преобладанием в ней подростков. Но и здесь приоритет остается за крепкой семьей (58%). А наивысших значений цели, связанные с укреплением семьи, достигают в группе со средним образованием 63% и высшим образованием второго уровня (магистратура) 65%. В группе со средним специальным образованием значения большинства целей балансируют на уровне 50%. Выше его поднимается лишь комфортное жизненное пространство (57%).

Внутри группы с высшим образованием отмечается больше сходства, но есть и различия. Сходство — в одинаково высокой значимости комфортной среды (63% бакалавров и 61% магистров). А различие — в большем превосходстве семьи как общественной цели для молодежи с дипломом магистра (65% против 57%). Отличие наиболее образованной части молодежи можно считать и более высокую значимость власти как инструмента реализации поставленных целей (57% бакалавров и 56% магистров), что свидетельствует в пользу образования как фактора формирования целостного представления о связях между объектами реальности.

Для анализа связи целей, значимых для будущего страны, с **материальным положением**, выделены группы с разным материальным статусом и самооценкой потребительских возможностей. В группах молодежи, терпящей бедственное положение, а также в группе хорошо обеспеченных, приоритетная цель — укрепление семьи (64% и 67%). Еще более высоко её значение для молодежи, не испытывающей никаких материальных проблем (82%). Этот феномен объясняется упомянутой ролью семьи в жизни молодого поколения. Большинство вплоть до выхода из молодежного возраста проживает с родителями в их квартире/доме и пользуется их поддержкой. Даже создание собственной семьи не означает полную сепарацию. Связи с родительской семьей чрезвычайно прочны, что обоюдно поддерживается и не воспринимается как недопустимое. Хотя у молодежи и отмечается установка на обособление, но преимущественно в плане обретения собственного «угла» при желании сохранить общее хозяйство: снять/купить квартиру, но продолжать получать помощь (материальную, по хозяйству, уходу за детьми и т.д.). Отсутствие в стране развитой системы поддержки семьи, равно как и помощи пожилым, прочно связывает поколения между собой. Поэтому выходцы из достаточно обеспеченных слоев, наделяя укрепление семьи общественным смыслом, транслируют личный позитивный опыт, а выходцы из низко статусных слоев, лишенные такой поддержки, как наблюдатели оценивают чужой опыт.

Похожий смысл для обеспеченных имеет и образование: 64% представителей этой группы высказываются в его пользу для будущего страны. В других группах этот показатель ниже.

Комфортное жизненное пространство выходит в число самых важных для 71% респондентов из самых обеспеченных слоев; для 64%, чье материальное положение названо отличным, 61% — хорошим. Но также очень важно оно и для 60%, оценивших свое материальное положение как плохое, 56% — как удовлетворительное, 54% — как бедственное. В чем же здесь дело?

Жизненное пространство — это еще и возможности для развития, определяемые инфраструктурой и её доступностью. Доступность самих объектов (образовательных, производственных, медицинских, культурных, рекреационных, досуговых

и пр.) и их услуг определяется не только наличием, но также стоимостью и доходами. Расслоение молодёжи по уровню жизни дифференцирует смыслы, связанные с жизненным пространством. Значимость его в среде обеспеченной молодёжи связана с ожиданием разнообразия и более высокого качества услуг. В то время как необеспеченные слои молодёжи устали жить в бедности и заброшенности.

Связь с материальным положением актуализирует значение эффективной власти как значимого смыслового компонента и цели для будущего страны. Причем в группе обеспеченных она находит более решительную поддержку: очень важна для 64% респондентов, не имеющих никаких материальных проблем, 57% — отлично обеспеченных и 54% обеспеченных плохо.

Материальный достаток повышает внимание к такой цели как баланс прав и обязанностей граждан (64% в группе, чье материальное положение «отличное» и 57% — у кого нет материальных проблем). Выдвижение этой цели рождает гипотезу о признаках движения данной группы молодёжи в сторону постматериальных ценностей, не связанных непосредственно с выживанием, актуализации потребностей более высокого порядка — кооперации, сотрудничества, консолидации во имя общего будущего.

Связь представлений молодёжи о целях, значимых для будущего страны, с **типами поселения** обусловлена экономическими и социокультурными условиями, определяющими самосознание молодых жителей разных территориальных образований — крупных урбанизированных центров, небольших городов и сел. Но, как показал анализ, структура значимых целей не изменилась, выросли их значения. Как и прежде, доминирует цель укрепления семьи, значимость которой существенно повышается по мере движения от городской среды к сельской (с 57% в крупных городах до 61% в малых и 70% — в селах).

А запрос на таргетированное внимание к формированию пространства для комфортной жизни, как в случае с двумя крайними группами — обеспеченных и бедных, характерен для молодых жителей крупных городов (59%), с одной стороны, сельских поселений — с другой (60%). Плохие материальные условия, неразвитая инфраструктура, отсутствие каналов социальной мобильности и культурной жизни в большинстве сельских территорий противостоит небольшому числу крупных городов с их современной средой обитания. Но при этом не настолько развитой, чтобы в полной мере удовлетворять потребности молодёжи. В результате значимость этой цели сближает две совершенные разные группы молодых людей.

Итак, в числе приоритетных выделились преимущественно четыре цели: «Доступное квалифицированное здравоохранение — залог высокого качества жизни», «Семья — основа уверенности и безопасности, “крепкий тыл”», «Жизненное пространство — среда для комфортной жизни», «Власть, способная обеспечить достижение перечисленных целей — залог устойчивого развития страны». Структура этих целей отражает преимущественно базовые основы повседневности. И в этом молодое поколение мало отличается от более старших. «Общество, большинство членов которого на уровне повседневной жизни руководствовались бы абстрактными идеалами, а не своими текущими потребностями и интересами, в принципе невозможно. Вместе с тем, недооценивать вектор отмеченной тенденции тоже неправильно. За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику “большой цели”» [18, с. 5].

Связь целей, значимых для будущего страны, субъективных оценок жизненных условий и эмоционального состояния. Рассмотрим, как изменились

условия жизни молодых людей, для которых указанные цели являются в высшей степени важными. Анализ изменений произведем на основе самооценок молодёжи, суммировав значения показателей всех вариантов улучшения её жизненной ситуации («значительно улучшились» и «немного улучшились») и всех вариантов её ухудшения («значительно ухудшились» и «немного ухудшились»). Учтем также показатель стабильности/стагнации, выраженный индикатором «остались без изменений». Обратим внимание не только на положительные, но и на отрицательные отклонения (см. табл. 3).

Таблица 3

Связь самооценок изменения условий жизни с целями, значимыми для будущего страны (в %)

Самооценки изменения условий жизни	Наиболее значимые общие цели				
	Семья...	Здраво- охранение...	Жизненное пространство...	Власть...	
Материальные условия семьи	–	42	37	42	41
	=	33	34	32	32
	+	25	24	25	26
Медицинское обслуживание	–	45	46	46	45
	=	42	43	41	43
	+	13	11	12	12
Условия отдыха во время отпуска (каникул)	–	43	45	45	44
	=	39	40	38	39
	+	17	15	17	17
Доступность информации о положении в стране и в мире	–	26	28	29	27
	=	54	55	52	55
	+	19	17	18	18
Возможность выражать свой протест	–	35	39	40	39
	=	55	53	52	53
	+	7	7	8	8
Возможность участвовать в культурной жизни	–	36	38	40	38
	=	49	48	47	47
	+	15	13	13	15
Состояние окружающей среды по месту жительства	–	33	35	36	34
	=	47	46	45	46
	+	20	19	18	20
Защищенность от своеволия чиновников	–	34	36	37	36
	=	58	56	54	55
	+	8	7	8	9
Гарантии занятости, трудоустройства	–	45	48	49	47
	=	42	40	39	40
	+	13	12	12	13
Личная безопасность (на улице, в общественных местах)	–	34	34	36	35
	=	55	57	54	55
	+	10	7	10	10

Источник: Центр социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Примечание: Здесь и далее «+», «=», «-» означают оценку респондентами характера изменений, где «+» означает улучшение, «=» отсутствие изменений, «-» — ухудшение.

По большинству показателей наблюдается значительная отрицательная динамика. Особенно это касается медицинского обслуживания; материальных условий семьи, как следствия череды кризисов, в том числе пандемического; условий отдыха во время отпуска (каникул), вызванного карантинными ограничениями, кризисом отрасли и снижением материальных возможностей самих молодых людей; гарантий занятости, трудоустройства как результата отсутствия системной молодёжной политики. Охват молодёжи отрицательной динамикой по этим показателям составляет от 40 до 50%.

Вместе с тем, по ряду показателей, включая названные, есть и положительная динамика самооценок. У четверти молодёжи, вопреки обстоятельствам они заметно улучшились. Примерно пятая часть опрошенных отметила позитивные изменения окружающей среды по месту жительства и доступность информации о положении в стране и в мире; каждый шестой, несмотря на пандемию, ощутил положительные изменения в условиях отдыха. В целом, ощущение положительных изменений присуще было в конце 2021 года от 10% молодёжи по показателю личной безопасности до 25% по показателю материальных условий жизни. Однако основная часть молодых людей, в лучшем случае, сохранила статус-кво, в худшем — испытала значительные лишения.

Рассмотрим связь целей, значимых для будущего страны, основных показателей, по которым субъективно отмечено существенное ухудшение условий с характеристиками эмоционального состояния молодёжи. Выделим группу респондентов, для которых названные цели являются очень важными, чье положение значительно изменилось (ухудшилось или улучшилось) и кто испытывает позитивные или негативные эмоции в очень большой степени. Сравнивая полученные данные с общим распределением по выборке, выясним характер отклонений в эмоциональном состоянии молодых людей вследствие изменения характеристик жизненных ситуаций (см. табл. 4).

Таблица 4

Связь целей, значимых для будущего страны, субъективной оценки изменений и эмоционального состояния молодёжи (в %)

Наиболее значимые общие цели	Показатели с наибольшей отрицательной динамикой (по самооценкам) / характер изменения	Эмоциональные состояния							
		Надежда	Уверенность, безопасность	Безразличие	Тревога	Страх, отчаяние	Возмущение, гнев	Растерянность	
Семья...	материальные условия семьи	-	54	35	30	58	44	50	46
		+	67	71	22	33	18	26	15
	медицинское обслуживание	-	45	31	20	57	37	51	35
		+	56	56	16	24	24	12	16
	условия отдыха во время отпуска (каникул)	-	48	33	27	53	37	50	35
		+	52	54	24	16	16	20	16
	гарантии занятости, трудоустройства	-	46	31	25	52	36	50	35
		+	69	66	22	31	25	25	28

Наиболее значимые общие цели	Показатели с наибольшей отрицательной динамикой (по самооценкам) / характер изменения	Эмоциональные состояния							
		Надежда	Уверенность, безопасность	Безразличие	Тревога	Страх, отчаяние	Возмущение, гнев	Растерянность	
Здравоохранение...	материальные условия семьи	-	48	28	29	58	43	49	47
		+	72	68	15	32	17	26	21
	медицинское обслуживание	-	46	27	21	57	38	51	37
		+	65	52	17	22	22	13	17
	условия отдыха во время отпуска (каникул)	-	45	28	25	57	39	52	38
		+	58	52	22	18	20	20	18
гарантии занятости, трудоустройства	-	43	27	27	57	41	53	42	
	+	64	61	21	36	29	25	32	
Жизненное пространство...	материальные условия семьи	-	48	34	34	56	43	50	49
		+	62	62	24	36	22	38	18
	медицинское обслуживание	-	47	31	25	60	41	54	40
		+	65	55	25	30	30	15	20
	условия отдыха во время отпуска (каникул)	-	48	32	29	60	42	55	40
		+	51	55	22	20	18	22	14
гарантии занятости, трудоустройства	-	44	29	28	58	42	55	42	
	+	55	64	23	32	27	27	36	
Власть...	материальные условия семьи	-	55	36	36	61	49	53	49
		+	72	72	23	33	26	31	23
	медицинское обслуживание	-	49	31	26	61	45	57	39
		+	69	56	13	25	19	6	19
	условия отдыха во время отпуска (каникул)	-	48	32	27	25	45	56	41
		+	57	55	25	43	21	21	18
гарантии занятости, трудоустройства	-	47	30	27	57	44	55	43	
	+	70	66	17	28	28	28	31	

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Данные показывают чрезвычайно высокий уровень всех отрицательных эмоций – тревоги, страха, отчаяния, растерянности, возмущения и гнева. Если в среднем по выборке тревогу отметили 35% респондентов, то в анализируемой подгруппе – от 56 до 61%. Наивысший уровень тревожности достигается среди тех, кто главной целью считает комфортное жизненное пространство и кто ждет эффективных действий от власти. Общим фактором роста тревоги здесь является ухудшение медицинского обслуживания, но также условий отдыха в первом случае и материальных условий семьи – во втором.

Страх и отчаяние в целом по выборке отмечается у 23% молодёжи, а в анализируемой подгруппе – в диапазоне 41-49%. Наивысших значений также достигает у молодёжи, ориентированной на эффективность власти.

Возмущение и гнев в целом испытывает треть молодёжи (29%), а рассматриваемой подгруппе — более половины (от 51% до 57%). Достаточно равномерно распределяясь по всем показателям, самых высоких значений достигает у ориентированных на эффективную власть, особенно в связи с ухудшением медицинского обслуживания и условий отдыха.

Доля молодёжи, испытывающей растерянность и непонимание происходящего, равна доле возмущенных (23%). В подгруппе с наиболее выраженными негативными изменениями по этому показателю наблюдается заметный разброс от 35 до 49%. Максимальное возмущение связано с ухудшением материального положения семьи (49%) у тех, кто нацелен на комфортное жизненное пространство и эффективную власть. А также, кто главной целью считает здравоохранение (47%). Минимальный — в группах, ориентированных на семью (по всем показателям 35%) и качественное здравоохранение в связи с ухудшением условий отдыха (38%) и медицинского обслуживания (37%).

Таким образом, главной причиной кризисных эмоциональных состояний молодёжи является ухудшение материальных условий семьи. Критическая связь с этим показателем обусловлена общим низким материальным положением молодёжи и ограниченными возможностями его изменения.

Даже в ситуациях, субъективно оцененных молодыми людьми как улучшение, уровень отрицательных эмоций остается высоким (от 1/5 до 1/3 респондентов). При этом нельзя не заметить позитивную реакцию молодёжи на улучшения. Особенно, медицинского обслуживания. Если в среднем уровень всех негативных переживаний на фоне значительных улучшений снижается равномерно в 2-3 раза, то позитивные изменения в сфере медицинского обслуживания снижают самые радикальные реакции возмущения и гнева многократно. Наиболее тесная связь со смыслом власти и её эффективностью как целью для будущего страны. Так, если во взаимосвязи с целями семьи, доступного квалифицированного здравоохранения и комфортного жизненного пространства эмоциональные проявления возмущения и гнева снижаются в 3,6 – 4,3 раза (с 51–54% до 12–13%), то в связи с целью эффективной власти показатель возмущения и гнева падает в 9,5 раз, с самого высокого (57%) до самого низкого (6%).

Связь рассматриваемых показателей с позитивными эмоциональными состояниями надежды, уверенности и безопасности также значительная. В среднем по выборке надежда присуща 45%, а уверенность и безопасность — 34% молодёжи.

Общий характер зависимостей здесь тот же. Главными регуляторами выступают материальное положение, гарантии занятости, медицинское обслуживание. Но прежде отметим высокие значения позитивных эмоций даже в ситуации ухудшения. Среди респондентов, чье материальное положение снизилось, испытывают надежду 54% ориентированных на семью как цель и 55% — на эффективную власть, а также 48%, для кого очень важны здравоохранение и жизненное пространство. Аналогично высокие значения надежды выявлены по другим показателям (43–48%). Сравнение их со средним по выборке показывает, что в негативных условиях уровень надежды у молодёжи повышается. А позитивные изменения жизненных ситуаций увеличивают ее уровень до 62–72%. Наибольший рост — в связи с улучшением материальных условий семьи в группе ориентированных на здравоохранение. А среди ориентированных на эффективность власти, — еще и в связи с гарантиями занятости, трудоустройства. Улучшение медицинского обслуживания также повышает надежду среди ориентированных на эффективность власти до 69% и жизненное пространство (65%).

По показателю уверенности, безопасности наблюдается больший разброс, а значение показателей ниже, что говорит об иной природе этого чувства. В связи с ухудшением положения уверенность и безопасность способны сохранить от 27 до 32%. А позитивные изменения повышают их значения, прежде всего, у ориентированных на эффективную власть и семью как значимую цель в связи с улучшением её материального положения (72% и 71%, соответственно) и гарантиями трудоустройства (66%). Среди ориентированных на качественное здравоохранение в аналогичной ситуации уверенность и безопасность повышается до 68%.

Что касается показателя безразличия, то оно присуще 21% в общем распределении по выборке. В ситуации ухудшения – колеблется от 20 до 30%, а в условиях позитивных изменений – по ряду показателей способен снижаться до уровня 13–17%. Так, наибольшее снижение уровня безразличия вызывает, прежде всего, улучшение ситуации с медобслуживанием, но также и с трудоустройством. Поскольку безразличие – следствие беспомощности и апатии перед сокрушительным наступлением бесконтрольной реальности, которая чаще всего возникает в ситуации болезни и отсутствия средств существования, то её социальные регуляторы лежат в этой же области.

Таким образом, ключевыми факторами, изменяющими эмоциональный фон в среде молодёжи, являются материальное положение семьи, гарантии трудоустройства, медицинское обслуживание.

Выводы. Перечисленные цели осмысливаются как значимые для будущего страны подавляющим большинством молодёжи, а как очень значимые – более чем половиной молодых людей в возрасте 15–35 лет. Они осмысливаются и эмоционально переживаются с позиции интересов и потребностей семьи, укрепления её как основы будущего общества, в контексте необходимости создания качественной системы здравоохранения и комфортного жизненного пространства, решающую роль в обеспечении которых должна сыграть эффективная власть.

Эти цели отражают контур желаемого будущего, суть которого – мир, обустроенный для моей жизни и моих близких: семья и понимание её значимости, среда как совокупность внешних (объективных) факторов развития, включая институциональный механизм сохранения самой жизни и поддержания ее качества, эффективная система организации и управления. В таком наборе взаимосвязанных целей просматривается не только эгоцентрическая направленность сознания молодых людей. В нём отражены социальные проблемы, решение которых способно стать предпосылкой развития общества. Более того, ключевые смыслы, артикулируемые молодёжью в качестве основных целей, корреспондируют с общественно-политическим дискурсом последних лет. Прежде всего, в части семьи и демографии, получившим статус приоритетных направлений государственной политики.

Рассматриваемые не просто как мечта или фантазия о желаемом будущем, а как ориентир для целеполагания, проявившиеся смыслы являют собой внутренне связанную, непротиворечивую совокупность стратегических общественно значимых целей развития. В их понимании молодёжью отчетливо выразились и традиционные, и современные смыслы, конвергенция которых – одна из характерных черт молодого поколения. При доминирующем значении смыслов, которые могут интерпретироваться больше как ориентация на частное, чем общественное, о чём говорит преобладание таких целей как семья, комфортное жизненное пространство, здравоохранение, каждый второй молодой человек высказывается в пользу общественной значимости образования, труда и активного

гражданского общества, связывая с ними не только свое собственное будущее, но и коллективное будущее.

Периодам кризиса и неопределенности свойственно противоречие не только между должным и сущим, но между потребностью в ясных целях будущего и распадающимися смыслообразами, лежащими в основе. Поэтому выход из неопределенности и кризиса развития, как правило, связан с пересборкой смыслов, лежащих в основе общественно значимых критериев желаемого будущего и целей, направленных на его достижение. Однако в российских реалиях проблема не столько в отсутствии самих смыслов, сколько в рассогласовании общественных ожиданий и действительности, целей, декларируемых на уровне политической риторики и фактических усилий государства по их реализации. С учетом выявленных характеристик положения молодёжи и на фоне растущей неопределенности, связанной теперь уже с санкционным кризисом, фактор эффективности власти, её способности обеспечить достижение всех перечисленных целей будет усиливаться. А разворот системы государственной молодёжной политики в сторону обозначенных смыслов и инкорпорирование их в качестве приоритетных направлений ГМП способен создать базу социальной консолидации и стать наиболее эффективным инструментом укрепления патриотического сознания молодёжи.

Библиографический список

1. Резник Ю. М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. Вып. 1(2). С. 88–111. EDN [NRBV1J](#).
2. Куда идет Россия? Образ будущего в современном массовом сознании (тезисы к заседанию научного Совета ВЦИОМ) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4(116). С. 183–187. EDN [RATWZL](#).
3. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневецкий [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).
4. Задорин И. В., Мальцева Д. В., Петухов В. В. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Экономические стратегии. 2016. Т. 18, № 3(137). С. 32–55. EDN [VZCZAV](#).
5. Шестопал Е. Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112. DOI [10.17223/15617793/464/12](#). EDN [GVSOHV](#).
6. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.) / А. П. Багирова, Л. Н. Банникова, Н. Д. Бледнова [и др.]. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2021. 372 с. ISBN 978-5-7996-3372-1. EDN [BUFZOL](#).
7. Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 369–394. EDN [ZFBEEZ](#).
8. Воденко К. В., Сусименко Е. В., Некрасов Е. Е. Конструирование будущего в образовательных стратегиях российской молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. № 3(284). С. 44–53. DOI [10.53598/2410-3691-2021-3-284-44-53](#). EDN [WQZHVU](#).
9. Пудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е. [и др.] «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 1-2(130). С. 21–121. EDN [OYGMQT](#).
10. Нестик Т. А., Шаповалова О. С., Плужник С. А. Социальная идентичность и временная перспектива личности как предпосылки отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 4(16). С. 102–126. EDN [YLIIMA](#).

11. *Нестик Т. А., Дробышева Т. В., Емельянова Т. П., Писаренко П. Ю.* Коллективная память и образ будущего: межпоколенные различия // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. Москва : Институт психологии РАН, 2018. С. 783–790. EDN [YNXOCL](#).

12. *Великая Н. М., Дорошина А. В.* Самоидентификация молодежи Московского региона как фактор конструирования образа будущего России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 31–38. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38](#). EDN [JALKPQ](#).

13. *Левашов В. К., Гребняк О. В., Новоженкина О. П.* Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 104–120. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-104-120](#). EDN [SETQMU](#).

14. *Великая Н. М., Шуштанова И. С.* Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29–40. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-29-40](#). EDN [BKDYER](#).

15. *Чупров В. И.* Социально-воспроизводственное направление в исследованиях молодежи // Социология молодежи: Энциклопедический словарь / Отв. редакторы Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. Москва : Academia, 2008. С. 450–451.

16. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва : Наука, 1984. 444 с. EDN [RVMASB](#).

17. *Зубок Ю. А., Проказина Н. В.* Отношение молодежи к новой коронавирусной инфекции: динамика представлений и практики здоровьесберегающего поведения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № S1. С. 752–757. DOI [10.32687/0869-866X-2021-29-s1-752-757](#). EDN [XVQLIU](#).

18. *Горшков М. К.* «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12(344). С. 3–11. EDN [PHCZPZ](#).

19. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2022. 360 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](#). EDN [TENQIH](#).

20. Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, И. С. Шаповалова [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2016. 207 с. ISBN 978-5-9907865-2-3. EDN [WBJMHD](#).

21. *Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В.* Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1597](#). EDN [LFFFNS](#).

Дата поступления в редакцию: 14.10.2022.

Принята к печати: 02.11.2022.

Сведения об авторах:

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: uzubok@mail.ru

Author ID РИНЦ: 74721

ORCID: 0000-0002-3108-2614

Researcher ID (WoS): H-7357-2016

Scopus ID: 6506822869

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: nas0311@ya.ru

Author ID РИНЦ: 432257

ORCID: 0000-0001-9691-3020

Researcher ID (WoS): ANC-6981-2022

Ju. A. Zubok¹, N. A. Seliverstova²

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

² Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

ESSENTIAL COMPONENTS OF THE IMAGE OF THE FUTURE OF THE COUNTRY IN THE REPRESENTATIONS OF THE YOUTH

Abstract. The article analyzes the goals, which the Russian youth think are important to achievement for the best future of the country. Their foundations are the ideas of young people about the meanings of different aspects of reality - affordable qualified health care as a guarantee of a high quality of life; families as the basis of confidence and security; living space as an environment for a comfortable life; labor as a source of material well-being; balance of rights and obligations of citizens as a factor in the consolidation of society; education as a condition for social advancement; an active civil society as a condition for democratization in the country; authorities capable of ensuring the achievement of these goals as a guarantee of the country's sustainable development. The priority goals that are mostly significant are a strong family, living space, high-quality healthcare, and effective government. The differentiation of these goals by groups of young people depending on gender, age, education, financial situation, type of settlement has shown sustainability of these ideas. An analysis of the connection between young people's ideas about goals that are significant for the future of the country, with a self-assessment of changes in their living conditions, showed a deterioration in terms of the financial situation of the family, job security, employment, medical care, recreation conditions, with some improvement in the same indicators. The relationship of these indicators with positive and negative emotional states of young people - reliability, confidence, anxiety, indignation, anger, indifference and confusion was revealed. The main factors in the regulation of stress are mainly changes in the material conditions of family life and guarantees of employment and employment.

Keywords: youth; image of the future; meanings; goals; ideas.

For citation: Zubok Ju. A., Seliverstova N. A. (2022) Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No 4. Pp. 56–74. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.5

References

1. Reznik Ju. M. (2008) The Notion of the “Social” in Contemporary Philosophy and Science. *Voprosy social'noj teorii*. Vol. 2. Issue 1(2). Pp. 88–111 (in Russ.).
2. Where Is Russia Going? The Image of the Future in Contemporary Mass Consciousness (Abstracts for the Meeting of the Scientific Council of VCIOM). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*. 2013. No. 4(116). Pp. 183–187 (in Russ.).
3. Zubok Ju. A., Bezrukova O. N., Vishnevskij Ju. R. [et al.] (2021) *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki*. Belgorod, Epitsentr Publ. 500 p. ISBN 978-5-6045221-7-2 (in Russ.).
4. Zadorin I. V., Mal'ceva D. V., Petuhov V. V. (2016) Russian Society 2020: An Expert Image of the Future. *Jekonomicheskie strategii*. Vol. 18. No. 3. Pp. 32–55 (in Russ.).
5. Shestopal E. B. (2021) Image of an Ideal Future: Russians' Normative Concepts of Authorities. *Tomsk State University Journal*. No. 464. Pp. 99–112. DOI 10.17223/15617793/464/12 (in Russ.).
6. Bagirova A. P., Bannikova L. N., Blednova N. D. [et al.] (2021) *Molodezh' o budushhem Rossii i o sebe: vyzovy nastojashhego i konstruirovaniye gorizontov grjadushhego (po materialam VIII jetapa monitoringa dinamiki sociokul'turnogo razvitiya ural'skogo studentchestva 1995–2020 gg.)*. Ekaterinburg, UrFU Publ. 372 p. ISBN 978-5-7996-3372-1 (in Russ.).
7. Mehrishvili L. L., Gavriljuk V. V., Gavriljuk T. V. (2017) The Impact on the Vision of the Future to Life Success and Strategies to Achieve It by Modern Russian Youth. *Rossija reformiruyushhajasja*. No. 15. Pp. 369–394 (in Russ.).
8. Vodenko K. V., Susimenko E. V., Nekrasov E. E. (2021) Designing the Future in Educational Strategies of Russian Youth. *Bulletin of Adyghe State University. Series “Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies”*. No. 3(284). Pp. 44–53. DOI 10.53598/2410-3691-2021-3-284-44-53 (in Russ.).

9. Gudkov L., Zorkaja N., Kochergina E. [et al.] (2020) "Generation Z". Young People of the Putin Era. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. No. 1-2(130). Pp. 21–121 (in Russ.).
10. Nestik T. A., Shapovalova O. S., Pluzhnik S. A. (2019) Person's Social Identity and Time Perspective as Predictors of Attitudes Toward Common Past, Present, And Future. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. Vol. 4. No. 4(16). Pp. 102–126 (in Russ.).
11. Nestik T. A., Drobysheva T. V., Emel'janova T. P., Pisarenko P. Ju. (2018) Collective Memory and Image of Future: Intergenerational Differencies. In: *Psychology of a man as a subject of cognition, communication and activity*. Ed. by V. V. Znakov, A. L. Zhuravlev. Moscow, IP RAS Publ. Pp. 783–790 (in Russ.).
12. Velikaja N. M., Doroshina A. V. (2022) Self-identification of Youth in the Moscow Region as a Factor of Constructing the Image of the Russia's Future. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 22. No. 1. Pp. 31–38. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38) (in Russ.).
13. Levashov V. K., Grebnyak O. V., Novozhenina O. P. (2021) Images of the Future in the Consciouness of Russian Youth: Value Orientations, Digital Innovation and Socio-Political Expectations. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series Socio-Economic Sciences*. Vol. 14. No. 2. Pp. 104–120. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-104-120](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120) (in Russ.).
14. Velikaja N. M., Shushpanova I. S. (2021) Russian Youth about Prospects and Images of the Future Socio-Political Development of the Country. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series Socio-Economic Sciences*. Vol. 14. No. 2. Pp. 29–40. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-29-40](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-29-40) (in Russ.).
15. Chuprov V. I. (2008) Socio-Productive Direction in Research on Youth. *Sotsiologiya molodezhi: Entsiklopedicheskii slovar'*. Ed. by Ju. A. Zubok & V. I. Chuprov. Moscow, Academia. Pp. 450–451 (in Russ.).
16. Lomov B. F. (1984) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, Nauka Publ. 444 p. (in Russ.).
17. Zubok Ju. A., Prokazina N. V. (2021) The Attitude of Young People to the New Coronavirus Infection: The Dynamics of Ideas and Practices of Health-Saving Behavior. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*. Vol. 29. No. S1. Pp. 752–757. DOI [10.32687/0869-866X-2021-29-s1-752-757](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s1-752-757) (in Russ.).
18. Gorshkov M. K. (2012) "The Russian Dream": An Experience of Sociological Measurement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12(344). Pp. 3–11 (in Russ.).
19. Zubok Ju. A., Aleksandrova O. A., Bulanova M. B. (2022) *Self-Regulation Among Young People: Typologization and Modeling*. Belgorod, Epitsentr Publ. 360 p. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022) (in Russ.).
20. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Shapovalova I. S. [et al.] (2016) *Riski transformirujushhejsja sredy obitanija: problema issledovaniya i upravleniya*. Belgorod, Epitsentr Publ. 207 p. ISBN 978-5-9907865-2-3 (in Russ.).
21. Antonova N. L., Abramova S. B., Poljakova V. V. (2020) The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*. No. 3. Pp. 443–462. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1597](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597) (in Russ.).

The article was submitted on October 14, 2022.

Accepted on November 02, 2022.

Information about the authors:

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: uzubok@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3108-2614

Researcher ID (WoS): H-7357-2016

Scopus ID: 6506822869

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: nas0311@ya.ru

ORCID: 0000-0001-9691-3020

Researcher ID (WoS): AHC-6981-2022

DOI [10.19181/nko.2022.28.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.6)

EDN [QJTZJA](https://www.edn.ru/QJTZJA)

УДК 316.4; 323.2

С. В. Рогачев¹, К. Н. Горлов¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. Вопросы социальной консолидации в современном городе рассмотрены в контексте развития цифровых коммуникаций. Автор исследует информационно-коммуникативный аспект современных практик консолидации горожан, влияние процессов глобализации и цифровой трансформации общества на уровень социальной консолидации. Наряду с новыми возможностями, цифровизация несет и негативные социально-экономические и политические последствия и риски. На первое место из них выдвигаются расширение социального неравенства и социальная дезинтеграция. Решение проблемы – в принятии обществом и властью новой коммуникационной парадигмы. На смену классическим городским коммуникационным кластерам, локализованным по пространственному признаку, приходят новые общественные цифровые пространства консолидации – цифровые платформы, мессенджеры и социальные сети. В работе рассмотрены новые параметры коммуникативного взаимодействия, особенности коммуникаций власти и общества в условиях цифровой трансформации. Это изменение темпа общения, развитие механизмов саморегуляции и повышение интереса горожан к неформальным практикам участия в общественной жизни, изменение их роли с потребителей на генераторов контента, появление новых дискурсивных стратегий и другое. В статье сделан вывод, что именно участие в коммуникациях в цифровом пространстве обеспечивает современных горожан действенными практиками принятия решений, участия в социально-политических процессах и социальной консолидации.

Ключевые слова: социальная консолидация; цифровизация; мобильные коммуникации; цифровые коммуникации; социально-политические риски.

Для цитирования: Рогачев С.В., Горлов К.Н. Социальная консолидация в современном городе в условиях развития цифровых коммуникаций // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 75–84. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.6). EDN [QJTZJA](https://www.edn.ru/QJTZJA)

Введение. Ранние исследователи вопросов цифровизации городской среды отказывали самим горожанам в агентности, то есть способности действовать самостоятельно и осознанно влиять на производимые ими данные. Люди представлялись лишь транспортировщиками электронных устройств, сенсорами, генераторами и единицами данных [1, с. 38]. Возвращение интереса непосредственно к горожанам, произошедшее на фоне интенсивного развития онлайн-коммуникаций, вывело на первый план вопросы социальной консолидации – неотъемлемой части процесса урбанизации современного общества.

Изучение процессов глобализации и цифровой трансформации общества, как никогда актуально сегодня в свете их влияния на уровень социальной консолидации. Это объясняется наличием глубоких противоречий цифровизации: стирая границы между социальными стратами, – она тут же возводит новые; открывая возможности, – одновременно порождает негативные социально-экономические и политические последствия и риски.

Среди последних наблюдаются сокращение численности и прекаризация работающего населения, монополизация рынков и ослабление конкуренции, усиление неравномерности экономического развития между странами, интенсификация трансграничных миграционных процессов, усиление диспропорций в распределении доходов и доступе к базовым социальным благам и правам, расшатывание демократических основ общества. Всё это ведет к расширению социального неравенства и социальной дезинтеграции.

Западные исследователи, занимаясь проблемой социальной консолидации, большее внимание уделяют масштабным социально-политическим событиям [2; 3; 4]. Отечественные учёные проявляют исследовательский интерес и к более рутинным взаимодействиям, в том числе возникающим в городских локальных сетевых сообществах, признавая за ними большую роль в механизмах самоорганизации и взаимодействия с властью [5; 6; 7].

Социальная консолидация в городском сообществе. Уровень социальной консолидации обусловлен, как правило, характером взаимодействия между элементами городских сетей. Среди них: пространства и технологические объекты, инфраструктуры и алгоритмы, люди и технологии. Размер и особенности социального вклада и отдачи для каждого конкретного элемента, несомненно, различаются, но для социальной консолидации крайне важна их субъективная реципрокность. В малых группах уровень социальной консолидации определяется исключительно повседневными коммуникациями, более крупные сети скрепляются не только межличностными отношениями, но и институционально. В любом случае, отношения между членами сообществ носят множественный характер, который подразумевает возникновение альянсов, меняющих баланс власти. Такие недолговечные (тактические) и долгосрочные (стратегические) объединения горожан позволяют им, вступая порой в неожиданные союзы, отстаивать свои интересы перед бизнесом и властью, разрешать проблемы взаимоотношений различных групп и индивидов, создавать городскую жизнь на своих условиях.

Городские сообщества – это сложные социальные образования, характеризующиеся по своему составу высокой степенью гетерогенности, а по целям, функциям и интересам своих участников – высоким уровнем дифференцированности. Тем не менее, проживание на одной территории, высокий уровень нормативного единства и – основное – непосредственное и опосредованное взаимодействие их участников в рамках профессионально-трудовых, потребительских, досуговых, гражданских, политических и иных отношений ведут к формированию коллективной идентичности. Причём это выражается более сильно в отдельных локальных сообществах внутри общегородской общности. Соответственно существует и обратная тенденция – низкий уровень включённости в локальные и общегородские коллективные практики (в том числе вследствие недостатка доверия) препятствует росту социального капитала участников городских сообществ. Низкий уровень накопленного социального капитала, в свою очередь, ограничивает консолидационный потенциал.

Характеристики социальной консолидации городского сообщества могут быть представлены тремя структурными уровнями:

- социальным;
- ценностно-символическим;
- информационно-коммуникативным [8, с. 8].

Социальный уровень представляет собой взаимодействия индивидов в ходе жизнедеятельности внутри городского сообщества. Ценностно-символический

уровень представлен различными нормами и ценностями – реальными и потенциальными характеристиками городской среды, имеющими для населения города устойчивое позитивное значение. Информационно-коммуникативный уровень заполнен множеством каналов общения и передачи информации в городской среде.

Однако следует помнить, что сама по себе успешная социальная консолидация городского сообщества не может стать гарантией достижения целевого состояния общества. Нужна кропотливая и слаженная работа власти и городского сообщества по формированию и реализации стратегических программ городского развития на принципах гражданско-государственной ответственности и межгруппового доверия между властью и обществом. И в этих условиях именно власть должна продемонстрировать свою способность решать сложные социально-экономические проблемы путем содействия, оказания помощи, координируя усилия всех заинтересованных акторов, по сути, управляя процессом завоевания политического доверия к самой себе, усиливая факторы, вызывающие позитивные эмоции у граждан, и ослабляя воздействие движущих сил, последствия проявления которых негативно воспринимаются людьми, тем самым принуждая все элементы государственной машины действовать синхронно, солидарно, социально ответственно [9; 10].

Цифровые коммуникации в городском сообществе. В функционировании и развитии городских сообществ сегодня можно выделить ряд тенденций, вносящих принципиальные изменения в конфигурацию отношений между властью и гражданами, а также между гражданами внутри их локальных сообществ. Главной из этих тенденций является цифровизация, оказывающая значительное влияние на социальную консолидацию, что хорошо прослеживается на информационно-коммуникативном уровне.

Широкое распространение цифровых коммуникаций, в том числе мобильных, всё больше влияет на практики идентификации и консолидации горожан. В связи с этим заслуженное подтверждение и развитие находит концепция общества как коммуникации Никласа Лумана [11, с. 115]. Исследуя городское пространство и коммуникативные отношения между его жителями, Луман предлагает считать элементарными единицами общества коммуникации, а не индивидов. С этой точки зрения город предстает в виде сложной системы коммуникаций, состоящей из различных элементов. Каждый элемент пользуется относительной независимостью, является цельным, выделяет себя из гетерогенного окружения, но соотносит себя с неким множеством, идентифицируя себя по профессии, территориальному признаку, топографической или функциональной пространственной территории и т.п.

Исследователи установили, что привычные (классические) городские коммуникационные кластеры, как правило, локализованы по пространственному признаку. Для горожан они образуются естественным образом вокруг мест их проживания, учёбы или работы, магазинов и рынков, парков, клубов и фитнес-центров. В модели городских коммуникаций доцифровой эпохи перечисленные и подобные им пространства являлись своего рода локациями городских идентичностей [12, с. 5]. Однако в эпоху цифровой трансформации общества меняются и пространства социальной консолидации.

Коммуникационный аспект цифровизации выражается, в первую очередь, в охвате интернетом всё более широких слоев горожан и вовлечении их в деятельность разных коммуникационных сервисов и платформ – как официальных, создаваемых государственными и муниципальными структурами для упрощения

процесса оказания услуг, так и неофициальных – различных пабликов и сообществ, создаваемых с целью трансляции и формирования общественного мнения.

В 2021 году количество жителей планеты Земля, активно пользующихся социальными сетями превысило отметку в 4,5 млрд человек¹. Суточная аудитория интернета на тот же год, по данным мониторинга фонда «Общественное мнение», составляет 68%. Эта доля остается стабильной на протяжении последних двух лет. Согласно тому же опросу, никогда не пользовались интернетом 24% россиян (годом ранее – 21%). Среди молодёжи 18–30 лет доля суточной аудитории интернета составляет 95%². Ежедневной аудиторией социальных сетей являются 57% россиян³.

Таким образом, виртуальные коммуникации стали неотъемлемой частью повседневности россиян, а в молодёжной среде они во многом определяют ключевые форматы общения. Цифровизация определяет среду коммуникации, задает определенные процедуры и параметры её организации. Массовость присутствия городского населения в социальных сетях и на других коммуникационных платформах очень сильно повлияла на ряд характеристик коммуникации, которые и формируют зоны социальной конъюнкции и дизъюнкции в городском сообществе.

Появление цифровых общественных пространств. Ещё П. А. Сорокин отмечал, что социальное пространство города значительно отличается от пространства географического [13]. Очевидно, что сегодня городские пространства приобретают всё менее физический и более виртуальный характер. В результате происходит обесценивание физического пространства как точки консолидации. Для коннективных действий, решения проблем, обсуждения вопросов больше не нужно физически собираться вместе, списываться или созваниваться. Цифровые средства мобильной коммуникации, онлайн-платформы и мессенджеры позволяют горожанам создавать микрогруппы для взаимодействия в индивидуализированном обществе. Причём горожане могут сами выбирать роль – быть пассивным приемником информации или формировать повестку, общаться индивидуально в личных сообщениях или в групповом чате, одобрять и комментировать действия других или блокировать определенных коммуникантов в «черном списке».

Чаты и беседы в WhatsApp, Telegramm, Viber и других мессенджерах позволяют оперативно и с высокой прагматической эффективностью участвовать в обсуждении проблем различным социальным агентам. Причём старые (доцифровые) признаки, объединяющие их в коммуникационные кластеры, больше не играют значения. Сотрудники предприятий и организаций, родители учеников школы, жители многоквартирного дома, посетители спортивного клуба, клиенты туристического агентства собираются на новых «цифровых общественных пространствах». В формате видео-конференцсвязи проходят заседания городского Совета, в видеочатах проходят круглые столы и конференции университета, в мессенджерах – обсуждения производственных проблем в коммерческой компании, в группе социального медиа – принятие жителями района решения о заключении договоров с управляющей компанией и т.п.

На цифровых коммуникационных площадках, благодаря их технологиче-

¹ Аудитория социальных сетей и мессенджеров в 2021-2022 году // SkillFactory.Блог. URL: <https://u.to/rFN1HA> (дата обращения: 10.08.2022)..

² Источники информации: интернет // ФОМ. 10 февраля 2021. URL: <https://u.to/wFN1HA> (дата обращения: 10.08.2022).

³ Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021 // BrandAnalytics. 18 ноября 2021. URL: <https://u.to/01N1HA> (дата обращения: 10.08.2022).

ским свойствам (мульти-modalность, моментальность, симульганность, доступность и сохранность сообщений, управляемость), решаются традиционные социально-политические задачи, что делает их точками общественной консолидации нового порядка. При этом, появление цифровых пространств консолидации в определенном смысле меняют философию и прагматику социального взаимодействия.

Теперь состоять в чате или принадлежать группе социальной сети означает быть включённым в сообщество. Горожане, номинально принадлежащие к той или иной группе, но при этом не включённые в её цифровую проекцию – онлайн-сообщество, фактически выпадают из важных коммуникационных процессов, не участвуют в коммуникативных практиках принятия решений и символических процессах определения ситуаций [14, с. 787]. Таким образом, физического присутствия на той или иной городской территории и функционального участия в деятельности некоего городского сообщества уже недостаточно для активного включения в социально-политическое взаимодействие внутри этого сообщества и участия в процессах консолидации. Соответственно, физическое отсутствие как таковое не мешает консолидации членов сообщества, так как значимым теперь является не физическое, именно коммуникационное присутствие индивидов (функциональное или институциональное).

Новые консолидирующие практики предполагают иной уровень организации коммуникаций, кодификации и темпоральных параметров. Взаимодействие на цифровых площадках становится эффективным только при обеспечении достаточной скорости и непрерывности реагирования на сообщения, адекватной их интерпретации в соответствии с принятыми в сообществе правилами. Если соответствующе не отреагировать на сообщение, может последовать исключение коммуниканта из процессов и решений, значимых для сообщества. Темп современной цифровой коммуникации также не позволяет давать запоздалую реакцию на сообщение – скорее всего, она будет уже не актуальна.

Управление социальной консолидацией в городе: особенности и вызовы цифровизации. Пытаясь контролировать уровень социальной консолидации и влиять на него, власть должна учитывать изменения в характере своих взаимоотношений с обществом, произошедшие вследствие цифровизации городских сообществ, а именно:

- резкое сокращение временного промежутка от фиксации локальных проблем до их перехода в информационное пространство местного сообщества и, следовательно, такой же по интенсивности рост запроса на оперативную реакцию власти на проблемы;
- распространение феномена готовности к совместным действиям без явного лидерства (приоритет горизонтальных связей над вертикальными), повышение уровня самоорганизации (развитие механизмов саморегуляции и самоидентификации) горожан;
- многократный рост мобилизационного потенциала городских и локальных сообществ посредством коммуникации в социальных сетях и мессенджерах и, соответственно, рост социальной субъектности заинтересованных в личном гражданском участии горожан и их групп, сформированных как на постоянной, так и на ситуативной основе;
- повышение интереса городского населения к неформальным практикам участия в жизни сообщества, возникающего на фоне падения доверия к деятельности органов местного самоуправления и институциональным формам участия в нём;

- выход политического дискурса в онлайн-пространство, но тенденция к замещению политической проблематики социальной и бытовой (политические городские персоналии вызывают интерес чаще в случае отрицательных информационных поводов);
- потеря официальной властью и СМИ привилегированного права на создание контента и определения социально-политической повестки; стирание грани между потребителем и создателем цифрового контента – изменение роли горожанина с пассивного наблюдателя на активного создателя социально-политической повестки;
- появление новых дискурсивных стратегий, приемов манипулирования информацией (рост фейков и их влияния, феномен постправды);
- открытость влиянию лидеров общественного мнения и недоверие к «сомнительным» (зачастую официальным) источникам;
- значительный рост открытости процесса принятия решений и рост запроса на открытость, прозрачность системы городского управления.

Несмотря на понимание властью сути консолидации и вполне реальной оценки её уровня, достижение её зачастую не воплощается в практические решения и действия. За ворохом повседневных задач, проблема оформления консолидационных практик рассматривается властью как вторичная, к тому же приводящая к росту информационно-аналитической управленческой нагрузки. Такое положение усугубляется хронической недостаточностью ресурсов, навыков и опыта. При этом следует заметить, что излишнее увлечение только технической стороной управления городом не приводит к образованию должного синергетического эффекта, усугубляет социальное разъединение.

Отмеченные процессы и тенденции оказывают противоречивое влияние на социальную консолидацию в городских сообществах как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях и содержат в себе ряд рисков. Так, развитие информационно-коммуникационных платформ и упрощение группообразования и мобилизации в целях решения локальных проблем обладают существенным потенциалом укрепления межличностного доверия, но в то же время могут служить и средством конфронтации и поляризации позиций участников сообщества по тем или иным вопросам. Многократный рост мобилизационного потенциала городских и локальных сообществ посредством социальных сетей и мессенджеров в ряде случаев оборачивается вспышками массовых психозов и паники. Ярким примером такого поведения людей может служить ситуация вокруг закупок гречки при начале пандемии COVID-19 в 2020 году и сахара при начале спецоперации 2022 года.

Прозрачность процесса принятия решений и переход коммуникации власти и сообщества в виртуальное пространство зачастую формируют у граждан завышенные ожидания от власти, а применительно к последней требуют значительного объема временных и других ресурсов на процесс коммуникации с гражданами. При этом любой сбой в коммуникации, утаивание или искажение информации, отклонение реальности от виртуальной картинке может трактоваться обеими сторонами как преднамеренная дезинформация и подрывать доверие между сторонами коммуникации.

Упомянутые выше пандемия и спецоперация, а вернее их «отражение» в информационном пространстве стали во многом показательными для демонстрации возможностей виртуальной коммуникации как в отношении позитивных, так и негативных социальных эффектов. Информация о вспышках COVID-19, о необходимости и последствиях вакцинирования, распространяемая в социальных сетях в первые недели пандемии, зачастую имела негативную окраску

и критическую направленность в отношении системы здравоохранения и власти. Это способствовало атомизации и «капсулированию» граждан, что имело очевидное отрицательное влияние на уровень социальной консолидации.

Виртуальная коммуникация властей зачастую формирует у представителей городских сообществ когнитивный диссонанс из-за несоответствия информационной картинки реальной ситуации. При различных реформах и реорганизациях городской среды власть нередко сознательно или бессознательно идентифицирует конечные цели с промежуточными результатами, в то время как для непосредственных участников городских процессов цели абстрактны, а истинной значимостью наделяются именно повседневные практики. Например, в г. Мичуринске Тамбовской области триггером определенного раскола городского сообщества и формирования неприятия действий власти стал неоднозначный по результатам и процессу реализации проект строительства путепровода, срок реализации которого всё время отодвигался. Однако с другой стороны, как показало исследование, проведенное в Институте государственной службы и управления РАНХиГС в декабре 2021 года, по большей части население г. Мичуринск представляет собой аморфное и инертное сообщество, «...не склонное проявлять себя ни в отношении ко всему обществу, ни в части стремления к новому, разуверилось в возможности построить свое будущее и растормозить его будет чрезвычайно трудно» [15].

Избыток коммуникации и информации вызывают у пользователей очевидную усталость и поверхностность восприятия, а противоречивость информации – опять-таки, утрату доверия к любой информации, выходящей за пределы уже сформировавшихся у людей и их групп ценностей и аттитюдов.

Синдром социальной активности – привычка к постоянному общению, участию в различных мероприятиях, неумением расслабляться и информационно разгружаться – дополняет общую картину психологических рисков как последствий жизни в информационно перегруженной цифровой среде.

Угрозы социальной консолидации таят в себе программы социального доверия, пилотной территорией внедрения которых является сейчас Китай, где при помощи цифровых технологий слежения за населением определяется социальный рейтинг граждан. Ловушкой подобных рейтингов является их способность к воспроизводству асоциального поведения граждан за счет социального давления и порицания.

Заключение. Сегодня информация и доступ к цифровым технологиям, а не собственность, финансовый капитал, властные полномочия или вероисповедание становятся главным критерием социальной дифференциации. Новый фактор социальной консолидации отныне заключается в потенциале самих людей усваивать информацию и использовать в своей повседневной деятельности знания и технологии, в возможности доступа к новым средствам коммуникации.

Несмотря на наличие определенных социально-политических рисков, позволим себе не согласиться с некоторыми исследователями, которые утверждают, что консолидация сегодня приносится в жертву цифре, эффективно разъединяющей общество [16, с. 15]. Цифровизация может разобщать общество и порождать новые формы неравенства и сегрегации, но её интегрирующий потенциал всё же больше. Активное включение горожан в практики онлайн-коммуникации на цифровых платформах приводят к появлению новых цифровых пространств консолидации городских сообществ.

Сегодня именно участие в коммуникациях в цифровом пространстве, а не классическая пространственная (физическая) локализация индивида, обеспе-

чивает современных горожан действенными практиками принятия решений, участия в социально-политических процессах и социальной консолидации. Для обеспечения эффективности процессов социальной консолидации, необходимо учитывать особенности трансформации взаимоотношений горожан друг с другом и властью, происходящие вследствие цифровизации городских сообществ.

Библиографический список

1. *Gabrys J.* Programming Environments: Environmentalty and Citizen Sensing in the Smart City // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2014. Vol. 32, № 1. Pp. 30–48. DOI [10.1068/d16812](https://doi.org/10.1068/d16812).
2. *Špačková P., Ouředníček M.* Spinning the web: New social contacts of Prague's suburbanites // *Cities. The International Journal of Urban Policy and Planning*. 2012. Vol. 29, № 5. Pp. 341–349. DOI [10.1016/j.cities.2011.09.002](https://doi.org/10.1016/j.cities.2011.09.002).
3. *Capece G., Costa R.* The new neighborhood in the internet era: network communities serving local communities // *Behaviour & Information Technology*. 2013. Vol. 32, № 5. Pp. 438–448. DOI [10.1080/0144929X.2011.610825](https://doi.org/10.1080/0144929X.2011.610825).
4. *Andrews F. J., Johnson L., Warner E.* “A tapestry without instructions”. Lived experiences of community in an outer suburb of Melbourne, Australia // *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*. 2018. Vol. 11, № 3. Pp. 257–276. DOI [10.1080/17549175.2017.1363077](https://doi.org/10.1080/17549175.2017.1363077).
5. *Павлов А. В.* Локальные городские сообщества в социальных сетях между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2016. № 5. С. 46–57. EDN [ZRWUWX](https://www.edn.ru/ZRWUWX).
6. *Давыдов С. Г., Логунова О. С.* Сообщества московских районов в социальных медиа: контент и его модерация // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 1(143). С. 204–221. DOI [10.14515/monitoring.2018.1.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.10). EDN [YQUCPN](https://www.edn.ru/YQUCPN).
7. *Запорожец О. Н., Базина Я. А.* Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19, № 2. С. 269–284. DOI [10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284](https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284). EDN [MDUFSR](https://www.edn.ru/MDUFSR).
8. *Тулиганова И. В.* Социокультурное пространство современного города : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Тулиганова Ирина Валерьевна. Саратов, 2009. 17 с. EDN [QGQSQH](https://www.edn.ru/QGQSQH).
9. *Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Латин А. В.* Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2(162). С. 162–185. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917). EDN [FQBHLX](https://www.edn.ru/FQBHLX).
10. *Ильичева Л. Е., Латин А. В.* Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 3. С. 50–67. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.4). EDN [UZXUSM](https://www.edn.ru/UZXUSM).
11. *Луман Н.* Что такое коммуникация? // *Социологический журнал*. 1995. № 3. С. 114–124. EDN [UCVINB](https://www.edn.ru/UCVINB).
12. *Байжанова Г. А.* Пространственная самоорганизация населения крупных городов: социокультурный аспект // *Universum: общественные науки*. 2020. No. 3(63). С. 4–6. EDN [EOALBU](https://www.edn.ru/EOALBU).
13. *Сорокин П. А.* Система социологии. Москва : Астрель, 2008. 1003 с. ISBN 978-5-271-14765-4. EDN [QOHQUL](https://www.edn.ru/QOHQUL).
14. *Кожемякин Е. А.* Цифровые топосы: локализация практик консолидации горожан // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46, № 4. С. 785–789. DOI [10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789). EDN [QCXFOR](https://www.edn.ru/QCXFOR).
15. *Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Латин А. В.* Ценностные детерминанты социальной напряженности в российских регионах // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18, № 4 (в печати).
16. *Бобков А. И., Бобков А. А.* Поиск консолидирующего сакрального пространства этнокультурной идентичности в городе индивидуализированной массы // *Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды : Сб. науч. работ / Под ред. В. П. Бабинцева. Белгород : ООО «Константа», 2021. С. 10–16. EDN [RKIGFJ](https://www.edn.ru/RKIGFJ).*

Дата поступления в редакцию: 02.10.2022.

Принята к печати: 28.10.2022.

Сведения об авторах:

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: rogachev33@mail.ru
Author ID РИНЦ: 583506
ORCID: 0000-0002-3991-813X

Горлов Константин Николаевич, соискатель, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; председатель Мичуринского городского Совета депутатов Тамбовской области. Москва, Россия.
e-mail: gorlov@cit-tmb.ru
Author ID РИНЦ: 1055888

S. V. Rogachev¹, K. N. Gorlov¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

SOCIAL CONSOLIDATION IN THE MODERN CITY IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL COMMUNICATIONS

Abstract. The issues of social consolidation in a modern city are considered in the context of the development of digital communications. The author explores the information and communication aspect of modern practices of consolidation of citizens, the impact of the processes of globalization and digital transformation of society on the level of social consolidation. Along with new opportunities, digitalization also carries negative socio-economic and political consequences and risks. The expansion of social inequality and social disintegration are put forward in the first place. The solution to the problem lies in the adoption by society and the authorities of a new communication paradigm. New public digital consolidation spaces – digital platforms, messengers and social networks – are coming to replace the classic urban communication clusters localized on a spatial basis. The paper considers new parameters of communicative interaction, features of communication between government and society in the context of digital transformation. This is a change in the pace of communication, the development of self-regulation mechanisms and an increase in the interest of citizens in informal practices of participation in public life, a change in their role from consumers to content generators, the emergence of new discursive strategies, and more. The article concludes that it is participation in communications in the digital space that provides modern citizens with effective decision-making practices, participation in socio-political processes and social consolidation.

Keywords: social consolidation; digitalization; mobile communications; digital communications; socio-political risks.

For citation: Rogachev S.V., Gorlov K.N. (2022) Social consolidation in the modern city in the development of digital communications. Science. Culture. Society. Vol. 28. No 4. Pp. 75–84. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.6

References

1. Gabrys J. (2014) Programming Environments: Environmentality and Citizen Sensing in the Smart City. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 32. No. 1. Pp. 30–48. DOI [10.1068/d16812](https://doi.org/10.1068/d16812) (in Eng.).
2. Špačková P., Ouředníček M. (2012) Spinning the web: New social contacts of Prague's suburbanites. *Cities. The International Journal of Urban Policy and Planning*. Vol. 29. No. 5. Pp. 341–349. DOI [10.1016/j.cities.2011.09.002](https://doi.org/10.1016/j.cities.2011.09.002) (in Eng.).
3. Capece G., Costa R. (2013) The new neighborhood in the internet era: network communities serving local communities. *Behaviour & Information Technology*. Vol. 32. No. 5. Pp. 438–448. DOI [10.1080/0144929X.2011.610825](https://doi.org/10.1080/0144929X.2011.610825) (in Eng.).

4. Andrews F. J., Johnson L., Warner E. (2018) "A tapestry without instructions". Lived experiences of community in an outer suburb of Melbourne, Australia. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*. Vol. 11. No. 3. Pp. 257–276. DOI [10.1080/17549175.2017.1363077](https://doi.org/10.1080/17549175.2017.1363077) (in Eng.).
5. Pavlov A. V. (2016). Local city communities in social networks: between «neighbor» and «civil» communication. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovanij*. No. 5. Pp. 46–57 (in Russ.).
6. Davydov S. G., Logunova O. S. (2018) Moscow districts' social media communities: content and its moderation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 1. Pp. 204–221. DOI [10.14515/monitoring.2018.1.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.10) (in Russ.).
7. Zaporozhets O. N., Bagina Y. A. (2021) How Hopes Build the Civic Infrastructure of New Residential Areas. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. Pp. 269–284. DOI [10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284](https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284) (in Russ.).
8. Tuliganova I. V. (2009) *Sociocultural Space of a Modern City*. Abstract of Candidate Degree Thesis. Saratov. 17 p. (In Russ.).
9. Ilyicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin, A. V. (2021) Trust as a bridge over the uncertainty gap between the government and society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 2(162). Pp. 162–185. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917) (in Russ.).
10. Ilyicheva L. E., Lapin A. V. (2022) Trust in the authorities and social consolidation of society. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 3. Pp. 50–67. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.4) (in Russ.).
11. Luhmann N. (1995) Was ist Kommunikation? *Sociological Journal*. No. 3. Pp. 114–124 (in Russ.).
12. Bayzhanova, G. A. (2020). Spatial self-organization of the population of large cities: a socio-cultural aspect. *Universum: obshchestvennye nauki*. No. 3(63). Pp. 4–6 (in Russ.).
13. Sorokin P. A. (2008) *System of Sociology*. Moscow, Astrel Publ. 1003 p. ISBN 978-5-271-14765-4 (in Russ.).
14. Kozhemyakin E. A. (2021) Digital Topoi: Localizing the Consolidation Practices of Citizens. *Nomothetika: Philosophy, Sociology, Law*. Vol. 46. No. 4. Pp. 785–789. DOI [10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789) (in Russ.).
15. Ilyicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin, A. V. (2022) Value determinants of social tension in Russian regions. *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 18. No. 4 (in print) (in Russ.).
16. Bobkov A. I., Bobkov A. A. (2021) Search for a consolidating sacred space of ethnocultural identity in the city of individualized mass. In: *Sotsial'naya konsolidatsiya gorodskikh soobshchestv: vozmozhnosti i ogranicheniya v usloviyakh digitalizatsii urbanizirovannoi sredy* [Social Consolidation of Urban Communities: Opportunities and Limitations in a Digitalized Urban Environment]. Col. of scientific works. Ed. by V. P. Babintsev. Belgorod, "Konstanta" Publ. Pp. 10–16 (in Russ.).

The article was submitted on October 02, 2022.

Accepted on October 28, 2022.

Information about the authors:

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

e-mail: rogachev33@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3991-813X

Konstantin N. Gorlov, PhD applicant,

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS;

Chairman of the Michurinsk City Council of Deputies of the Tambov Region.

Moscow, Russia.

e-mail: gorlov@cit-tmb.ru

DOI [10.19181/nko.2022.28.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7)
EDN [UAVMUP](https://edn.uavmup.ru)
УДК 323 (470+571)

Н. В. Мерзликин¹, А. В. Иванов¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА)

Аннотация. В статье представлен социологический анализ процесса консолидации российского общества в условиях проведения специальной военной операции. В основу рассмотрения положены данные экспертного опроса, раскрывающие степень поддержки реализуемого Россией курса на защиту своей суверенности в условиях глобального противостояния с Западом со стороны ведущих социально-активных сил социума, уровень поддержки целей специальной военной операции России на Украине со стороны представителей государственной и муниципальной власти, управленческих структур крупного корпоративного бизнеса и бизнес-структур с государственным участием, сферы науки и образования, интернет-сообщества, шоу-бизнеса, медиасферы.

Проанализирован уровень уверенности населения в достижимости конечных целей СВО, а также степени уверенности в преодолении Россией глобального противостояния с Западом. С позиции наличия в обществе консолидированных позиций в отношении альтернатив реализуемому сейчас курсу социально-экономического развития рассмотрены экспертные оценки ожиданий российского общества от жизни после завершения СВО. Авторы приходят к выводу, что в развитии российской государственности на повестку дня выходит проблема выбора мировоззренческой основы, которая будет определять будущее России. Исходя из оценки идейных позиций, способных стать основой процесса консолидации, сделан вывод, что основа мировоззренческих позиций концентрируется вокруг интегрирующих ценностей патриотизма, доверия и солидарности, нацеленности на преодоление стоящих перед обществом проблем.

Ключевые слова: социальная консолидация; специальная военная операция; уровень поддержки; экспертная оценка; мировоззренческая основа; процесс консолидации.

Для цитирования: Мерзликин Н.В., Иванов А.В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 85–96. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7). EDN [UAVMUP](https://edn.uavmup.ru)

Введение. Россия вошла в новую социальную реальность противостояния с США и коллективным Западом. В этих условиях особую значимость приобретает сплочённость российского общества, консолидация власти и граждан. Консолидация – это единение власти и общества в целях защиты общенациональных интересов страны [1; 2]. В её основе лежит «согласие, основанное на многообразии и доверии действующих политических акторов» [3].

В научной литературе анализируются различные аспекты процесса консолидации [4; 5]. С позиции социологического подхода проводится анализ социальной структуры процесса объединения граждан и власти, направленности

базовых ценностей, интересов и установок, лежащих в основе консолидации [6]. Тема социальной консолидации российского общества приобрела особую актуальность с началом специальной военной операции России по поддержке Донецкой и Луганской народных республик и снятию угрозы для России со стороны Украины.

Учитывая особую значимость процесса социальной консолидации власти и общества в обеспечении устойчивости российской государственности, Центр социальной безопасности и рискологии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН провел серию социологических опросов экспертов, направленных на исследование социальной базы процесса консолидации и степени её поддержки социально активными силами социума. Опросы проведены по единой методике в июле-августе 2022 г. методом анкетного опроса. Отбор экспертов осуществлялся с учетом их компетентности. Из числа принявших участие в опросе 73,9% имеют высшее образование, 20% – второе высшее образование, 3,9% – ученую степень; 15,8% заняты в федеральных структурах власти, 12,3% – в органах местного самоуправления, 14,3% – в сфере бизнеса федерального и международного уровня, 40,4% – в среднем и малом бизнесе, 11,3% – в управленческой среде науки и образования, 5,9% – в других сферах деятельности. В опросах представлены эксперты из 25 регионов страны. N=206. Исследование проведено с участием Института государственной службы РАНХиГС при президенте РФ (профессор Л. Е. Ильичева). Руководитель исследования – к.филос.н. Н. В. Мерзликин.

При организации исследования учитывалось, что с началом специальной военной операции социологическими центрами страны были проведены многочисленные исследования, рассматривающие как отношение граждан к проведению СВО, так и динамику доверия граждан к руководству страны и структурам государственной власти. Представленные экспертные опросы направлены на более прицельное изучение процесса консолидации и степени её поддержки социально активными силами социума.

Экспертная оценка уровня поддержки курса России на глобальное противостояние с Западом, на отказ от следования в русле его моделей развития. Гражданское общество осознает необходимость консолидации и поддержки курса страны в условиях новой политической реальности. В то же время, согласно экспертным оценкам, в восприятии процесса вхождения России в русло глобального противостояния с Западом со стороны социально-активных групп населения имеются существенные различия (см. табл. 1).

Анализ данных таблицы показывает, что вхождение России в новый этап своего развития, в сферу глобального противостояния с Западом, отказ от навязываемых им моделей развития получает поддержку в обществе. Обращает на себя внимание, что первое место по параметру «высокая мера поддержки» по оценкам 67,2% экспертов занимают представители органов государственной власти и местного самоуправления, второе место в оценках – 60,8% экспертов – принадлежит управленческой среде государственного сектора экономики. Третье место в оценках (59,3%) занимает медиасфера. По мнению 56,1% экспертов, высокий уровень поддержки новому курсу России оказывается со стороны политических партий, общественных движений. В верхнюю часть рейтинга вошли ключевые субъекты гражданского общества, от позиции которых во многом зависит процесс консолидации российского общества, сплочённость граждан и власти.

Таблица 1

Степень консолидации российского общества и поддержки нового курса России

Распределение ответов на вопрос: «Россия вступает в новый этап своего развития, этап глобального противостояния Западу, отказа от навязываемых им моделей развития, защиты национальных интересов и суверенитета. В какой мере, на Ваш взгляд, новый курс в развитии страны поддерживается представителями следующих субъектов гражданского общества?»
(эксперты, N=206, % от числа опрошенных, июль-август 2022, ранжировано по параметру «в высокой мере»)

Субъекты гражданского общества	В невысокой мере	В средней мере	В высокой мере	Ранг
Представители органов государственной власти и местного самоуправления	18,1	17,6	67,2	1
Управленческая среда государственного сектора экономики	18,6	20,6	60,8	2
Медиа сфера: телевидение, радио, печатные СМИ, журналисты, обозреватели	22,5	18,1	59,3	3
Политические партии и общественные движения	19,5	24,9	56,1	4
Граждане страны в целом	26,5	27,9	45,6	5
Сфера науки и образования	31,2	30,2	38,6	6
Активисты гражданских и политических объединений	38,0	23,4	38,5	7
Управленческая среда крупного корпоративного бизнеса	31,2	37,1	31,7	8
Сфера массовой культуры и шоу-бизнеса	31,2	37,1	27,8	9
Информационный сектор, IT-специалисты	43,6	28,9	27,5	10
Активные участники интернет-среды, блогеры	45,9	27,3	26,8	11
Средний и малый бизнес, предприниматели	47,7	27,1	25,2	12

Источник: Центр социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Курс на защиту суверенного развития России, на отказ от следования западным моделям развития находит более сдержанную поддержку в тех сферах общества, жизнедеятельность которых непосредственно затронул санкционный режим Запада. Характерна в этом плане экспертная оценка позиций управленческой среды крупного корпоративного бизнеса. Более половины (68,3%) экспертов указали, что новый этап в развитии России поддерживается в основном в средней степени (37,1% экспертов) и в малой степени (31,2% экспертов). Подобные оценки даны экспертами позициям среднего и малого бизнеса: 47,7% оценили уровень поддержки по параметру «в малой мере», 27% – в средней мере».

Крупный корпоративный бизнес, а также средний и малый бизнес составляют значимую часть социальной среды российского общества, от которой во многом зависит устойчивость российской государственности. Настороженное отношение этой среды к курсу России на глобальное противостояние с Западом несет в себе угрозу для социальной консолидации и может стать социальной основой для проявления противоречий в отношениях с властью. Эта среда в наибольшей мере пострадала от санкционного режима.

Обращают на себя внимание экспертные оценки уровня поддержки нового курса России со стороны представителей сферы науки и образования. По параметру «высокая степень поддержки» оценку дали 38,6% экспертов, остальные 62,4% экспертов данной группы оценили степень поддержки по параметру «в малой мере» и «в средней мере». Санкции, исключившие российскую науку из глобальной системы международного сотрудничества, международных программ научных исследований, а сферу образования из Болонской системы образования, международного студенческого обмена, нарушили сформировавшиеся прежде международные связи российской науки и образовательных учреждений, что неизбежно отразилось на отношении занятых в данной сфере.

В контексте реализуемой Россией стратегии вхождения в сферу цифрового будущего, ее роли в формирующемся геополитическом и информационном пространстве настораживает восприятие процесса противостояния России с Западом со стороны IT-специалистов. По мнению 72,5% экспертов, вхождение России в процесс глобального противостояния с Западом поддержан этой средой в основном в «малой мере» и «средней мере».

Наибольшая степень неприятия новой системы отношений России и Запада проявилась со стороны активных участников социальных сетей, блогеров. Эта среда, которая непосредственно влияет на массовое сознание и способна внести в общество негативизм по отношению к новому курсу России. По мнению 74% экспертов, новый курс поддерживается в этой среде, главным образом, по параметрам в наименьшей (так считает 47,7% экспертов) и в средней мере (по оценкам 27,1% экспертов).

Принципиальными для консолидации являются экспертные оценки уровня поддержки нового этапа в развитии противостояния России с Западом со стороны граждан страны в целом. Параметр «высокий уровень поддержки» гражданами России отметили 45,6% экспертов, на параметр «малая мера поддержки» указали 26,5% экспертов, «средний уровень поддержки» – 27,9% экспертов.

Всё это свидетельствует о том, что новый курс России в отношениях с Западом, по мнению экспертов, не имеет безусловной поддержки в обществе. Идея связи исторических перспектив развития России только с её вступлением в т.н. «цивилизованный западный мир» до сих пор сильна, хотя значимость национальной самоидентификации, а также социально-политической и духовно-нравственной консолидации российского общества подчеркивалась и в период господства идей космополитизма и глобализации [7]. У значимой части гражданского общества нет осознания того, что произошел окончательный отказ России от проводившейся с 1991 года стратегии на вхождение в глобальный мир либеральной экономики и от следования в русле западных моделей развития. Признание необратимости этого процесса в обществе ещё не стало повсеместным, отсюда и разница в оценках экспертов уровня поддержки гражданами процесса вхождения России в сферу глобального противостояния с Западом.

Санкции Запада в отношении России негативно повлияли на повседневную жизнь граждан, нарушили их привычный образ жизни. Сказывается и инерция массового сознания, в которое с момента разрушения СССР внедрялся императив о необходимости и целесообразности интеграции России в сферу западной экономики, в сферу глобального разделения труда, где ей было уготовано место сырьевого придатка.

Специальная военная операция России на Украине в оценках экспертов. Специальная военная операция (СВО) – поворотное событие в развитии российского общества. Жизнь разделилась на периоды «до» и «после». После – это новая социальная реальность, нарушение привычного образа жизни, ломка устоявшихся условий жизнедеятельности, столкновение позиций внутри социума по вопросу: «Ты «за» или «против» военных действий России на Украине?». После – это вхождение в период геополитической неопределенности, санкционных ограничений, когда исчезают прежние связи и формы взаимодействия между государствами и их союзами, а новые отношения только начинают выстраиваться, при этом отсутствуют гарантии их устойчивости.

Новая социальная реальность затронула все социальные слои населения, все субъекты гражданского общества. Меняется сущность и динамика социальных процессов, образ мыслей и действий социума. По-разному отразились эти процессы на эмоциональном настрое общества. С одной стороны проявление поддержки российской армии, с другой – протестные заявления, демонстративный отъезд за рубеж со стороны отдельных медийных персон. С одной стороны неприятие переговорного процесса с Украиной до достижения объявленных целей военной операции, с другой – неопределенность, тревога за будущее, риски ухудшения социальной ситуации в стране. Всё это обуславливает необходимость дифференцированного анализа отношения субъектов гражданского общества к специальной военной операции с учетом их социального статуса. Заслуживают внимания в этом плане экспертные оценки уровня поддержки целей специальной военной операции России на Украине со стороны субъектов гражданского общества, указанные в таблице 2.

Таблица 2

Уровень поддержки целей специальной военной операции России на Украине

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере, на Ваш взгляд, курс на демилитаризацию и денацификацию Украины поддерживается следующими субъектами гражданского общества?»

(эксперты, N=206, % от числа опрошенных, июль-август 2022, ранжировано по параметру «в высокой мере»)

Субъекты гражданского общества	В малой мере	В средней мере	В высокой мере	Ранг
Представители органов государственной власти и местного самоуправления	14,7	17,6	67,7	1
Медиа сфера: телевидение, радио, печатные СМИ, журналисты, обозреватели	13,8	16,7	66,5	2
Управленческая среда государственного сектора экономики	15,1	20,0	64,9	3
Политические партии и общественные движения	12,2	28,3	59,5	4
Граждане страны в целом	33,6	30,7	44,9	5
Управленческая среда крупного корпоративно-го бизнеса	34,7	32,7	32,6	6
Активисты гражданских и политических объединений	42,2	25,5	32,8	7
Сфера науки и образования	35,3	32,8	31,5	8
Активные участники интернет-среды, блогеры	47,8	16,7	25,8	9
Сфера массовой культуры и шоу-бизнеса	33,6	42,0	24,4	10
Средний и малый бизнес	50,4	29,4	20,2	11
Информационный сектор, IT-специалисты	51,9	30,9	16,2	12

Источник: Центр социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Обращают на себя внимание данные о высоком уровне поддержки курса на демилитаризацию и денацификацию Украины со стороны тех социальных субъектов, деятельность которых непосредственно связана с системой государственного управления. Первое, второе и третье места в ранговом сопоставлении по параметру «высокий уровень поддержки» заняли представители органов государственной власти и местного самоуправления (по мнению 67,7% экспертов), а также представители государственных средств массовой информации (65,5% экспертов) и управленческая среда государственного сектора экономики (64,9% экспертов). Характерно, что в верхней части ранговой шкалы по параметру «высокий уровень поддержки» присутствует позиция «граждане России в целом». Всё это показывает, что в отношении целей специальной военной операции России на Украине в структуре субъектов гражданского общества наблюдается довольно высокий уровень консолидации позиций со стороны власти, государственного сектора экономики и граждан страны. Фактически это и есть стержневая основа социальной базы специальной военной операции.

Диссонансом в экспертных оценках выступает уровень поддержки военной операции со стороны сферы науки и образования, занимающей в ранговом рейтинге по параметру «высокий уровень поддержки» лишь восьмое место из двенадцати. Если в управленческой среде органов государственной власти и местного самоуправления цели военной специальной операции по параметру «высокий уровень поддержки» по оценкам 67,7% экспертов поддерживаются представителями властных структур, а в управленческой среде крупного государственного сектора экономики по экспертным оценкам – 64,9%, то в сфере науки и образования, по мнению экспертов, высокий уровень поддержки составляет лишь 38,5%. Такое положение свидетельствует о наличии социальной уязвимости российской государственности в лице занятых в бюджетной сфере, того слоя, который раньше было принято называть «интеллигенцией». С позиций процесса консолидации общества принципиально важной выступает близость уровня поддержки целей специальной военной операции со стороны «граждан страны в целом» (44,9% экспертов оценили уровень поддержки гражданами по параметру «высокий уровень поддержки») и со стороны политических партий и общественных организаций (59,4% экспертов отметили высокий уровень поддержки). Опасение вызывает низкая оценка экспертами уровня поддержки целей специальной военной операции со стороны занятых в среднем и малом бизнесе. По мнению 50,4% экспертов такая поддержка проявляется в малой мере, высокий уровень поддержки отмечен лишь 20,2% экспертов.

Невысоко оценивается экспертами и уровень поддержки военной операции со стороны интернет-сообщества, активных участников социальных сетей, блогеров. По мнению 47,8% экспертов для этой среды характерен низкий уровень поддержки, параметр «высокий уровень поддержки» отметили лишь 25,8% экспертов. В условиях агрессивного и масштабного информационного воздействия Запада на российское и международное сообщество, отношение интернет-сообщества к специальной военной операции приобретает стратегическую значимость в процессах консолидации, в особенности с учетом влияния интернет-контента на молодежь.

Вера в победу специальной военной операции – резерв процесса консолидации. Существенной стороной восприятия в обществе специальной военной операции выступает уверенность населения в реальности достижения её

конечных целей. Большинство граждан принимает и разделяет стратегические цели СВО, поддерживает курс на историческую преемственность и восстановление единства России и Украины. Это объективный резерв консолидации российского общества, формирующий позитивную социальную основу для сплочения страны с тем, чтобы отвечать на глобальные вызовы, вставшие перед современной Россией.

Уверенность в своей правоте, вера в победу становятся основополагающими факторами позитивной консолидации субъектов гражданского общества. Показательны в этом контексте оценки экспертами перспектив противостояния России с Западом (см. табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг оценочных суждений экспертов

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере, по Вашему мнению, сформировалась уверенность в том, что Россия преодолет противостояние с Западом и продолжит суверенное социально-экономическое развитие?»
(эксперты, N=206, % от числа опрошенных, август 2022 г.)

Варианты ответов	Распределение ответов
Такая уверенность в обществе сформировалась в высокой мере	44,6
Такая уверенность в обществе сформировалась в средней мере	29,7
Такая уверенность в обществе сформировалась в малой мере	10,4
Такой уверенности в обществе не сформировано	15,3

Источник: Центр социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Приведённые в таблице данные с одной стороны свидетельствуют о позитивном восприятии обществом специальной военной операции, с другой – об оптимистическом настрое общества на победу в отношениях с Западом, на продолжение суверенного социально-экономического развития страны. По мнению большинства экспертов, российское общество уверено в том, что Россия преодолет противостояние с Западом и продолжит свое суверенное социально-экономическое развитие. Вера в будущее страны, в её перспективы выступают конструктивной и консолидирующей основой, которая обеспечивает успех преобразованиям, если они преследуют стратегические цели, поддерживаемые большинством граждан, отражают их видение будущего (см. таблицу 4 на с. 92).

Обращает на себя внимание, что лишь 10,2% экспертов высказались за путь либеральной трансформации российской экономики, расширение возможностей конкурентного предпринимательства в рамках либеральной парадигмы развития. В пользу перехода к госкапитализму, в основе которого стратегическое планирование, укрепление роли государства, регулирование рыночных отношений, высказалось 33,2% экспертов. Большая часть (33,8%) экспертов полагает, что ожиданиям большинства населения соответствует путь формирования социального государства интересах большинства граждан, снятия остроты напряженности в сфере социального взаимодействия.

Таблица 4

Оценка экспертами альтернатив в развитии России после завершения специальной военной операции

Распределение ответов на вопрос: «Высказываются разные суждения о возможных путях развития России после завершения специальной военной операции на Украине. Какой путь развития, по Вашей оценке, соответствует ожиданием большинства российского общества?»
(эксперты, N=206, % от числа опрошенных, июль-август 2022)

Возможные пути развития	Распределение ответов
Продолжение курса на углубления либеральной трансформации российской экономики, расширение свободного, конкурентного рынка	10,2
Переход к стратегическому планированию, регулированию рыночных отношений и конкуренции, укреплению роли государства	33,2
Путь формирования социального государства в интересах большинства граждан, снятие остроты напряженности в сфере социального взаимодействия	38,3
Мобилизационная экономика с национализацией стратегически важных отраслей и переходом на плановое ведение хозяйства	18,3

Источник: Центр социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

За мобилизационную экономику с национализацией стратегически важных отраслей и переходом на плановое хозяйство высказалось 15,4% экспертов. Это высокий уровень поддержки данной альтернативы. Характерно, что её поддержало 50% экспертов из числа науки и сферы образования и 33,3% из сферы крупного бизнеса. Эксперты из госслужбы и муниципальной альтернативы переход на стратегическое планирование и укрепление роли государства. Эксперты из сферы крупного бизнеса федерального и международного уровня отдали предпочтение продолжению курса по формированию социального государства и снятию остроты социальной напряженности в обществе.

Результаты экспертного опроса показывают, что в оценках экспертов отсутствует однозначно определённое консолидированное видение альтернативы реализуемому сейчас курсу социально-экономического развития. Разное видение стратегических путей дальнейшего развития страны со стороны экспертов российского общества свидетельствует о сложном составном видении экспертами путей развития страны после завершения специальной военной операции. Мнения значимого большинства экспертов (71,5%) составляют смысловое ядро политики, соответствующей ожиданием большинства российского общества: формирование социального государства в интересах большинства граждан, снятие остроты напряженности в сфере социального взаимодействия и перехода к стратегическому планированию, регулированию рыночных отношений, конкуренции, укреплению роли государства.

Идейные позиции как основа процесса консолидации. Определяющее значение в процессе консолидации общества имеет мировоззренческая основа, которая сплачивает страну, обеспечивает её единение, объединяет граждан и власть (о ценностных приоритетах и их консолидирующей силе см. также [8]). Интересными в этом плане выступают экспертные оценки идейных позиций, которые по мнению экспертов будут определять будущее развитие России (см. табл. 5).

Таблица 5

Экспертные оценки мировоззренческих позиций процесса консолидации

Распределение ответов на вопрос: «В развитии российской государственности наступает исторический момент, когда на повестку дня выходит проблема выбора мировоззрения, которое будет определять будущее России».

Оцените, пожалуйста, меру необходимости включения в это мировоззрение нижеперечисленных идейных положений. Дайте, пожалуйста, оценку по каждой строке таблицы по пятибалльной шкале, где «1» означает в малой мере, а «5» в наивысшей мере.

(эксперты, N=206, % от числа опрошенных, июль-август 2022, ранжировано по параметру «в высокой мере»)

Перечень позиций	В малой мере	В средней мере	В высокой мере
Государство-выразитель воли большинства	18,2	17,6	64,2
Национальные интересы страны более значимы, чем интересы конкретного гражданина, корпорации, национальной, клановой и иных общностей	18,6	20,6	60,8
Степень включенности в российский (русский) мир и менталитет, Россия не «эта страна», а Россия – моя страна	19,0	24,9	56,1
Свобода экономического творчества предпринимательства при стратегическом планировании, поддержка любых форм собственности	31,2	30,2	38,6
Показателем ценности человека выступает его отношение к Отечеству, а не клановая, корпоративная, партийная, должностная принадлежность	31,2	31,7	31,1
В обществе все равны независимо от его национальной принадлежности, социального и материального положения	47,7	27,1	25,2

Источник: Центр социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Глубокое понимание экспертами смысла и значимости единения страны в период проведения специальной военной операции, глобального противостояния с Западом сказалось в их дифференцированном подходе к выбору идейных позиций, которые могут стать основой мировоззрения будущего развития России. Рейтинговое измерение степени их важности по параметру «в высокой мере» показывает, что основу мировоззренческих позиций составляет отношение к Отечеству, а не клановая, национальная, корпоративная принадлежность. Отсюда можно сделать вывод, что базисной основой процесса консолидации российского общества в современных условиях выступают интересы России, Отечества. Это высшая ценность мировоззренческой основы, цементирующая процесс консолидации общества.

Обращает на себя внимание, что большинство экспертов (60,8%) в качестве наиболее значимой позиции выделили такую ценность как «государство-выразитель воли большинства», поставив её в перечень ценностей на первое место. Это та ценность, которая предопределяет политическую природу социального государства, противостоит олигархической системе социальных отношений. Выделяется в оценках экспертов и такая мировоззренческая ценность как «свобода экономического творчества, поддержка любых форм собственности», отражающая экономическую основу социального государства, основанного на рыночной экономике.

С позиций укрепления консолидационной основы в обществе, укрепления доверия населения к власти требует внимания оценка экспертами необходимости очищения управленческого слоя и элиты от тех, кто не ориентирован на национальные интересы, отвергает российскую ментальность, уклоняется от публичного проявления своей личной поддержки специальной военной операции. По параметру «в высокой мере» данное суждение поддерживает 42,4% экспертов, 36,5% – «в средней мере», а 21,2% – «в малой мере». Указанные данные показывают наличие в массовом сознании общества суждений, размывающих основу единения власти и граждан.

Важным показателем, характеризующим мировоззренческие позиции российского общества, выступает отношение к тем, кто публично проявляет свое негативное отношение к специальной военной операции. В этом плане обращают на себя внимание оценки экспертов при их ответах на вопрос: «Отдельные граждане публично заявляют о своем несогласии с проводимой специальной военной операцией по демилитаризации и денацификации Украины. По вашей оценке, находит ли это поддержку в обществе, если да, то в какой мере?». Лишь 10,3% экспертов ответили, что это не находит поддержки в обществе, 36,5% указали на малую поддержку, 30,5% на высокую меру поддержки. Такие оценки, полученные в середине 2022 года, по прошествии нескольких месяцев с начала проведения специальной военной операции, указывают на наличие существенных расхождений в общественном сознании по отношению к СВО, которые негативно влияют на процесс консолидации общества в условиях решения судьбоносных проблем в развитии страны.

Существенной характеристикой процесса консолидации российского общества выступают ответы экспертов на вопрос: «В какой мере, по Вашему мнению, в обществе сформировалась уверенность в том, что Россия преодолет противостояние с Западом и продолжит суверенное социально-экономическое развитие?». Это ключевой вопрос в оценке процесса консолидации общества в условиях специальной военной операции. Вызывает настороженность, что по мнению 15,3% экспертов такой уверенности в обществе не сформировано. Вместе с тем, 44,6% экспертов указали на наличие в обществе высокой уверенности в победе России, 29,7% экспертов отметили среднюю меру такой уверенности, 10,4% – малую меру.

Заключение. Специальная военная операция на Украине стимулировала процессы оформления в социально-политическом и социокультурном пространстве социума значимого ядра консолидации гражданского общества на основе духовно-нравственного единения российского общества, мировоззренческой убежденности в преодолении геополитических вызовов России со стороны Запада.

Библиографический список

1. *Узунов В. В.* Социальная консолидация в фокусе научно-исследовательского дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 118–124. EDN [OZDUWX](#).
2. *Савельева У. С.* Образ будущего как фактор консолидации российского общества // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 12(64). С. 3689–3693. DOI [10.35775/PSI.2020.64.12.031](#). EDN [ELKGMZ](#).
3. *Воржецов А. Г.* Проблемы консолидации современного российского общества // Власть. 2016. Т. 24, № 7. С. 148–152. EDN [WHYILH](#).
4. Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Иркутск, 21 февраля 2022 года). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. 307 с. ISBN 978-5-9624-2014-1. EDN [UKZKIS](#).

5. *Рогачев С. В.* Социальная консолидация общества: механизм межсекторного ресурсного взаимодействия // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия : Материалы Международной научно-практической конференции. Москва : Знание, 2007. С. 20–33.

6. Вызовы современного развития и проблема консолидации российского общества / О. М. Михайленок, В. В. Люблинский, Б. И. Зеленко [и др.] // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 20–60. EDN [UDYSLN](#).

7. *Соснин В. А.* Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: космополитизм и будущее России // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 42–56. EDN [QGUPSA](#).

8. *Мчедлова Е. М.* Социокультурные ценности гражданского общества // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 26, № 3. С. 82–89. DOI [10.19181/2308829X-2020-3.8](#). EDN [QIKNYQ](#).

Дата поступления в редакцию: 30.09.2022.

Принята к печати: 28.10.2022.

Сведения об авторах:

Мерзликин Николай Васильевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: merzlikin37@bk.ru

Author ID РИНЦ: 73106

Иванов Артур Валентинович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: artur-i@list.ru

Author ID РИНЦ: 238512

N. V. Merzlikin¹, A. V. Ivanov¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

SOCIAL CONSOLIDATION IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION (EXPERT ASSESSMENT)

Abstract. The article contains a sociological analysis of the process of consolidation of Russian society in the conditions of a special military operation. The analysis is based on data from a sociological survey of experts, revealing the degree of support for Russia's course to protect its sovereignty in the context of global confrontation with the West from the leading socially active forces of Russian society, the level of support for the goals of Russia's special military operation in Ukraine from representatives of state and municipal authorities, management structures of large corporate business and business structures with state participation, the spheres of science and education, the Internet community, show business, the media sphere.

The analysis of expert assessments of the level of confidence of the population in the reality of achieving the final goals of a special military operation, as well as the degree of confidence in overcoming Russia's global confrontation with the West, is given. From the position of the presence of consolidated positions in society regarding alternatives to the current course of socio-economic development, an analysis of expert assessments of the expectations of Russian society after the completion of a special military operation was carried out. It is concluded that there comes a time in the development of Russian statehood when the problem of choosing the ideological basis that will determine the future of Russia comes on the agenda. Based on this, the article analyzes expert assessments of ideological positions that can become the basis of the consolidation process. It is concluded that the basis of ideological positions is concentrated around the integrating values of citizenship and patriotism, trust and solidarity, and the focus on overcoming the problems facing society.

Keywords: social consolidation; special military operation; level of support; expert assessments; ideological basis; consolidation process.

For citation: Merzlikin N.V., Ivanov A.V. (2022) Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment). Science. Culture. Society. Vol. 28. No 4. Pp. 85–96. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.7

References

1. Uzunov V. V. (2019) Social consolidation in the framework of research discourse. *Social and humanitarian knowledge*. No. 7. Pp. 118–124 (in Russ.).
2. Savel'eva U. S. (2020) The image of the future as the russian society consolidation factor. *Political Science Issues*. Vol. 10. No. 12(64). Pp. 3689–3693. DOI [10.35775/PSI.2020.64.12.031](https://doi.org/10.35775/PSI.2020.64.12.031) (in Russ.).
3. Vorzhetsov A. G. (2016) Consolidation problems of the modern Russian society. *Vlast'*. Vol. 24. No. 7. Pp. 148–152 (in Russ.).
4. *Social consolidation and social reproduction of modern russian society: resources, problems, and prospects* : Proceedings of the VIII International scientific-practical conference (Irkutsk, February 21, 2022) . Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. 307 p. ISBN 978-5-9624-2014-1 (in Russ.).
5. Rogachev S. V. (2007) Social consolidation of society: mechanism of intersectoral resource interaction. In: *State, non-profit organizations and business: the process of interaction*: Proceedings of the International scientific-practical conference. Moscow, Znanie. Pp. 20–33 (in Russ.).
6. Mikhailenok O. M., Lyublinsky V. V., Zelenko B. I. [et al.] (2015) Challenges of modern development and the problem of consolidation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*. No. 4. Pp. 20–60 (in Russ.).
7. Sosnin V. A. (2015) Social-political and spiritual-moral consolidation of Russia: problem of cosmopolitanism and security of Russia in contemporary world. *Science. Culture. Society*. No. 3. Pp. 42–56 (in Russ.).
8. Mchedlova E. M. (2020) Social and cultural values of civil society. *Science. Culture. Society*. Vol. 26. No. 3. Pp. 82–89. DOI [10.19181/2308829X-2020-3.8](https://doi.org/10.19181/2308829X-2020-3.8) (in Russ.).

The article was submitted on September 30, 2022.

Accepted on October 28, 2022.

Information about the authors:

Nikolay V. Merzlikin, Candidate of Philosophy, Leading researcher, Center for Social Security and Riskology, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: merzlikin37@bk.ru

Arthur V. Ivanov, Candidate of Sociology Leading researcher, Center for Social Security and Riskology, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: artur-i@list.ru

DOI 10.19181/nko.2022.28.4.8

EDN KARUHB

УДК 316.42, 323.21

И. С. Шушпанова¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье изложены итоги изучения рисков и резервов социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях санкций и специальной военной операции на Украине. В основе изучения лежит анализ широкого круга литературы, источников официальной информации и статистики, результатов социологических исследований российских и международных организаций. Анализ мировых трендов позволил зафиксировать деструктивный характер консолидационных процессов общества и власти, протекающих в большинстве стран мира. Их характерными чертами являются снижение уровня доверия граждан, нарастающая отчужденность государства и социума, кризис демократии во всем мире. По мнению граждан, их правительства, намеренно распространяя недостоверную информацию, способствуют разобщенности, расколу национального гражданского общества. В современных условиях граждане стран разделяют многополярную модель мироустройства. Планы политических лидеров недружественных государств по ужесточению санкционной политики в отношении России и усилению оказания военной помощи Украине не нашли активную поддержку населения в ряде стран мира. Россия не является агрессором в сознании социума большинства государств. В нашей стране маркерами социально-политической консолидации общества и государства стали рост уровней доверия граждан государственным структурам и лояльности проводимой властями политике. Российскому государству удалось сдержать резкое снижение качества жизни граждан и наладить диалог в информационном пространстве. Ключевой резерв социально-политической консолидации российского общества и государства заключается в формировании единой национальной идеи, идеологии, устойчивых нравственных ориентиров, основывающиеся на ценностях справедливости, мира, права и патриотизма.

Ключевые слова: консолидация; постправда; доверие; демократия; лояльность; Россия; западные страны; достоверная информация; санкции; специальная военная операция.

Для цитирования: Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 97–108. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.8. EDN KARUHB

Введение. Двойные стандарты в применении норм международной правовой системы, искажение, форсирование трактовок происходящих в мире событий, активно используемые западными странами в угоду своим интересам, и игнорирование мнений национальных обществ привели к дестабилизации в экономической сфере, росту протестных настроений и снижению качества жизни граждан в государствах по всему миру. Российская специальная военная операция (СВО), начавшаяся в феврале 2022 года на Украине с целью минимизировать риски

национальной безопасности и защитить на Донбассе людей, которые «на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима»¹ стала реакцией нашей страны на эгоистические антироссийские действия, откровенный расизм, диктатуру и гегемонию лидеров недружественных государств во главе с США. В ответ ряд западных политиков, желая поддержать иллюзию однополярного мира и англосаксонскую модель миропорядка, начали всестороннюю поддержку Украины, поставляя ей вооружение, усилили санкционную политику в отношении нашей страны. «Отменить» Россию, обрушить её экономику, деконсолидировать, разобщить гражданское общество – стали главными задачами западных политических элит.

На церемонии подписания договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России В. В. Путин отметил: «Сегодня нам нужна консолидация всего общества, и в основе такой сплоченности может быть только суверенитет, свобода, созидание, справедливость. Наши ценности – это человеколюбие, милосердие и сострадание»². Изучение резервов, особенностей, устойчивых ориентиров социально-политической консолидации российского общества и государства в сложившихся непростых условиях является важной задачей, стоящей перед учёными-исследователями в области социологии, политологии и других смежных областей.

Теоретико-методологическая база исследования. Исследование основано на анализе широкого круга теоретической литературы, официальных источников информации и статистики. Эмпирическую базу составил первичный и вторичный анализ баз данных социологических исследований. В статье анализируются результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится коллективом ученых Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года с участием автора (рук. д-р социол. наук В. К. Левашов). На разных этапах мониторингового исследования объем выборочной совокупности составлял 1312–1866 респондентов. В основе репрезентативной выборки лежит квотно-пропорциональная модель. Эмпирическим объектом выступает взрослое население России. Социологический опрос проводился методом анкетирования. Эмпирическими источниками для вторичного анализа являются результаты социологических исследований российских и международных организаций: ВЦИОМ, The Fund For Peace, Edelman, YouGov, Аналитического центра CGTN и Института общественного мнения Китайского народного университета.

Проблемы консолидации общества широко изучаются современными исследователями. В контексте анализа можно выделить несколько ключевых аспектов. Актуальные вопросы и особенности консолидации гражданского общества и власти в трансформационных процессах постсоветской России исследуются в трудах А. Г. Воржецова [1], Л. А. Николаевой [2], И. Н. Трофимовой [3], Г. И. Авциновой [4], Д. Ю. Павлова [5] и других. Зачастую авторы описывают общий аспект консолидационных процессов и механизмом в российском обществе, не подразделяя их по сферам взаимоотношений. В работе Л. И. Никовской в контексте анализа консолидации современного российского общества особое внимание уделяется

¹ Обращение Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ. 24 февраля 2022. URL: <https://u.to/AFV1HA> (дата обращения: 06.10.2022).

² Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Официальный сайт Президента РФ. 30 сентября 2022. URL: <https://u.to/CIV1HA> (дата обращения: 12.10.2022).

изучению гражданской идентичности, солидарности и других составляющих [6]. Н. М. Великая рассматривает процесс трансформации политической консолидации российского общества, делая вывод о её сложном и запутанном характере в отсутствии альтернативности антикризисных моделей [7]. По мнению Л. Е. Ильичевой и А. В. Лапина, рост доверия российского общества и власти снижает уровень конфликтности и способствует консолидационным процессам [8]. Диалог власти и общества, как важная составляющая понимания социальных запросов российского в консолидационном механизме, анализируется в работе Х. А. Гаджиева [9]. С точки зрения В. Пророка, одним «из средств консолидации общества должна стать идея “общественного договора” как морально-этического соглашения между властью и обществом» [10, с. 119].

Россия и мир: современные мировые тенденции социально-политической консолидации гражданских обществ и органов власти. Анализируя актуальные глобальные тренды механизмов консолидации в социально-политической сфере, можно выделить несколько ключевых направлений исследования. Аналитики The Fund For Peace измерили индекс легитимности государств, отражающий характер социально-политических процессов консолидации власти и общества. Самый высокий уровень легитимности среди европейских государств был зафиксирован у Швейцарии, Норвегии, Нидерландов, Люксембурга, Финляндии и Дании³. Самый низкий уровень легитимности – в России и Белоруссии.

Исследование отдельных аспектов, характерных для социально-политической консолидации национальных гражданских обществ и власти, позволит зафиксировать глобальные и региональные трансформационные процессы и составить актуальный профиль рисков. Согласно результатам исследования Edelman, каждый второй респондент по всему миру считал, что правительство и СМИ в их стране своими действиями способствуют расколу гражданского общества и процессам деконсолидации, используя политику «постправды» и дезинформации в коммерческих и политических целях⁴. Порочный круг недоверия граждан к своим органам власти можно разорвать путем предоставления достоверной информации, основанной на реальных фактах. В сложившейся глобальной гибридной реальности недоверие стало характерной особенностью, свойственной гражданам во всем мире, столкнувшимся с водоворотом фактов и противоречивостью информации. Тесная связь между уровнем доверия своему правительству и качеством получаемой от него информации ярко прослеживается среди опрошенных по всему миру. По данным Edelman, до 76% возросло число респондентов, обеспокоенных тем, что недостоверная информация и фейки могут стать оружием, способным разрушить общество. Характерной чертой информационной компетентности национальных гражданских обществ стала избирательность граждан. Каждый шестой из десяти опрошенных намерен относиться с недоверием к информации до тех пор, пока не получит очевидных доказательств её достоверности.

Диалог власти и общества в большинстве стран носит дисфункциональный, деконсолидирующий характер. Согласно опросу Edelman, более половины респондентов считали, что людей в их стране лишили возможности вести конструктивный разговор с властью по спорным вопросам (64%). В данном случае камнем преткновения консолидации гражданского общества и государства становится

³ Fragile States Index 2022 – Annual Report // The Fund For Peace. July 13, 2022. URL: <https://u.to/EFR1HA> (дата обращения: 12.10.2022).

⁴ 2022 Edelman Trust Barometer // Edelman. URL: <https://u.to/LFR1HA> (дата обращения 12.10.2022).

глобальное, тотальное недоверие и отчужденность социума от власти, которое входит в норму жизни людей. Около половины граждан убеждены, что их правительство не способно решать остро стоящие социальные проблемы. Существенно возросло до 66% число граждан, уверенных, что представители органов власти намеренно вводят людей в заблуждение, публично преподнося и гиперболизируют заведомо ложную информацию.

Согласно отчету Edelman, в семнадцати из двадцати четырех исследованных стран зафиксировано снижение уровня доверия граждан к правительству. В среднем в мире уровень доверия респондентов данному институту находится на отметке 52%. Наибольший уровень доверия правительству наблюдался в Китае, ОАЭ, Саудовской Аравии, Индонезии, Индии, а наименьший – в Испании, Колумбии, Южной Африке и Аргентине. Наибольшее снижение значения уровня доверия граждан данному органу власти зафиксировано в Германии и Нидерландах. В России это значение возросло до 37%, а в США, наоборот, снизилось до 39%. Кризис доверия демократии также является особенностью и риском консолидационных механизмов в странах по всему миру. Более половины опрошенных не доверяли институтам демократии в своих государствах. Наибольшую степень разочарования в демократии ощутили граждане Германии, Австралии, Нидерландов, Южной Кореи и США. В России уровень доверия респондентов к демократическим структурам составил 32%, в Японии – 40%, в США – 43%, в Великобритании – 44%, в Испании – 46%, в Германии – 46%, во Франции – 50%, в Италии – 53%, в Индии – 74%, в Китае – 83%.

Интересны своими выводами результаты исследования международной аналитической компании YouGov, проведенного в октябре 2022 года. Традиционные ценности в области политики не характерны для лидеров США в условиях проведения Россией специальной военной операции на Украине. На вопрос о присущих политике США ценностях 69% американцев сказали, что она в большей степени аморальна⁵. В то же время наибольшее число американцев считают деятельность Президента и Конгресса США в крайней степени аморальной (33% и 32% соответственно).

Следующей характерной чертой и рисковым маркером консолидации национальных гражданских обществ и органов власти в условиях проведения СВО является рост беспокойства населения в мире в отношении своего социально-экономического положения. Экономический оптимизм национальных гражданских обществ постепенно сменяется пессимистическими настроениями. Согласно результатам исследования Edelman, ни в одной из исследованных развитых стран среди респондентов не доминировало мнение о том, что через 5 лет их жизнь станет лучше. Наибольший уровень экономического оптимизма наблюдался в Сингапуре, а наименьший – в Японии. В целом в мире Кения, Нигерия и Колумбия занимают лидирующие положения в данном рейтинге. Отметим, что в экономический оптимизм американцев существенно снизился до 40%. В Индии значение данного индикатора зафиксировано на уровне 80%, в Китае – 64%, в России – 31%, в Великобритании – 30%, в Италии – 27%, в Германии – 22%, во Франции – 18%. Отсутствие веры граждан в то, что политические лидеры их страны предложат эффективное решение выхода из кризисного экономического положения, катализирует уровень их тревожности. Лидером в структуре беспокойств национальных гражданских обществ стал риск потери работы (85%).

⁵ YouGov Survey: Politics and Morality // YouGov. November 08, 2022. URL: <https://u.to/TlR1HA> (дата обращения: 09.11.2022).

Результаты сентябрьской волны мониторинга, проведенного YouGov в 2022 году, позволили зафиксировать следующую картину. В европейских странах граждане критически настроены по отношению к проводимой их властями политике. Более того, большинство респондентов признались, что уже сократили свои расходы. В семи исследованных странах Европы более половины опрошенных сочли неэффективными деятельность их правительств по стабилизации и повышению уровня жизни граждан. В Великобритании число таких респондентов находилось на уровне 82%, в Италии – 82%, в Германии – 78, в Испании – 74%, во Франции – 72%, в Швеции – 65%, Дании – 62%⁶. Количество граждан в Италии, высказавших мнение о том, что они уже сократили свои расходы или планируют это сделать в ближайшее время, зафиксировано на отметке 69%, в Испании – 65%, во Франции – 64%, в Дании – 59%, в Великобритании – 58%, в Германии – 57%, в Швеции – 54%. В критическом положении оказалось население в Италии. Их-за роста цен и инфляции 70% итальянцев столкнулись с трудностями при оплате счетов за электроэнергию. Не хватало денег на покупку продуктов питания большинству граждан Италии (62%), Франции (61%), Германии (52%). Согласно результатам октябрьского опроса YouGov, 70% респондентов Германии считали, что федеральное правительство принимает недостаточно мер для того, чтобы облегчить бремя роста цен для граждан⁷. С 47% в марте до 66% в ноябре 2022 года увеличилась доля немцев, недовольных работой своего федерального правительства⁸.

Постоянное обвинение России политическими лидерами недружественных стран во всех кризисных явлениях, повлекших за собой глобальный спад экономики и поставивших на грань выживания народы бедных стран, носит деструктивный характер, разрушающий хрупкий мир, едва оправившийся от последствий пандемии. Выбранная стратегия отвлечения своих граждан от решения внутренних проблем путем накачивания информационного пространства откровенно недостоверной, фейковой информацией направлена на формирование негатива и расизма в национальных гражданских обществах по отношению к России и созданию на этой базе видимости консолидации международного социума. Однако данная линия поведения политических лидеров во главе с США не принесла желаемых результатов, а создала лишь иллюзию консолидации в глазах гражданского общества. С целью убедить национальный социум и оправдать свою чрезмерную всестороннюю поддержку Украины органы власти недружественных стран усилили на международной арене политику двойных стандартов и распространение заведомо ложной информации в отношении России.

Согласно результатам исследования YouGov-Cambridge Globalism 2022, проведенного в августе-сентябре 2022 года, наиболее активно поддержали сохранение экономических санкций в отношении России во время проведения специальной военной операции граждане Великобритании (73%), Дании (72%) и Швеции (71%), Испании (69%)⁹. В наименьшей степени данную точку зрения разделяли респонденты Таиланда (38%), Греции (37%), Турции (35%), Саудовской Аравии (35%), Египта (34%), Венгрии (32%) и Индонезии (24%). Более того, в Дании (61%) и Швеции (52%) опрошенные готовы пойти на значитель-

⁶ Marcade S. Barom tre YouGov | L'impact de la hausse des prix en Europe // YouGov. October 11, 2022. URL: <https://u.to/bVR1HA> (дата обращения: 15.10.2022).

⁷ Sonnenberg A.-K. Sonntagsfrage im Oktober. Unzufriedenheit mit Regierung in Inflationszeiten trotz Entlastungspaket // YouGov. October 14, 2022. URL: <https://u.to/h1R1HA> (дата обращения: 15.10.2022).

⁸ Sonnenberg A.-K. Sonntagsfrage November 2022. Unzufriedenheit mit der Regierung bleibt hoch // YouGov. November 11, 2022. URL: <https://u.to/m1R1HA> (дата обращения: 12.11.2022).

⁹ Globalism 2022 Support for countering Russia // YouGov. URL: <https://u.to/rFR1HA> (дата обращения: 15.10.2022).

ное ухудшение качества своей жизни с целью поддержать санкционную политику против России в условиях проведения специальной военной операции.

Достаточно дифференцированным оказалось общественное мнение гражданских социумов в мировом сообществе в вопросе уровня оказания военной помощи Украине альянсом западных стран. Наибольшее число граждан Венгрии высказали мнение о том, что такая поддержка излишне высока (31%). «Слишком низкой» считали оказанную Украине военную помощь наибольшее количество респондентов в Польше (41%), Швеции (38%), Испании (36%), в Канаде (33%), Турции (33%). В остальных исследованных странах среди граждан доминировала точка зрения о том, что такая поддержка Украине со стороны альянса западных стран находится на достаточном уровне.

Несмотря на все усилия лидеров недружественных стран, глобальное гражданское общество не видит в лице России агрессора. Во всех странах кроме Кении (69%), Нигерии (69%), Южной Африки (65%), Индонезии (60%), Таиланда (61%), Австралии (53%), Испании (51%) и Мексики (51%), большинство респондентов не считали, что прямая война между Россией и западными странами в ближайшие пять лет в какой-то степени вероятна. Страны, в которых гражданское общество не поддерживало санкционную политику и не являлось сторонником поддержки Украины, быстро были названы в зарубежных СМИ пророссийскими¹⁰.

Ведение гибридной информационной войны против России в разной степени поддержали наибольшее число респондентов во всех исследованных странах. Число граждан, считавших, что необходимо распространять «достоверную информацию» в российских СМИ о неприемлемых действиях правительства, описывая детали специальной военной операции на Украине, варьировалось от 70% до 25%. Однако в условиях гибридной реальности на практике в ряде государств под понятием «достоверная» подразумевается информация, согласующаяся с антироссийской политикой «постправды», широко используемой лидерами недружественных стран.

Миропорядок уже не будет прежним. Широко культивируемый в западных странах миф об однополярном мире, в котором доминирует США, развенчивают результаты социологического опроса, проведенного в 2022 году Аналитическим центром CGTN и Институтом общественного мнения Китайского народного университета в 22 странах мира. Согласно его результатам, 34,5% респондентов поддерживают идею о мультиполярном мире в будущем¹¹. Точку зрения о триполярном мире, в котором доминируют Китай, США и ЕС, разделяют 29,5% граждан из разных стран. Миропорядок, характерной особенностью которого является биполярный мир во главе с Китаем и США, возможен в будущем, по мнению 17% респондентов. Около 7% граждан из исследованных стран заявили, что наиболее вероятна перспектива однополярного мира, в котором доминирует Китай. Только 6,3% респондентов выступают за однополярный мир во главе с США.

Резервы и риски социально-политической консолидации гражданского общества и государства в России. В рамках социологического изучения особенностей и механизмов социально-политической консолидации российского общества и власти можно выделить несколько аспектов исследования. Первое основание

¹⁰ Henley J. Westerners in no mood for concessions to Russia in Ukraine, poll finds // The Guardian. October 14, 2022. URL: <https://u.to/wFR1HA> (дата обращения: 14.10.2022).

¹¹ Глобальный опрос показывает, что большинство респондентов поддерживает позицию Китая в области прав человека // CGTN. 11 августа 2022. URL: <https://u.to/x1R1HA> (дата обращения: 14.10.2022).

анализа связано с оценкой российскими гражданами своего социально-экономического положения в контексте проводимой государством экономической политики. Согласно результатам исследования Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, проведенного в мае 2022 года, в основе структуры тревожности россиян лежат экономические проблемы: большинство респондентов заботились проблемы, связанные с «ростом цен на продукты питания» (58%) и «дороговизной жизни» (50%) [11, с. 9–10]. Второй уровень пирамиды тревожности составили вопросы «повышения тарифов на услуги ЖКХ» (30%), «высокой инфляции» (27%), «страха перед будущим» (27%). Остальные проблемы волновали менее четверти опрошенных. В период проведения специальной военной операции рискованными стали тревоги граждан, касающиеся усиления экономических санкций, ухудшения отношений России с западными странами, усугубления социально-психологических проблем, связанные, в первую очередь, с экономическими факторами. Их триггерами являлись антироссийские события на международной арене. Однако общий уровень тревожности россиян находился на более низком уровне по сравнению с периодом пандемии COVID-19.

Особенностью общественных настроений в исследуемый период стало акцентирование внимания россиян к своему будущему. Значение индикатора «страх перед будущим» вырос с 13% в июне 2021 года до 27% в мае 2022 года [11; 12]. Более того, как показал опрос, большинство респондентов не чувствовали уверенности в завтрашнем дне (56%). Позитивные оптимистические настроения характерны лишь для четверти опрошенных (26%). Невысокий уровень оптимизма прослеживается в распределении ответов граждан на вопрос: «Каким, по Вашему мнению, будет материальное положение вашей семьи через 5 лет?». В мае 2022 года наибольшее число респондентов спрогнозировали свое материальное положение на уровне «среднего» (35%). По численности второе место заняли респонденты, затруднившиеся ответить на вопрос (25%). Оптимисты находились на третьей позиции (23%). Пессимистов насчитывалось около 17%. В период экономических санкций и проведения специальной военной операции россияне стали постоянно экономить на отдыхе и посещении общественных заведений (ресторанов, театров и др.).

Маркером доминирующих в обществе настроений и риском социально-политической консолидации социума и органов власти стало ухудшение положения страны в экономической сфере. За счет существенной государственной материальной поддержки граждан правительству удалось сдержать рост бедности в стране. По данным Росстата, в первом квартале 2022 года уровень бедности был зафиксирован на отметке 20,9 млн человек, а во втором квартале их число сократилось до 17,6 млн¹². Особенностью социально-политической консолидации общества и государства, а также её резервом стало повышение уровня лояльности россиян к проводимой органами власти экономической политике. С 23% в июне 2021 года до 42% в мае 2022 года увеличилось число респондентов, положительно относившихся к курсу экономических реформ. Число их оппонентов сократилось с 34% до 23%. Осознавая всю остроту экономических санкций и проблем, российское общество стало более активно выражать свою позицию: число респондентов, безразличных по отношению к экономической политике, проводимой государством, сократилось с 28% до 17%.

¹² О значении границ бедности и численности населения с денежными доходами ниже границы бедности во II квартале 2022 года в целом по Российской Федерации // Росстат. URL: <https://u.to/41R1HA> (дата обращения: 14.10.2022).

Второй аспект изучения особенностей, рисков и резервов социально-политической консолидации российского общества и государства в современных условиях связан с анализом взаимоотношений в политической сфере. В структуре тревожности обеспокоенность граждан «произволом чиновников» в мае 2022 года опустилась на 10 место, снизившись за год с 24% до 16%. За все годы мониторинга значение данного индикатора снизилось до наименьшего уровня. В период проведения специальной военной операции вырос уровень доверия россиян государственным институтам. С июня 2021 года по май 2022 года россияне стали больше доверять Президенту РФ (с 50% до 74%), Правительству РФ (с 35% до 52%), Администрации Президента РФ (с 36% до 49%), Совету Федерации (с 27% до 37%), Государственной Думе (с 23% до 31%), полиции, суду и прокуратуре (с 25% до 31%), армии (с 66% до 72%), Совету Безопасности (с 46% до 51%) и руководителям регионов (с 39% до 43%). Рост лояльности граждан по отношению к существующей политической системе выражается в увеличении числа позитивно настроенных респондентов с 9% в июне 2021 года до 19% в мае 2022 года. В то же время количество «радикалов» снизилось с 34% до 18%, а «реформаторов» увеличилось с 47% до 51%.

Диалог гражданского общества и власти постепенно переходит в русло конструктивности, доверия и взаимопомощи. До 24% вырос уровень поддержки партии «Единая Россия», оказывающая активную всестороннюю помощь народу на Донбассе. В российском обществе доминировало мнение о том, что В. В. Путин способен вывести Россию из кризиса (62%). Значение данного индикатора вернулось к уровню 2014–2015 годов. Минимизация рисков консолидации общества и государства в политической сфере прослеживается в улучшении отношения граждан к В. В. Путину. В период проведения СВО с 19% в июне 2021 года до 38% в мае 2022 года увеличилось число россиян, чье отношение к президенту России улучшилось.

Анализ информационного пространства является третьим аспектом в изучении особенностей социально-политической консолидации российского общества и государства. На фоне массовой атаки фейков и активного применения политики «постправды» лидерами недружественных стран российское государство столкнулось с новыми вызовами гибридной реальности [13]. На фоне роста доверия граждан эффективным инструментом социально-политической консолидации стало сочетание административного и демократического подходов к решению проблем в информационной плоскости. Широкое предоставление информации из официальных источников, запрет публикаций, противоречащих законам и нарушающих суверенитет нашей страны, способствовали повышению эффективности оперативного государственного управления и регулирования. В мае 2022 года уровень абсолютного недоверия источникам информации был зафиксирован на отметке 18%. На вопрос «Соответствует ли действительности информация о событиях на Украине, которую транслируют российские телевидение, радио, Интернет?» наиболее распространенными ответами стали вероятностные формулировки респондентов: «скорее соответствует» (27%), «скорее не соответствует» (21%). В целом российское общество предпочло фильтровать полученную информацию, сравнивая различные источники.

Идеологическая составляющая является четвертым вектором в анализе особенностей социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции на Украине. В то время как американцы, характеризуя политику своей власти в категории «аморальная», россияне считали ключевыми ценностями возрождения страны «справедливость» (31%), «мир» (27%), «порядок» (22%) и «закон» (21%). Патриотизм

для россиян – это, прежде всего, «любовь к Родине» (74%), «любовь к своей семье, родным и близким» (44%), «любовь к родному городу, деревне, дому» (44%), «любовь к русской культуре» (37%), «уважение к народу» (35%) и «возрождение традиций российского государства» (31%). В современных условиях в процессе формирования в российском обществе патриотических настроений отстаивание фактов и ценностей исторической правды является главной государственной и общественной задачей [14]. Культивирование, сохранение и воспроизводство традиционных ценностных ориентаций среди всех групп граждан, в особенности в молодежной среде, станут устойчивыми ориентирами социально-политической консолидации российского общества и государства.

Специальная военная операция на Украине оказала положительный эффект на процесс социально-политической консолидации общества и власти. Согласно результатам опросов ВЦИОМ, с марта по август 2022 года число граждан, поддерживающих специальную военную операцию, находилось в границах 70–73%¹³. Российское общество консолидировалось на фоне растущего числа санкций, постоянных угроз и давления со стороны лидеров западных стран. Вероятность роста протестных настроений россиян находится на низком уровне. На вопрос о возможности проведения массовых акций протестов против несправедливых действий властей, падения уровня жизни и в защиту своих прав подавляющее большинство россиян сказали, что они маловероятны (82% в августе 2022 года). Если же такие акции протеста будут, то 82% граждан не желали принимать в них участия, поддерживая государство в борьбе за национальный суверенитет и безопасность нашей страны.

Выводы. В современных условиях, связанных с трансформацией мирового порядка, нарастающего социально-экономического и политического кризиса в большинстве стран, вопросы консолидации национальных гражданских обществ и органов власти вышли на первый план. Планы западной политической элиты разрушить российской экономику и деконсолидировать общество не были реализованы. Однополярная модель мироустройства во главе в США уходит в прошлое. На смену ей проходит многополярность или мультиполярность, главной ценностью которого является суверенитет всех государств. Именно такую модель миропорядка поддерживали граждане во всем мире.

Политика «постправды», реализуемая национальными парламентами, и распространение недостоверной информации в зарубежных СМИ привели к расколу гражданских обществ и провоцированию деконсолидационных процессов во всём мире. На этом фоне стремительно снижался уровень доверия граждан к своим государственным органам власти. Респонденты в большинстве стран говорили о том, что их лишили возможности вести конструктивный диалог наравне с государством. В сознании социума их органы власти перестали быть гарантами лучшей будущей жизни. Нарастающая отчужденность государства от своего общества, намеренное введение людей в заблуждение путем распространения фейков в СМИ, кризис доверия демократии стали главными трендами и рисками социально-политической консолидации по всему миру.

Ряд международных социологических замеров показал, что граждане государств выражали пессимизм в отношении того, что их качество жизни улучшится в ближайшем будущем, а органы власти смогут найти эффективное решение остро стоящих социально-экономических проблем. Вопросы, связанные

¹³ Специальная военная операция: полгода спустя // ВЦИОМ. 6 сентября 2022. URL: <https://u.to/6lR1HA> (дата обращения: 14.10.2022).

с достоверностью информации, привели к информационному кризису и снижению уровня доверия граждан. Популярными за рубежом поисковые системы и традиционные СМИ потеряли доверие в современном мире.

Идея международной консолидации всех государств против России, которую культивируют лидеры недружественных стран, превратилась в иллюзию. Мировое гражданское общество разделилось во мнениях по вопросу оказания военной помощи Украине альянсом западных стран. Для граждан большинства стран Россия не ассоциируется с агрессором. Однако ведение гибридной информационной войны против нашей страны нашло одобрение в мировом общественном сознании граждан.

Специальная военная операция, начавшаяся в феврале 2022 года на Украине, получила широкую поддержку среди россиян. Как показал сравнительный анализ, уровень тревожности и характер социальных настроений россиян в период проведения специальной военной операции на Украине во многом дублирует социальные чувства, эмоции общества, наполненные оптимизмом во время воссоединения Крыма с Россией в 2014 году. Органам власти удалось снизить градус тревожности граждан в отношении своего социально-экономического положения. Однако в российском обществе актуализировался страх перед будущим. Характерными чертами социально-политической консолидации общества и государства в период проведения специальной военной операции стал рост уровня лояльности к проводимой властью политике в экономической и политической сферах, а также доверия граждан к государственным институтам. В информационном поле резервы социально-политической консолидации общества и государства, в первую очередь, заключаются в повышении информационной грамотности населения. В основу консолидирующей национальной идеи и идеологии должны быть положены ценности справедливости, мира, порядка, закон и патриотизма. Именно такие устойчивые нравственные ориентиры являются главным резервом всех консолидационных процессов в российском обществе.

Библиографический список

1. Воржецов А. Г. Проблемы консолидации современного российского общества // Власть. 2016. Т. 24, № 7. С. 148–152. EDN [WHYILH](#).
2. Николаева Л. А. Организация взаимодействия власти и общества в РС (Я) в условиях постсоветской трансформации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2012. Т. 9, № 1. С. 95–100. EDN [RCNTPD](#).
3. Трофимова И. Н. Взаимоотношения власти и общества в России: специфика текущего внешне и внутривнутриполитического контекста // Социологические исследования. 2015. № 7(375). С. 72–80. EDN [UCFNYP](#).
4. Авцинова Г. И. Социальная сплоченность российского общества: некоторые аспекты политологического дискурса и программы действий // Социальная политика и социология. 2009. № 3(45). С. 191–205. EDN [LMDDUP](#).
5. Павлов Д. Ю. Анализ возможностей социально-политической консолидации современного российского общества // Человеческий капитал. 2012. № 5(41). С. 38–40. EDN [SNNGFT](#).
6. Никовская Л. И. К проблеме формирования консолидации российского общества: взгляд конфликтолога // Местное право. 2022. № 3. С. 45–50. EDN [UKRVKY](#).
7. Великая Н. М. Проблемы консолидации общества и власти // Социологические исследования. 2005. № 5(253). С. 60–71. EDN [OOUKYH](#).
8. Ильичева Л. Е., Латин А. В. Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 50–67. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](#). EDN [UZXUSM](#).
9. Гаджиев Х. А. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 81–97. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.7](#). EDN [BIBKLF](#).

10. *Пророк В.* Социально-политический выбор России в контексте идеологий // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 4. С. 107–121. DOI [10.19181/nko.2021.27.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.4.9). EDN [BNJMLL](https://www.edn.ru/BNJMLL).

11. Как живешь, Россия? : Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. 91 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022). EDN [BNJMLL](https://www.edn.ru/BNJMLL).

12. Как живешь, Россия? : Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021). EDN [QWEYSS](https://www.edn.ru/QWEYSS).

13. *Шушпанова И. С.* «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы // Социологические исследования. 2018. № 12(416). С. 94–104. DOI [10.31857/S013216250003173-3](https://doi.org/10.31857/S013216250003173-3). EDN [YSBRVZ](https://www.edn.ru/YSBRVZ).

14. *Загьртдинов Р. Б.* Проблема патриотизма в современном российском обществе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2(18). С. 185–190. DOI [10.24151/2409-1073-2018-2-185-190](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-185-190). EDN [XRGPVJ](https://www.edn.ru/XRGPVJ).

Дата поступления в редакцию: 16.10.2022.

Принята к печати: 12.11.2022.

Сведения об авторе:

Шушпанова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: i.s.shushpanova@mail.ru

Author ID РИНЦ: 152975

ORCID: 0000-0002-2877-1814

Researcher ID (WoS): R-4713-2016

Scopus ID: 25936830000

I. S. Shushpanova¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

FEATURES OF THE SOCIO-POLITICAL CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY AND THE STATE IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. In the article, the author examines the risks and reserves of socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of sanctions and a special military operation in Ukraine. The study is based on the analysis of a wide range of literature, sources of official information and statistics, the results of sociological research of Russian and international organizations. The analysis of global trends allowed us to fix the destructive nature of the consolidation processes of society and government taking place in most countries of the world. Their characteristic features are the decline in the level of trust of citizens, the growing alienation of the state and society, the crisis of democracy around the world. According to citizens, their governments, intentionally spreading false information, contribute to the disunity and division of the national civil society. In modern conditions, citizens of countries share a multipolar model of the world order. The plans of the political leaders of unfriendly states to tighten the sanctions policy against Russia and strengthen the provision of military assistance to Ukraine have not found active support of the population in a number of countries around the world. Russia is not an aggressor in the consciousness of the society of most states. In our country, the markers of socio-political consolidation of society and the state were the increase in the levels of trust of citizens in state structures and loyalty to the policy pursued by the authorities. The Russian state managed to contain a sharp decline in the quality

of life of citizens and establish a dialogue in the information space. The key reserve for the socio-political consolidation of Russian society and the state is the formation of a unified national idea, ideology, stable moral guidelines based on the values of justice, peace, law and patriotism.

Keywords: consolidation; post-truth; trust; democracy; loyalty; Russia; western countries; reliable information; sanctions; special military operation.

For citation: Shushpanova I.S. (2022) Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: sociological analysis. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 4. Pp. 97–108. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.8

References

1. Vorzhetsov A. G. (2016) Consolidation Problems of the Modern Russian Society. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 24. No. 7. Pp. 148–152 (in Russ.).
2. Nikolaeva L. A. (2012) Organization of Government and Society Interaction in the Republic of Sakha (Yakutia) in Post-Soviet Transformation. *Vestnik of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*. Vol. 9. No. 1. Pp. 95–100 (in Russ.).
3. Trofimova L. N. (2015) Consolidation of State Power and Society in Russia: Specifics of Current International and Domestic Political Context. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7(375). Pp. 72–80 (in Russ.).
4. Avtsinova G. I. (2009) Social Cohesion in Russian Society: Some Aspects of Political Science Discourse and Action Agenda. *Social policy and sociology*. No. 3(45). Pp. 191–205 (in Russ.).
5. Pavlov D. Y. (2012) Analysis of Capabilities of Social and Political Consolidation of Contemporary Russian Society. *Human capital*. No. 5(41). Pp. 38–40 (in Russ.).
6. Nikovskaya L. N. (2022) On the Problem of Formation of Consolidation of Russian Society: the View of a Conflictologist. *Local Law*. No. 3. Pp. 45–50 (in Russ.).
7. Velikaya N. M. (2005) On the Issue of Political Consolidation of Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5(253). Pp. 60–71 (in Russ.).
8. Ilcheva L. E., Lapin A. V. (2022) Trust in the Authorities and Social Consolidation of Society. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 3. Pp. 50–67. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.4) (in Russ.).
9. Gadzhiev Kh. A. (2022) The Dialogue between a Government and Society in the Digital Age. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 2. Pp. 81–97. DOI [10.19181/nko.2022.28.2.7](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.7) (in Russ.).
10. Prorok V. (2021) Socio-Political Choice of Russia in the Context of Ideologies. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 4. Pp. 107–121. DOI [10.19181/nko.2021.27.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.4.9) (in Russ.).
11. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] (2022) *How are you, Russia? Express information. 52nd stage of the sociological monitoring, May 2022*. Moscow, FCTAS RAS. 91 p. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022) (in Russ.).
12. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] (2021) *How are you, Russia? Express information. 51st stage of the sociological monitoring, June 2021*. Moscow, FCTAS RAS. 68 p. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021) (in Russ.).
13. Shushpanova I. S. (2018) “Post-truth” in Social Reality: Risks and Threats. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12(416). Pp. 94–104. DOI [10.31857/S013216250003173-3](https://doi.org/10.31857/S013216250003173-3) (in Russ.).
14. Zagirtidinov R. B. (2018) Problem of Patriotism in Modern Russian Society. *Economic and Social Research*. No. 2(18). Pp. 185–190. DOI [10.24151/2409-1073-2018-2-185-190](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-185-190) (in Russ.).

The article was submitted on October 16, 2022.

Accepted on November 12, 2022.

Information about the author:

Irina S. Shushpanova, Candidate of Sociology, Associate professor, Leading researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: i.s.shushpanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2877-1814

Researcher ID (WoS): R-4713-2016

Scopus ID: 25936830000

DOI 10.19181/nko.2022.28.4.9

EDN EXRLWW

УДК 303

Ж. Ю. Данкова¹, О. Н. Забузов², С. А. Мельков¹¹ Академия гражданской защиты МЧС России.

Химки, Россия.

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

НОВАЯ НАУЧНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ПО ПОЛИТОЛОГИИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ» КАК ОСОБОЕ ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. С использованием методов сравнительного теоретического анализа, традиционного анализа документов проведен краткий анализ содержания паспорта специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики. Показана прикладная направленность будущих исследований по новой специальности и заявленным отраслям знаний. Очерчено поле научных методов при решении конкретных исследовательских задач по данной специальности.

На основании трехаспектного анализа осуществлено изучение содержания паспорта специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики. Сделаны выводы относительно смыслового наполнения пунктов новой специальности. Так, часть пунктов паспорта специальности 5.5.3 взята из других паспортов специальностей по Политическим наукам и регионоведению, но часть – новая. Включение специальности 5.5.3 в номенклатуру специальностей по политологии будет способствовать возрастанию междисциплинарного характера проводимых исследований по политологии. За счет введения новой специальности не исключено возрастание прикладных аналитических работ по политологии. Разработка научных исследований, подпадающих под паспорт специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики, в дальнейшем потребует уточнения предметного поля исследования как для политологии, так и для экономики.

Авторами сделан своего рода «методологический задел» для проведения будущих исследований по специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики. Предложен потенциально приемлемый методико-технологический инструментарий для проведения исследований в рамках вышеназванной научной специальности и основных направлений исследований.

Ключевые слова: государственное управление; методы исследования; научная специальность; научный инструментарий; паспорт специальности; политическая наука; отраслевые политики; политология; экономическая наука.

Для цитирования: Данкова Ж.Ю., Забузов О.Н., Мельков С.А. Новая научная специальность по политологии «Государственное управление и отраслевые политики» как особое предметное поле политической науки // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 109–121. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.9. EDN EXRLWW

Введение. В 2021 г. в ходе исполнения президентского поручения о совершенствовании условий подготовки научных кадров, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации было проведено обновление

номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени¹. Значительно сократилось количество групп научных специальностей (на 35%, с 52 до 34). Число самих специальностей в рамках эти групп уменьшилось на 18,4% (с 430 до 351). Среди них некоторые были исключены полностью; другие – изменили название и содержание в результате объединения нескольких научных специальностей; третьи – вошли как составная часть в родственные специальности [1]. В целом, в номенклатуре 2021 года появилась 21 новая специальность.

В частности, из номенклатуры специальностей по политическим наукам были исключены три научных специальности («Политическая культура и идеологии», «Конфликтология», «Политическая регионалистика, этнополитика») и добавлена одна новая. Новая специальность имеет шифр 5.5.3 и называется «Государственное управление и отраслевые политики» с возможностью присуждения ученых степеней по этой специальности как по политическим, так и по экономическим наукам. В соответствии с внесенными изменениями создаются новые и переформируются прежние диссертационные советы. Соответственно вносятся изменения в деятельность аспирантур, а также научных журналов и иных изданий (как периодических, так и не периодических), – Высшая аттестационная комиссия регулярно публикует обновленные в соответствии с новой номенклатурой перечни научных изданий для обязательных публикаций соискателей ученых степеней. Первый диссовет по новой специальности был открыт в конце 2021 года в МГУ, летом 2022 года по специальности 5.5.3 была защищена кандидатская диссертация, на декабрь планируется защита докторской диссертации по данной специальности (обе по политическим наукам)².

Актуальность темы исследования. Отметим проведение дискуссии в научном сообществе и многих отечественных вузах. Причем – это нужно специально подчеркнуть, – дискуссия проводилась не до, а после издания вышеупомянутого приказа и была инициирована, насколько нам известно, самим министерством. Причинами такого инициирования, скорее всего, стало включение тематики «Государственного управления...» в рубрику политических, а не экономических наук. Если проанализировать паспорт специальности 5.5.3, можно легко убедиться в его политологическом содержании.

Полагаем, не случайным было недавнее заявление российского президента на встрече с победителями конкурса «Лидеры России» об отсутствии у политической науки своего метода исследования³. На этом основании глава государства логично усомнился, что политологию можно отнести к наукам. Действительно, одной из характерных особенностей методологической основы политических исследований является явно выраженный мультидисциплинарный подход, проявляющийся в достаточно широком использовании в ходе изучения предметного поля политологии методами иных отраслей знаний: социологии, экономики,

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://u.to/LFV1HA> (дата обращения: 22.08.2022).

² Диссертационный совет МГУ.055.1 МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: <https://u.to/OVV1HA> (дата обращения: 20.10.2022).

³ Встреча с победителями конкурса «Лидеры России» // Официальный сайт Президента России. URL: <https://u.to/RFV1HA> (дата обращения: 22.08.2022).

психологии и т.д. Именно полидисциплинарность политической науки и многоаспектность ее предмета исследования обуславливает использование для изучения последнего различных исследовательских методов.

Известно, что проблематика государственного управления, впрочем, как и бизнес-управления в ряде стран является самостоятельной наукой, по которой присваиваются ученые степени. В нашей стране пока этого не случилось, хотя попытки предпринимались, в том числе и в рамках вышеупомянутой нами дискуссии. К примеру, в Пекинском университете основными направлениями Административного управления (PhD point) являются Основные теории и методы управления, Современное государственное управление Китая, Сравнительное управление, Человеческие ресурсы. Развитие ресурсов и управление, Право и администрирование, Организация и управление и т.д. Программа Государственная политика, к примеру, представлена такими направлениями как Анализ государственной политики, Государственная экономика и политика, Окружающая среда и здоровье и др. В настоящее время в Пекинском университете по специальности Управление в чрезвычайных ситуациях основными направлениями обучения, исследований и подготовки кадров являются Основные теории и методы управления в чрезвычайных ситуациях, Анализ политики управления в чрезвычайных ситуациях, Большие данные и интеллектуальное управление в чрезвычайных ситуациях и Сравнительное управление в чрезвычайных ситуациях⁴.

В ряде стран мира политическая наука не является мононаукой, там в ходу употребляемое во множественном числе «стыковое» понятие «политические науки», т.е. таких наук несколько (политическая социология, политическая психология, политическая конфликтология, политическая история и другие). К примеру, австрийской классификацией отраслей науки (Österreichische Systematik der Wissenschaftszweige) для политической науки предусмотрена следующая подчинённая иерархия специальностей: Общее государственное учение, Политика в отношении убежища, Электронное правительство, Политика в области развития, Европейская интеграция, Исследовательская политика, Исследование мира, Международные отношения, Исследование конфликтов, Миграционная политика, Теория организации, Анализ поля политики, Политическая история, Политические системы, Политическая теория, Исследование терроризма, Сравнительная политология, Научно-техническая политика⁵.

Отдельно стоит отметить, что название и содержание паспорта новой научной специальности, кроме «государственного управления» (ГУ) было добавлено еще и понятие «отраслевые политики» (ОП). Мы полагаем, что это верное решение, так как теперь в рамках этой специальности будут проводиться исследования не только на стыке политической и экономической наук, но и в органах государственной власти по профилю своей деятельности. Поясним, минобороны будет изучать формирование и реализацию военной политики, МВД – формирование и реализацию правоохранительной политики, МЧС – формирование и реализацию политики в области безопасности жизнедеятельности и т.п.

Научная проблема. Представляется значимым, но отнюдь не решенным вопрос методического обеспечения обозначенных исследовательских практик. Как конкретно, по каким параметрам, с помощью какого инструментария

---

⁴ 首页 研究生 学术学位 // 北京大学政府管理学院. URL: <https://u.to/WFV1HA> (дата обращения: 22.08.2022).

⁵ Politikwissenschaften // Vocabs. URL: <https://vocabs.acdh.oeaw.ac.at/oefosdisciplines/5060> (дата обращения: 22.08.2022).

и каких технико-технологических приемов возможно адекватно разработать и объективно оценить форму, содержание и результаты той или иной политики? Полагаем, что именно в осмыслении содержания каждого из направления исследований в рамках новой специальности и поиске методологических и методических оснований реализации прикладных задач исследовательской работы заключается проблема для нынешних и будущих исследователей по специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики.

Методология исследования и теоретические рассуждения. **Объект** исследования в рамках данной статьи – содержание новой научной специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики. **Предмет** исследования – процесс проведения исследований в рамках научной специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики. **Цель** исследования – уточнение предметного поля проведения будущих исследований в рамках указанной научной специальности и обоснование возможного научного инструментария для проведения научных исследований. Исследуемая **проблема** – отсутствие понимания у научного сообщества⁶ предметного поля по специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики. В связи с методологической сложностью поставленной проблемы, в данной статье авторы сознательно не обращаются к исследованию дефиниции «отраслевые политики». Тем временем в научной среде этот элемент новой специальности обсуждается как в аспекте междисциплинарных исследований в целом, так и в связи с экономическими науками (например, см. [2; 3]).

Авторы исходят из того, что без применения в исследованиях по специальности 5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики набора прикладных (конкретных) методов, и в целом без постановки задачи формирования у будущих кандидатов и докторов наук аналитических компетенций вряд ли удастся добиться нового качества, уровня и прикладных результатов научных исследований.

Прикладная направленность исследований новой специальности и заявленные отрасли науки, по которым планируется присуждать ученые степени (политические и экономические), на наш взгляд, требуют с одной стороны, четко очерченных границ и детализации содержательного наполнения предметной области исследований. А, с другой, – конкретизации и обоснования возможности применения апробированного набора методов и инструментов научного познания с учетом сложившихся правил научной обоснованности и доказательности.

Разумно использовать классические три группы методов, каждая из которых позволяет решать конкретные задачи и целевые установки исследования: 1) общенаучные; 2) специальные; 3) методы, заимствованные из других наук [4, с. 229–234]. Кроме того, как показал анализ ряда научных публикаций [5–8 и др.], раскрывающих проблему выбора и применения методов в политических исследованиях, перечень таких методов все-таки относительно ограничен, в первую очередь, областью применения метода и его назначением, предметным полем конкретного исследования, а также видом и уровнем проводимого исследования. Речь идет о применении базовых аналитических методов (контент-анализа, инвент-анализа, дискурс-анализа, когнитивного картирования) и комплексного аналитического моделирования (эмпирического, нормативного

⁶ Об этом авторы исследования судят, в первую очередь, по себе (научную квалификацию см. в сведениях об авторах).

и динамического) [9, с. 14]. Если одновременно с этим помнить, что практически все процессы, явления и объекты (в том числе и в рамках 18-ти направлений исследований, обозначенных в Паспорте специальности 5.5.3) можно структурировать и подвергнуть научному анализу (например, оценке и расчетам получаемых эффектов), то есть экономическому анализу, то, по сути, перед исследователем открывается целый спектр инструментальных возможностей постановки и решения научной проблемы с последующим приращением методического потенциала политических исследований в целом.

Особое значение данный вывод имеет для исследования отраслевых политик, разработка и реализация которых напрямую связаны с экономической политикой, в первую очередь, с установлением степени её «...согласованности государственно-частного соуправления развитием отраслей экономики» [10, с. 245–252]. Однако здесь мы также видим достаточно большой комплекс проблем, связанных с тем, что:

- как правило, политологи и исследователи-экономисты используют разные исследовательские методы и разные их наборы;
- зачастую политологи и исследователи-экономисты по-разному формируют исследуемую проблему и предметно-методологическую область;
- даже преподавание по направлению «Государственное и муниципальное управление» политологи и исследователи-экономисты выстраивают по-разному. Поясним: если у политологов в приоритете взгляд со стороны власти, то исследователи-экономисты, в первую очередь, смотрят со стороны экономической результативности и/или эффективности;
- превалирование в современной практике государственного управления концепции «государственного менеджмента», ориентирующей на получение в ходе государственного управления/регулирования конкретного эффекта, не ограничивается ожиданием и получением исключительно экономических результатов в виде бюджетной эффективности. Здесь имеет место быть и установка на достижение значимой социальной эффективности.

Для получения наиболее объективных результатов научных исследований далеко нетипичных (стереотипных/шаблонных) явлений и процессов государственного управления и отраслевых политик в рамках новой специальности считаем допустимым выделить ряд потенциально эффективных методов.

1. Методы сбора и обработки информации: анализ документов, контент-анализ, наблюдение, фокус-групп, методики психологической диагностики, эксперимент, методы исторического анализа (синхронный и диахронный) и т.д.
2. Методы анализа информации: системный анализ, ивент-анализ, анализ выгод и издержек, матрица Геллера, факторный анализ, аксиологический и институциональный методы, децизионный метод, ситуационный анализ и др.
3. Методы проверки/детализации/уточнения/обоснования/аргументации научных результатов: социологические методы (опросы, экспертная оценка, наблюдение, эксперимент), методов подготовки управленческих решений, корреляционный/регрессионный анализ и т.д.
4. Методы прогнозирования и моделирования конечного ожидаемого результата: метод когнитивного картирования, структурно-функциональный анализ, методы математического и статистического моделирования систем, проектирование, симулятивные (имитационные) методы, и т.д.

Анализ паспорта новой специальности. Перевод вышеизложенных теоретических суждений в практическую плоскость диктует необходимость проведения детального анализа содержания Паспорта специальности и выявления трех аспектов: 1) внесенных изменений в паспорт специальности 5.5.3; 2) возможных (желательных) методов исследования; 3) общей нашей оценки каждого пункта паспорта специальности. Результаты проведенной нами аналитической работы представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Анализ содержания паспорта специальности
5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики**

№ п/п	Основное содержание исследовательских направлений	Новизна исследовательского направления	Возможные методы исследования	Авторская оценка и попытка разграничения предметного поля политической и экономической наук
1	Власть, политическое управление и ГУ	Нет. Уже было в п. 2 Паспорта 23.00.02 ⁷ и п. 9 Паспорта 23.00.03 ⁸	Теоретический анализ, системный анализ, контент-анализ, ивент-анализ, факторный анализ. Для проверки/уточнения научных результатов целесообразно использование социологических методов, методов подготовки управленческих решений ⁹ (далее – УР), аксиологического метода, метода когнитивного картирования, дискурс-анализ и т.п.	Общий пункт, фактически «перекрывающий» остальные пункты Паспорта специальности. Думается, что вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований. Хотя чисто экономические подходы к решению задач государственного управления/регулирования вполне уместны и допустимы
2	Суть ГУ, в том числе при различных политических режимах	Частично. Уже было в п. 2 Паспорта 23.00.02	Теоретический анализ, социологические методы, аксиологический метод, институциональный метод	Вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований
3	Система ГУ	Новый пункт для политологии	Структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ и иные методы подготовки УР, институциональный метод	Вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований

⁷ ВАК 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии // TeaCode.com. URL: <https://u.to/ZVV1HA> (дата обращения: 22.08.2022).

⁸ ВАК 23.00.03 Политическая культура и идеологии // TeaCode.com. URL: <https://u.to/b1V1HA> (дата обращения: 22.08.2022).

⁹ Под методами подготовки УР авторами подразумеваются статистический анализ, математическое моделирование (эмпирическая модель), теория вероятности, теория игр, кубический закон, закон Дюверже, эксперимент, социологический и экспертный опросы, метод аналогии, воронка причинности, дилемма заключенного, теорема медианного избирателя, регрессионный анализ, метод корреляции, институциональный анализ, индикативный анализ, SWOT-анализ, PEST-анализ, Диаграмма Исикавы, и многие другие виды анализов [1, с. 9–10].

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Основное содержание исследовательских направлений	Новизна исследовательского направления	Возможные методы исследования	Авторская оценка и попытка разграничения предметного поля политической и экономической наук
4	Модели и процедуры ... различных решений	Новый пункт для политологии	Моделирование, проектирование, иные методы подготовки УР	Вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований.
5	Уровни ГУ	Новый пункт для политологии	Структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ, иные методы подготовки УР, институциональный метод	Вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований
6	Политика цифровизации и цифровое ГУ	Новый пункт для политологии	Эксперимент, структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ, иные методы подготовки УР, аксиологический метод, институциональный метод	Вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований
7	Информационно-коммуникативная среда ГМУ	Новый пункт для политологии	Эксперимент, структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ и иные методы подготовки УР, институциональный метод	Вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований
8	Граждане и негосударственные структуры в ГМУ	Частично. Уже было в п. 1 Паспорта 23.00.03, п. 24 Паспорта 23.00.05 ¹⁰ и п. 2 Паспорта 23.00.06 ¹¹	Социологические методы, структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ, аксиологический метод, институциональный метод	Вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований
9	Госполитика и ее отраслевые разновидности	Частично. Уже было в п. 2 Паспорта 23.00.02	Теоретический анализ, социологические методы, структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ, аксиологический метод, институциональный метод	Очевидно, что вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований

¹⁰ ВАК 23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика // TeaCode.com. URL: <https://u.to/glV1HA> (дата обращения: 22.08.2022).

¹¹ ВАК 23.00.06 Конфликтология // TeaCode.com. URL: <https://u.to/jFV1HA> (дата обращения: 22.08.2022).

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Основное содержание исследовательских направлений	Новизна исследовательского направления	Возможные методы исследования	Авторская оценка и попытка разграничения предметного поля политической и экономической наук
10	Механизмы, инструменты и стадии госполитики	Новый пункт для политологии	Системный анализ, теоретический анализ, моделирование, социологические методы, структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ, аксиологический метод, институциональный метод	Очевидно, что вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований
11	Публичная политика и управление ею	Частично. Уже было в п. 11 Паспорта 23.00.02. Появилась связь публичных ценностей с ГУ	Теоретический анализ, моделирование, социологические методы, структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ, аксиологический метод, институциональный метод	Очевидно, что вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований
12	Региональное и территориальное измерение ГУ и госполитики	Частично. Уже было в нескольких пп. Паспорта 23.00.05	Эксперимент, моделирование, социологические методы, структурно-функциональный анализ, традиционный анализ документов, контент-анализ, иные методы подготовки УР, аксиологический метод, институциональный метод.	В этом пункте есть поле для изучения экономистами
13	Конфликты и их регулирование в ГУ и ОП (во множественном числе)	Частично за счет появления слова «ГУ». Уже было в п. 12 Паспорта 23.00.03, п. 10 Паспорта 23.00.04 ⁶ , п. 31 Паспорта 23.00.05 и нескольких пп. Паспорта 23.00.06	Эксперимент, моделирование, психологические методики, социологические методы, иные методы подготовки УР, аксиологический метод, институциональный метод	Вряд ли экономисты смогут по данному направлению выделить специфику экономических исследований
14	Вызовы и риски ГУ, госполитики и ОП	Новый пункт для политологии	Эксперимент, моделирование, психологические методики, социологические методы, иные методы подготовки УР,	В этом пункте есть поле для изучения экономистами

¹² ВАК 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития // TeaCode.com. URL: <https://u.to/m1V1HA> (дата обращения: 22.08.2022).

Окончание таблицы 1

№ п/п	Основное содержание исследовательских направлений	Новизна исследовательского направления	Возможные методы исследования	Авторская оценка и попытка разграничения предметного поля политической и экономической наук
			бюджетирование, методы статистического анализа (расчет результативности, эффективности и т.п.), аксиологический метод	
15	Национальные интересы и иные факторы ГУ, госполитики и ОП (во множественном числе)	Частично. Уже было в п. 4 Паспорта 23.00.04 и п. 11 Паспорта 23.00.05	Эксперимент, психологические методики, социологические методы, иные методы подготовки УР, бюджетирование, экономические расчеты (результативности, эффективности и т.п.), аксиологический метод	В этом пункте есть поле для изучения экономистами
16	Планирование, прогнозирование и программирование ГУ, госполитики и ОП (во множественном числе)	Новый пункт для политологии	Методы подготовки УР, бюджетирование, экономические расчеты (результативности, эффективности и т.п.), институциональный метод	В этом пункте есть поле для изучения экономистами
17	Обеспечение безопасности ГУ, госполитики и ОП (во множественном числе)	Частично. Уже было в п. 16 Паспорта 23.00.04 и п. 31 Паспорта 23.00.05	Методы подготовки УР, бюджетирование, экономические расчеты (результативности, эффективности и т.п.), аксиологический метод	В этом пункте есть поле для изучения экономистами
18	ГУ, госполитики и ОП (во множественном числе) в различных условиях	Частично. Уже было в п. 5 Паспорта 23.00.04 и ряде пп. Паспорта 23.00.05	Методы подготовки УР, структурно-функциональный анализ, бюджетирование, экономические расчеты (результативности, эффективности и т.п.), аксиологический метод, институциональный метод	В этом пункте есть поле для изучения экономистами

На основании анализа содержания таблицы, отметим ряд важных, на наш взгляд, моментов:

- часть пунктов паспорта специальности 5.5.3 взята из других паспортов специальностей по политическим наукам и регионоведению. Но часть пунктов (полностью или частично) – новая;
- из-за введения специальности 5.5.3, скорее всего, усилится (потенциально может усилиться) междисциплинарный характер проводимых исследований по политологии;

- за счет введения специальности 5.5.3 и реального применения прикладных методов исследования, скорее всего, усилится (потенциально может усилиться) прикладной и именно аналитический характер получаемых при этом результатов – то есть, исследователями благодаря этому будут получены качественно иные компетенции [11, с. 5];
- предметное поле исследования для политологов и экономистов-исследователей нуждается в дальнейшем уточнении (некоторая работа в этом направлении уже начата, см. например, [12]).

Общие выводы по исследованию, которые на наш взгляд, представляют собой теоретическую и практическую значимость для политической науки в целом. Появление новой научной специальности с явно выраженным прикладным аспектом явилось результатом укрупнения научных специальностей. В итоге, содержательно заявленные в Паспорте направления исследований скорее напоминают некий симбиоз ранее существующих направлений по политическим специальностям с небольшими нововведениями. Ясное представление границ и наполнения предметного поля для политологов и экономистов на сегодняшний день отсутствует. Вероятно, в ближайшем будущем нам предстоит увидеть своего рода кооперацию исследовательских практик ученых различных областей научного знания, что, несомненно, повлечет за собой трансформацию научного пространства, качественное изменение технологий и инструментария проведения научных исследований, преобразование набора исследовательских навыков и компетенций самих исследователей. Надеемся, что в совокупности предполагаемых будем наблюдать улучшение практических результатов научных исследований.

Библиографический список

1. Алимова Н. К. Новая номенклатура специальностей, по которым присуждают ученые степени // Научная периодика: проблемы и решения. 2021. Т. 10, № 1-2. EDN [EBLSBH](#).
2. Устинович Е. С. Государственная отраслевая политика как проблемное поле исследований в политической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 88–94. EDN [EQTIJR](#).
3. Федякин А. В. Государственная транспортная политика и эвристические возможности отраслевой политологии // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 2(91). С. 38–48. EDN [ZSYVBX](#).
4. Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы / Ж. Ю. Данкова, В. О. Евсеев, О. Н. Забузов [и др.]. Москва : КноРус, 2021. 564 с. ISBN 978-5-406-07033-8. EDN [JLJMAU](#).
5. Нисневич Ю. А. Современные методы политических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. № 2. С. 5–16. EDN [NTBMTF](#).
6. Ермилова Т. В. Применение методов политического исследования // Наука ЮУрГУ: материалы 66-й научной конференции (Челябинск, 15–17 апреля 2014 года). Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2014. С. 350–355. EDN [SYWNKR](#).
7. Новикова А. В. Методы исследования политической власти и политического управления // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 144–151. EDN [SHVDEB](#).
8. Карпова С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В. К вопросу об изучении коррупционного потенциала: определение, субъекты, методы исследования // Наука. Культура. Общество. 2019. Т. 25, № 1. С. 20–32. EDN [VXIJVQ](#).
9. Бориштолец К. П. Методы политических исследований. Москва : Аспект пресс, 2005. 221 с. ISBN 5-7567-0370-5. EDN [RAVLAF](#).
10. Ардашева Е. П. Отраслевая политика: понятие и функции в инновационной экономике // Вестник Казанского технологического университета. 2007. № 3-4. С. 245–252. EDN [HOBQNI](#).

11. Аналитика в органах государственной власти и местного самоуправления (по тематике управления развитием в условиях пандемии) : сб. трудов секции № 18 XXXI Международной научно-практической конференции (Химки, 17 марта 2021 года). Химки : АГЗ МЧС России, 2021. 334 с. EDN [BVJMDX](#).

12. *Межва З. Э.* Предметное поле экономической политологии с точки зрения экономиста // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 1. С. 90–99. DOI [10.26794/2226-7867-2022-12-1-90-99](#). EDN [ZWFQUD](#).

Дата поступления в редакцию: 24.08.2022.

Дата поступления финальной версии: 19.10.2022.

Принята к печати: 25.11.2022.

Сведения об авторах:

Данкова Жанна Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика.

Химки, Россия.

e-mail: zdankova@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 308431

Забузов Олег Николаевич, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

e-mail: zabuzov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 674543

ORCID: 0000-0001-6032-2042

Мельков Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика.

Химки, Россия.

e-mail: 304304@mail.ru

Author ID РИНЦ: 381898

ORCID: 0000-0002-1312-8105

Zh. Yu. Dankova¹, O. N. Zabuzov², S. A. Mel'kov¹

¹ Civil Defence Academy EMERCOM of Russia. Khimki, Russia.

² Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

NEW SCIENTIFIC SPECIALTY IN POLITICAL SCIENCE «PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES» AS A SPECIAL SUBJECT FIELD OF POLITICAL SCIENCE

Abstract. Using the methods of grouping, generalization, comparative theoretical analysis, traditional document analysis and extrapolation, a brief analysis of the content of the passport of the specialty 5.5.3 Public administration and sectoral policies was carried out. The applied orientation of future research on a new specialty and declared branches of knowledge is shown. The field of scientific methods in solving specific research tasks in this specialty is outlined.

On the basis of a three-aspect analysis, the content of the passport of the specialty 5.5.3 Public administration and sectoral policies was studied. Conclusions are drawn regarding the semantic content of the points of the new specialty. So, part of the items in the passport of specialty 5.5.3 are taken from other passports of specialties in Political sciences and regional studies, but part is new. The inclusion of specialty 5.5.3 in the nomenclature of specialties in political science will contribute to an increase in the interdisciplinary nature of the ongoing research in political science. Due to the introduction of a new specialty, an increase in applied analytical work in political science is not excluded. The development of scientific research that falls under the passport of the specialty 5.5.3 Public Administration and sectoral policies will require further clarification of the subject field of research for both political science and economics.

The authors have made a kind of «methodological groundwork» for conducting future research in the specialty 5.5.3 Public administration and sectoral policies. The potentially acceptable methodological and technological tools for conducting research within the framework of the above-mentioned scientific specialty are proposed.

Keywords: public administration; research methods; scientific specialty; scientific tools; specialty passport; political science; sectoral policies; political science; economics.

For citation: Dankova Zh.Yu., Zabuzov O.N., Mel'kov S.A. (2022) New scientific specialty in political science «Public administration and sectoral policies» as a special subject field of political science. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 4. Pp. 109–121. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.9

References

1. Alimova N. K. (2021) New Nomenclature of Specialties for which Scientific Degrees are Awarded. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*. Vol. 10. No. 1-2 (in Russ.).
2. Ustinovich E. S. (2021) Public Sector Policy as a Problem Area for Research in Political Science. *Proceedings of South-West State University. Series History and Law*. Vol. 11. No. 2. Pp. 88–94 (in Russ.).
3. Fedyakin A. V. (2022) State Transport Policy and Heuristic Possibilities of Branch Political Science. *P.O.I.S.K.: Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture*. No. 2(91). Pp. 38–48 (in Russ.).
4. Dankova Zh. Yu., Evseev V. O., Zabuzov O. N. [et al.] (2021) *Politicheskie instituty, protsessy i tekhnologii: teoriya i keisy* [Political Institutions, Processes, and Technologies: Theory and Cases]. Moscow, KnoRus Publ. 564 p. ISBN 978-5-406-07033-8 (in Russ.).
5. Nisnevich Y. A. (2011) The Modern Methods of Political Research. *RUDN Journal of Political Science*. No. 2. Pp. 5–16 (in Russ.).
6. Ermilova T. V. (2014) Application of Methods of Political Research. *Nauka YuUrGU: materialy 66-i nauchnoi konferentsii* [SUSU Science: Proceedings of the 66th Scientific Conference] (Chelyabinsk, April 15-17, 2014). Chelyabinsk, SUSU Publ. Center. Pp. 350–355 (in Russ.).
7. Novikova A.V. (2014) Methods for Research on Political Rule and Political Government. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. Vol. 8. Pp. 144–151 (in Russ.).
8. Karepova S. G., Pinchuk A. N., Nekrasov S. V. (2019) The Question of Studying Corruption Potential: Definition, Actors and Research Methods. *Science. Culture. Society*. Vol. 25. No. 1. Pp. 20–32 (in Russ.).
9. Borishpolets K. P. (2005) *Metody politicheskikh issledovaniy* [Methods of Political Research]. Moscow, Aspekt Press. 221 p. ISBN 5-7567-0370-5 (in Russ.).
10. Ardasheva E. P. (2007) Branch policy: concept and functions in the innovation economy. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. No. 3-4. Pp. 245–252 (in Russ.).
11. *Analytics in Bodies of State Power and Local Government (on the Subject of Development Management in Conditions of Pandemic)* : Proceedings of Section 18 of the XXXI International Scientific-Practical Conference (Khimki, March 17, 2021). Khimki, AGZ of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2021. 334 p. (in Russ.).
12. Mierzwa Z. E. (2022) The Subject of Economic Politology from the Economist's Point of View. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 12. No. 1. Pp. 90–99. DOI 10.26794/2226-7867-2022-12-1-90-99 (in Russ.).

The article was submitted on August 24, 2022.

The final version arrived on October 19, 2022.

Accepted on November 25, 2022.

Information about the authors:

Zhanna Yu. Dankova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Academy of Civil Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Lieutenant General D.I. Mikhaylik. Khimki, Russia.
e-mail: zdankova@yandex.ru

Oleg N. Zabuzov, Candidate of Political Science, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: zabuzov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6032-2042

Sergei A. Mel'kov, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration, Academy of Civil Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Lieutenant General D.I. Mikhaylik. Khimki, Russia.
e-mail: 304304@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1312-8105

DOI 10.19181/nko.2022.28.4.10

EDN GPRAXZ

УДК 316.7; 29

И. В. Лютенко¹

¹ Институт демографических исследований ФНИЦ РАН.
Москва, Россия.

ИНТЕРЕС К НЕТРАДИЦИОННЫМ РЕЛИГИЯМ МОСКОВСКОЙ МОЛОДЁЖИ И МИГРАНТОВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 2021 г.)

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации № ПР-71 от 16.01.2020 г.).

Аннотация. В статье анализируются данные мониторингового исследования «Как живет Москва» (этап 2021 г.), проведенного Отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИЦ РАН и Центром социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИЦ РАН. В фокусе статьи в сравнительном анализе рассматриваются типологические подгруппы московской молодежи и приезжих «практикующие» и «непрактикующие». Подгруппы отбираются по показателям интереса к восточным и нетрадиционным религиям и учениям, мотивации интереса к ним, а также включенности в быт практик этих религий и учений.

Меняющийся религиозный ландшафт обуславливает использование новых методолого-методических разработок для изучения нетрадиционной религиозности. В условиях интенсификации миграционных потоков из стран постсоветского пространства и других регионов России, необходимо изучать не только московскую молодежь, но и приезжих.

В типологических подгруппах «практикующие» и «непрактикующие» проанализирована степень воздействия мировоззренческих аспектов нетрадиционной религиозной идентичности на некоторые национальные, религиозные, этноконфессиональные ориентации и установки молодежи (коренных и приезжих москвичей). Выявлено, что у подгруппы «приезжие практикующие» присутствуют все показатели нетрадиционной религиозности.

Несмотря на то, что результаты исследования зафиксировали в группе коренных москвичей больший интерес к восточным религиям и нетрадиционным религиозным учениям, чем у приезжих москвичей, тем не менее, по всем основным показателям у некоренных москвичей более глубокая мотивация интереса и включенность практик этих воззрений. По данным исследования, в группах «непрактикующие» уровень доверия к традиционным конфессиям и институту Церкви выше, чем у «практикующих». В то же время «практикующие» более толерантны к представителям других этносов и конфессий.

Ключевые слова: нетрадиционная религиозность; религия; восточные религии; мистические учения; москвичи; мигранты; молодежь.

Для цитирования: Лютенко И.В. Интерес к нетрадиционным религиям московской молодёжи и мигрантов (сравнительный анализ 2021 г.) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 122–134. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.10. EDN GPRAXZ

Введение. С распадом Советского союза усилилось проникновение на территорию России «новых религий», распространяемых миссионерами западных стран. На российском «рынке спиритуальных услуг» «новые религии» нашли

отклик среди секулярного общества [1, с. 269–270; 2]. Также распространению и укоренению «новых религий» способствовал социально-экономический и политический кризис 90-х годов XX века [3]. Значительную роль в распространении новых религий и учений играют миграционные процессы. Оседая на новых территориях, мигранты ассимилируются с местным населением, привнося в его культуру свою религию, традиции и обычаи. Актуальность изучения феномена «новых религий», их распространения обусловлена изменением религиозного ландшафта, требующим анализа с использованием новых методолого-методических разработок исследования нетрадиционной религиозности.

«Новыми» (нетрадиционными) религиями принято называть современные религиозные объединения, противостоящих мировым конфессиям [4, с. 79]. Они отличаются нововведениями в вере, впрочем некоторые учения используют и элементы традиционных конфессий. Изучением новых религий занимались: Л. Досон, Д. Бекфорд, А. Баркер, У. Бэйнбридж и др. [5–8]. В России исследованием нетрадиционных (новых) религий занимались: Е. Г. Балагушкин, Л. Н. Митрохин, Ю. В. Рыжов, Л. И. Григорьева и др. [9; 10]. Учеными были сформулированы общие принципы изучения феномена нетрадиционных религий, разработаны принципы классификации религиозных организаций. Однако до сих пор в научном сообществе нет единого обозначения для возникших религий и учений. Их называют «внеконфессиональными», «нетрадиционными», «альтернативными» религиями, «новыми религиозными движениями». Мы считаем, что наиболее корректно использование терминов «нетрадиционные» или «новые» религии и учения.

Понятие «нетрадиционные религии» показывает неукоренённость данных воззрений, их традиций, обычаев культовой деятельности в традициях и повседневном быте общества. По мнению российского религиоведа М. П. Мчедлова, употребление термина «нетрадиционные религии» возможно при условии, если оно не употребляется в контексте возвышения одной религии над другой [11, с. 50].

Согласно заявленной теме, в статье будет рассматриваться Московский регион, где конфессионально преобладают христианство и ислам. В этой связи считаем возможным включить в сравнительный анализ и буддизм. Именно он, наряду с другими восточными религиями, в последнее время оказался в тренде у молодежи. Ученые отмечают популяризацию и распространение буддизма на новых для него территориях [12, 13]. Буддизм привлекателен для молодого поколения своей философией, – она не назидательна и носит больше рекомендательный характер. Буддизм не навязывает запретов. Философия этого учения направлена на достижение гармонии внутреннего мира и вселенной.

Духовные и физические практики индуизма также позволяют молодым людям обрести внутреннюю гармонию, избавиться от панических атак и окружающих триггеров. Увлечение йогой, – современным вариантом, отличным от практик учителей древней Индии, – в последние десятилетия растет как у населения в целом, так и среди молодёжи в частности, чему способствует ориентация на здоровый образ жизни. Молодое поколение сегодня испытывает повышенные физические и психоэмоциональные нагрузки, занятия йогой положительно влияют на организм и способствуют его оздоровлению [14]. Согласно исследованиям 2019 года, молодёжь ассоциирует йогу с практиками, укрепляющими здоровье и развивающими гибкость [1].

Медийные личности и блогеры популяризируют медитацию, преподнося её с экранов гаджетов как стиль жизни. Геополитика запада способствовала распро-

странению и укреплению восточных практик, но под воздействием культурных особенностей они претерпевали изменения, а иногда деградацию [15]. Карл Юнг в своей книге «Йога и запад» обуславливает популяризацию йоги и медитации поддержкой научного дискурса [16]. В повседневной жизни медитация помогает расслабиться, оказать терапевтический эффект.

Растет интерес и к астрологии, благодаря её популяризации в интернете. Астрологию продвигает социальная сеть Instagram¹, где постоянно растет число подписчиков астрологов. Посты оформляются в популярной молодежной тематике, что способствует привлечению новых адептов. Востребованные у молодежи «астрологические» приложения для смартфонов предлагают сделать прогноз на ближайшее будущее, составить гороскоп. Учение астрологии помогает молодому поколению снизить градус бремени ответственности за происходящее, так как не всё подконтрольно человеку и «якобы» многое зависит от звезд.

Интерес к неоязычеству у молодежи подпитывают компьютерные игры, сериалы, фильмы, а также современные фэнтези и фантастика (например, «Волкодав», «Ведьмак»). Популярность славянского фэнтези стало частью современной субкультуры язычества. Молодые люди устраивают ролевые игры по мотивам любимых произведений.

Задача исследования, – сравнительный анализ воздействия мировоззренческих основ нетрадиционной религиозной идентичности на некоторые национальные, религиозные, этноконфессиональные установки молодежи (коренных и приезжих москвичей). Насколько мировоззренческие позиции типологических подгрупп «практикующие» и «непрактикующие» среди коренных москвичей и приезжих москвичей могут влиять на направленность этих социальных ориентаций.

Методика. При подготовке и реализации мониторинговых исследований использовалась методика, разработанная социологом-религиоведом Е. А. Кублицкой [17]. С помощью методики, основанной на методологических и методических принципах, выделены группы респондентов с нетрадиционной религиозностью. В социологический анализ также включены показатели восточных религий и практик индуизма (йога, медитация и др.). Опросы показывают, что респонденты, проявляющие интерес к восточным религиям, чаще включают в свой повседневный быт практики данных учений. Буддизм в России исповедуют в Калмыкии, Туве и Бурятии, но для большинства регионов, где проводились исследования, буддизм мало распространен по сравнению с христианством и исламом. Таким образом, фокус статьи направлен на характеристики интереса молодежи 14–29 лет, как к нетрадиционным религиозным, мистическим учениям, так и к восточным религиям, с выявлением показателей включенности этих религий и учений в повседневный быт. Объектом нашего исследования являются как коренные москвичи, так и некоренные москвичи (мигранты), большинство которых приезжают в мегаполис из других регионов РФ, а также из стран постсоветского пространства.

Методологические принципы изучения нетрадиционной религиозности:

$(L+M+H) + (O+P)$ – индекс нетрадиционной религиозности.

L – главный показатель нетрадиционной религиозной веры;

M – отношение к восточным, нетрадиционным религиям и учениям;

¹ Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

Н – мотивация интереса к восточным, нетрадиционным, новым религиям и мистическим учениям;

О – показатель информированности о деятельности восточных, нетрадиционных религий и мистических учений;

Р – включенность в повседневный быт практик восточных и нетрадиционных религиозных учений;

Л+М+Н – результирующий показатель религиозного сознания;

О+Р – результирующий показатель религиозного поведения.

Среди молодежи, интересующейся данными учениями и практиками, выделены два типологические группы (индекса) «*интересующиеся*» и «*неинтересующиеся*» восточными и нетрадиционными религиями и учениями. В первой группе «интересующиеся» определены две типологические подгруппы «*практикующие*» и «*непрактикующие*».

Группы формируются по следующим показателям:

1. Интерес респондента к нетрадиционным (новым) религиям и восточным религиям;
2. Мотивация интереса к данным религиозным течениям и практикам;
3. Включенность практик этих учений и религий в повседневный быт.

В подгруппу «практикующие» входят респонденты, интересующиеся нетрадиционными (новыми) религиями, восточными религиями и изотерическими учениями, с глубокой мотивацией увлечения и включившие практики данных воззрений в свой повседневный быт. В подгруппу «непрактикующие» входят респонденты, поверхностно интересующиеся восточными и нетрадиционными религиями и учениями, и не включившие в свой быт практики этих религий. Необходима дальнейшая разработка концепции изучения нетрадиционной религиозности как среди молодёжи, так и среди населения в целом.

Мониторинговые исследования регионов РФ проводились до 2020 года отделом Центром социологии религии и социокультурных процессов Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН). С 2021 года исследования тематической направленности проводятся Отделом этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований (ИДИ ФНИСЦ РАН). Социологические опросы проведены на базе репрезентативной квотной выборки со связанными параметрами при помощи онлайн-программы SurveyMonkey. Обработка эмпирических данных проведена с помощью программы статистического анализа SPSS. Объем выборочной совокупности среди московской молодежи: N=434 ед.

Социологический поиск включает три среза анализа:

1. Сравнительный анализ отношения групп молодежи (коренных и некоренных москвичей) к восточным религиям, нетрадиционным и мистическим учениям и практикам.
2. Внутри данных социальных групп выделяются подгруппы «практикующие» и «непрактикующие». Таким образом, идет сравнительный анализ мировоззренческих позиций по отношению к национальным и этноконфессиональным ориентациям «практикующих» и «непрактикующих» среди коренных москвичей и «практикующих» и «непрактикующих» среди некоренных москвичей (приезжих).
3. Сравнительный анализа между «практикующими» в обеих социальных группах (коренных и некоренных москвичей).

В 2021 году в исследовании приняли участие 76% коренных москвичей и 24% приезжих, все в возрасте до 30 лет. Около половины приезжих респондентов (46%) проживают в столице уже более 10 лет, четверть (25%) – менее 5 лет. Можно предположить, что около половины мигрантов (учитывая сроки проживания в столице), уже в какой-то мере ассимилировались.

Первый срез социологического анализа. Эмпирические данные фиксируют ежегодный рост интереса к нетрадиционным и восточным религиям, мистическим учениям [18]. Среди всей опрошенной молодежи, 45% интересуются восточными, нетрадиционными религиями и эзотерическими учениями. Группа «интересующихся» состоит из 48% молодых коренных москвичей и 37% приезжей молодёжи.

Переходя к анализу, отметим, что коренные москвичи проявляют больший интерес к нетрадиционным религиозным учениям и мистическим течениям, чем мигранты из других регионов и ближнего зарубежья. По данным мониторинга, астрология и нумерология всегда занимают лидирующие позиции у коренных москвичей в группе молодежи. В 2021 году эмпирические данные фиксируют, что коренные москвичи проявляют больше интерес к учениям, предсказывающим судьбу человека (астрология – 25% и нумерология – 19%) и духовным практикам индуизма (йога и медитация – 21%). А у приезжих молодых москвичей вызывают наибольший интерес духовные практики индуизма (йога и медитация) – 21%, буддизм – 17%, другие восточные религии и учения – 15% (см. рис. 1).

Рисунок 1. Интерес московской молодежи к восточным, нетрадиционным религиям и эзотерическим учениям (% от числа респондентов 14-29 лет, Москва, 2021).

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Чтобы оценить роль этих воззрений и их влияние на жизнь, мы предложили молодым людям выбрать утверждения, наиболее точно отражающие привлекательность данных религий и учений. Как показали результаты опроса, у приезжих выше мотивация интереса, чем у коренных москвичей. Все типологические группы молодежи отмечают значимость следующих функций этих религий и учений:

- заслуживают внимания для научного изучения;
- повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия;
- расширяют физиологические возможности человека;
- способствуют нравственному совершенствованию человека.

Таблица 1

Мотивация интереса к восточным религиям, нетрадиционным религиозным течениям и эзотерическим практикам в повседневной жизни молодежи
(% от числа респондентов 14-29 лет. Москва, 2021)

Утверждения	Молодежь (14-29 лет)	
	Коренные москвичи	Приезжие москвичи
Традиции, нормы и культура мировых религий не помогают мне в повседневной жизни	33	33
Заслуживают внимания для научного изучения	54	70
Повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия	51	62
Расширяют физиологические возможности человека	32	40
Способствуют нравственному совершенствованию человека	51	67
Являются привлекательными своей оригинальностью, экстравагантностью	47	50
Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии	49	53
Мои знакомые, родственники, друзей изучают или практикуют эти учения	22	30

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН

Мы видим значительную разницу в ответах коренных и некоренных москвичей по утверждениям: «Заслуживают внимания для научного изучения» (54% и 70% соответственно), «Способствуют нравственному совершенствованию человека» (51% и 67% соответственно). Современная молодежь увлекается спортом и уделяет много времени саморазвитию. Приезжие по сравнению с коренной молодежью более ориентированы на здоровый образ жизни: «Повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия» (62% и 51% соответственно) и «Расширяют физиологические возможности человека» (40% и 32% соответственно).

В целом больший интерес мигрантов к нетрадиционным учениям возможно связан с микросредой опрошенных респондентов, которая, как известно, значительно влияет на мировоззренческие установки и ориентацию индивида. Именно у приезжих больше родственников и друзей изучают или практикуют эти учения по сравнению с коренными москвичами из молодёжной среды (30% и 22% соответственно). Поэтому, вполне вероятно, что приезжая молодёжь больше информирована о восточных религиях, нетрадиционных религиозных учениях и эзотерических практиках.

Второй срез социологического анализа. Как было уже сказано, в группе «интересующихся» выделены подгруппы «практикующие» и «непрактику-

ющие». Среди коренной молодёжи Москвы «практикующих» – 37%, среди приезжей молодёжи – 47%. В подгруппе «непрактикующие» коренных москвичей – 63%, приезжих – 53%.

Согласно данным опросов, изучение и включенность молодёжи в практику восточных, нетрадиционных религий и мистических учений оказывает определенное влияние на направленность межнациональных и этноконфессиональных ориентаций. В условиях увеличения миграционных потоков в Московском мегаполисе, остро встает вопрос о межнациональном взаимодействии и, как следствие этого, – межнациональной напряженности. Респондентам было предложено ответить на вопросы, касающиеся этноконфессиональных отношений:

- оценка уровня межнациональной напряженности;
- отношение к этноконфессиональным бракам;
- отношение к религиозным организациям и их деятельности.

В социальной группе «коренные» москвичи половина «практикующих» (51%) считают, что в столице «имеется межнациональная напряжённость», у «непрактикующих» таких респондентов немного меньше (44%). Около трети «практикующих» и «непрактикующих» (36% и 39% соответственно) сообщили, что испытывают неприязнь к другим национальностям. В подгруппе «непрактикующие» больше респондентов, сообщивших, что их отношение к браку будет зависеть от национальности. Среди «практикующих» в два раза больше респондентов положительно относятся к браку с человеком другой национальности (17% и 8% соответственно) и другой веры (11% и 5% соответственно). В подгруппе «непрактикующие» в 4 раза больше респондентов, по сравнению с «практикующими», отрицательно относящихся к межнациональным бракам (15% и 4% соответственно) и межрелигиозным бракам (16% и 4% соответственно). Таким образом, по этноконфессиональным отношениям в группе коренных москвичей «практикующие» более толерантны.

Переходя к группе «приезжих» москвичей, отметим эмпирический показатель уровня межнациональной напряжённости: «Налицо сильная межнациональная напряжённость, возможны конфликты» в подгруппе «непрактикующие» – 30%, а в подгруппе «практикующие» показатель намного ниже (17%). И к браку с человеком другой национальности в 5 раз лучше относятся «практикующие» чем «непрактикующие» (28% и 5% соответственно). Межрелигиозные браки «практикующие» практически в 3 раза больше одобряют чем «непрактикующие» (17% и 5% соответственно). В отрицательном отношении к бракам с представителями другой вероисповедания и национальности прослеживается обратная динамика. А среди «практикующих», даже нет респондентов, отрицательно относящихся к межконфессиональным и межнациональным бракам (см. табл. 2). Вполне закономерно, что в подгруппе «практикующие», в целом, респонденты более толерантны, чем в подгруппе «непрактикующие».

Мониторинговые исследования фиксируют скептическое отношение московской молодёжи к Русской православной церкви (РПЦ). В 2021 году больше половины молодёжи согласились с тезисами: «РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти» – 63%, «РПЦ находится в привилегированном положении по отношению к остальным конфессиям» – 65%, данная тенденция сохраняется в исследуемых группах на протяжении нескольких лет [19, с. 217–247].

В группе коренных «практикующих» москвичей больше, чем в группе «непрактикующих» согласившихся с утверждением «Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни» (49% и 36% соответственно). Разница в процентном соотношении между «практикующими» и «непрактикующими» показывает, что «практикующие» более негативно относятся к традиционным религиям, в данном конкретном случае

к РПЦ. «Практикующие» приезжие москвичи практически по всем предложенным тезисам более скептически настроены к религиозным организациям РПЦ по сравнению с «непрактикующими» (см. табл. 3).

Таблица 2

Отношение молодёжных групп «практикующих» и «непрактикующих» к браку с людьми другой веры и национальности
(% от числа респондентов 14-29 лет. Москва, 2021)

Утверждения	Молодёжь (14-29 лет)			
	Коренные москвичи		Приезжие москвичи	
	«Непрактикующие»	«Практикующие»	«Непрактикующие»	«Практикующие»
Положительно отнесусь к браку с человеком другой национальности	8	17	5	28
Отрицательно отнесусь к браку с человеком другой национальности	15	4	10	0
Мое отношение зависит от того, с человеком какой национальности заключается брак	19	13	20	17
Положительно отнесусь к браку с человеком другой вероисповедания	5	11	5	17
Отрицательно отнесусь к браку с человеком другой вероисповедания	16	4	5	0
Мое отношение зависит от того, с человеком какой вероисповедания заключается брак	13	15	20	22

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН

Таблица 3

Согласие молодёжных групп «практикующих» и «непрактикующих» с тезисами о религиозных организациях
(% от числа респондентов 14-29 лет. Москва, 2021)

Утверждения	Молодёжь (14-29 лет)			
	Коренные москвичи		Приезжие москвичи	
	«Непрактикующие»	«Практикующие»	«Непрактикующие»	«Практикующие»
Церковь (любой конфессии) должна быть отделена от государства	69	72	80	83
РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)	64	66	60	78
РПЦ находится в привилегированном положении по отношению к остальным конфессиям	66	68	55	72
Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	36	49	20	56

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН

Третий срез социологического анализа. Проводится сравнительный анализ «практикующих» подгрупп среди коренных и приезжих москвичей молодёжной группы. Выявлено, что приезжие «практикующие» по сравнению с коренными «практикующими» более положительно относятся к браку с человеком другой национальности (28% и 17% соответственно) и вероисповедания (17% и 11% соответственно). Важно отметить, что среди приезжих «практикующих» нет ни одного респондента, отрицательно относящегося к межнациональным и межрелигиозным бракам (см. табл. 4).

Таблица 4

Отношение молодёжных групп «практикующих» и «непрактикующих» к браку с людьми другой веры и национальности (% от числа респондентов 14-29 лет. Москва, 2021)

Утверждения	Молодежь (14-29 лет)	
	«Практикующие»	
	Коренные москвичи	Приезжие москвичи
Положительно отнесусь к браку с человеком другой национальности	17	28
Отрицательно отнесусь к браку с человеком другой национальности	4	0
Мое отношение зависит от того, с человеком какой национальности заключается брак	13	17
Положительно отнесусь к браку с человеком другой вероисповедания	11	17
Отрицательно отнесусь к браку с человеком другой вероисповедания	4	0
Мое отношение зависит от того, с человеком какой вероисповедания заключается брак	15	22

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН

Таблица 5

Согласие молодёжных групп «практикующих» и «непрактикующих» с тезисами о религиозных организациях (% от числа респондентов 14-29 лет. Москва, 2021)

Утверждения:	Молодежь (14-29 лет)	
	«Практикующие»	
	Коренные москвичи	Приезжие москвичи
Церковь (любой конфессии) должна быть отделена от государства	72	83
РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)	66	78
РПЦ находится в привилегированном положении по отношению к остальным конфессиям	68	72
Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	49	56

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН

Среди приезжих «практикующих» больше тех, кто негативно относится к религиозным организациям, чем среди коренных «практикующих»: «РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)» (78% и 66% соответственно); «РПЦ находится в привилегированном положении по отношению к остальным конфессиям» (72% и 68% соответственно); «Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни» (56% и 49% соответственно). См. табл. 5.

Заключение. В сравнительном анализе в трёх направлениях рассмотрено влияние нетрадиционной религиозности на некоторые национальные и этноконфессиональные ориентации московской молодёжи. Выделены типологические подгруппы среди коренных москвичей и приезжих москвичей «практикующие» и «непрактикующие». Несмотря на то, что среди коренных москвичей интерес к восточным религиям и нетрадиционным религиозным учениям значительно выше чем у приезжих, тем не менее по всем основным показателям у некоренных москвичей более глубокая мотивация интереса и включенности практик этих воззрений. Данные социологического поиска зафиксировали, что только подгруппа приезжих «практикующих» обладает всеми показателями нетрадиционной религиозности.

Подгруппа «практикующих», независимо от того коренные или некоренные москвичи, более толерантно относится к бракам с представителями других конфессий и национальностей. Более того, «практикующие» в обеих группах настроены более скептически к религиозным организациям традиционных конфессий. Толерантность к представителям других конфессий и этносов в группе «непрактикующие» ниже, но они более позитивно относятся к религиозным организациям, так как в этой группе больше традиционных верующих. Подгруппа приезжих «практикующих» более положительно относится к межнациональным и межконфессиональным бракам по сравнению с коренными «практикующими» молодежными группами. Такая тенденция обусловлена тем, что приезжие «практикующие» больше коренных «практикующих» включены в нетрадиционные религиозные учения и мистические течения.

Наши мониторинговые исследования с 2014 года в разных регионах РФ показывают, что у молодёжи растет интерес к нетрадиционным религиям в силу того, что молодые люди часто находятся в активном поиске мировоззренческой позиции по отношению к религии и атеизму. Обращаясь к различным восточным религиям, нетрадиционным учениям или эзотерическим течениям, они накапливают некий опыт, прежде чем сформировать собственные мировоззренческие установки в этом направлении. В тоже время молодёжь, которая не только интересуется, но и включает в быт практики восточных и нетрадиционных религий, более негативно относится к традиционным конфессиям.

Библиографический список

1. Колосов Г. Н., Чингина Е. Н. Восприятие духовной и физической практики в йоге в мире и в России // E-Scio. 2019. № 10(37). С. 422–429. EDN [GCLHQR](#).
2. Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Москва : ИФ РАН, 1999. 172 с. ISBN 5-201-02012-7.
3. Основы религиоведения / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, М. П. Новиков [и др.]. Москва : Высшая школа, 1994. 368 с. ISBN 5-06-002849-6. EDN [MLWILL](#).
4. Новая философская энциклопедия : в 4х т. 2-е изд. Москва : ИД «Мысль», 2010. Том 3 «Н–С». 692 с. ISBN 978-5-244-01118-0. EDN [QWVQJF](#).

5. Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение : пер. с англ. Санкт-Петербург : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1997. 280 с. EDN [MCHFLG](#).
6. Beckford J. A. Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements. London-New York : Tavistock Publ., 1985. 335 p. ISBN 978-0422796408.
7. Bainbridge W. S. The Sociology of Religious Movements. New York : Routledge, 1997. 488 p. ISBN 978-0203760406. DOI [10.4324/9780203760406](#).
8. Dawson L. L. The cultural significance of new religious movements and globalization: A theoretical prolegomenon // Journal for the Scientific Study of Religion. 1998. Vol. 37, № 4. Pp. 580–595. DOI [10.2307/1388142](#). EDN [EQAFZH](#).
9. Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий : Истоки, сущность, влияние на молодежь Запада. Москва : Изд-во МГУ, 1984. 288 с.
10. Рыжов Ю. В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. Москва : Изд-во «Смысл», 2006. 328 с. ISBN 5-89357-207-6. EDN [YKXYHB](#).
11. Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки : Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. Москва : Научная книга, 2005. 445 с. ISBN 5-94935-074-X.
12. Базаров Б. В. Буддизм и вызовы XXI века // Вестник БНЦ СО РАН. 2014. № 3(15). С. 12–16. EDN [SZCRAN](#).
13. Улаиов М. С. Буддизм в контексте глобализации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2007. Т. 25, № 1-2. С. 252–261. EDN [MQJCLT](#).
14. Панцова Л. В. Нетрадиционные физические упражнения в системе физического воспитания в высшей школе // Физическая культура и личность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Оренбург, 28-29 октября 2004 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2004. С. 114-117.
15. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. Санкт-Петербург : Изд-во «Питер», 2019. 480 с. ISBN 978-5-4461-0945-6.
16. Юнг К. Г. Йога и запад. Москва : Изд-во «Инициатива», 1994. 232 с.
17. Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](#).
18. Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни Российской молодежи: социально-педагогические аспекты // ЦИТИСЭ. 2019. № 5(22). С. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](#). EDN [BWYSYK](#).
19. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).

Дата поступления в редакцию: 17.09.2022.
Принята к печати: 28.10.2022.

Сведения об авторе:

Лютенко Ирина Викторовна, младший научный сотрудник,
Отдел этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

e-mail: blodrein@mail.ru

Author ID РИНЦ: 1013697

ORCID: 0000-0002-6815-8977

Scopus ID: 57201269771

I. V. Lyutenko¹

¹Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

INTEREST IN NON-TRADITIONAL RELIGIONS AMONG MOSCOW YOUTH AND MIGRANTS (REGIONAL SOCIOLOGICAL EXPERIENCE 2021)

The article was prepared within the Program of basic and applied scientific research “Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening All-Russian Identity” (order of the President of the Russian Federation №P-71 from 16.01.2020).

Abstract. The article analyzes the results of the monitoring study “How Moscow Lives” 2021, conducted by the Department of Ethnodemographic, Religious, and Integration Processes of ISPI FNIC RAS and the Center for Sociology of Religion and Socio-Cultural Processes of ISPI FNIC RAS. The article focuses on the typological subgroups of Moscow youth and newcomers’ “practitioners” and “non-practitioners” in a comparative analysis. These subgroups are selected according to their interest in Eastern and non-traditional religions and teachings, their motivation for interest in these beliefs, and their involvement in the everyday practices of these religions and teachings.

To date, new methodological and methodological developments in the study of non-traditional religiosity in connection with the constantly changing religious landscape are needed. With the intensification of migration flows from post-Soviet countries and other regions of Russia, it is necessary to study not only Moscow youths, but also newcomers.

The typological subgroups “practicing” and “non-practicing” analyzed the degree of influence of worldview aspects of non-traditional religious identity on some national, religious, ethno-confessional orientations and attitudes of young people (native and newcomer Muscovites). All of the indicators of non-traditional religiosity were found to be present in the subgroup of visitors “practicing”.

Despite the fact that the results of the study recorded in the group of indigenous Muscovites greater interest in Eastern religions and non-traditional religious teachings than the migrant Muscovites, nevertheless on all major indicators the non-indigenous Muscovites have a deeper motivation of interest and involvement in the practices of these beliefs. As the results of the research show, the level of trust in traditional confessions and the institution of the Church is higher in the “non-practicing” groups than in the “practicing” ones. At the same time, “practitioners” are more tolerant of representatives of other ethnic groups and confessions.

Keywords: non-traditional religiosity; religion; Eastern religions; mystical teachings; Muscovites; migrants; youth.

For citation: Lyutenko I.V. (2022) Interest in non-traditional religions among Moscow youth and migrants (regional sociological experience 2021). Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 4. Pp. 122–134. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.10

References

1. Kolosov G. N., Chingina, E. N. (2019) Perception of Spiritual and Physical Practice in Yoga in the World and in Russia. *E-Scio*. No. 10(37). Pp. 422–429 (in Russ.).
2. Balagushkin E. G. (1999) *Netraditsionnye religii v sovremennoi Rossii Morfologicheskii analiz* [Non-traditional religions in modern Russia : Morphological analysis]. Moscow, IF RAS Publ. 172 p. ISBN 5-201-02012-7 (in Russ.).
3. Borunkov Y. F., Yablokov, I. N., Novikov, M. P. [et al.] (1994) *Osnovy religiovedeniya* [Fundamentals of religious studies]. Moscow, Vysshaya. Shkola Publ. 368 p. ISBN 5-06-002849-6 (in Russ.).
4. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [New Encyclopedia of Philosophy]: in 4 Vol. 2nd ed. Moscow, Mysl' Publ. Vol. 3 “N–S”. 692 p. ISBN 978-5-244-01118-0 (in Russ.).

5. Barker A. (1997) *New Religious Movements: A Practical Introduction*. Transl. from Eng. St. Petersburg, RCHA Publ. House. 280 p. (in Russ.).
6. Beckford J. A. (1985) *Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements*. London-New York, Tavistock Publ. 335 p. ISBN 978-0422796408 (in Eng.).
7. Bainbridge W. S. (1997) *The Sociology of Religious Movements*. New York, Routledge. 488 p. ISBN 978-0203760406. DOI [10.4324/9780203760406](https://doi.org/10.4324/9780203760406) (in Eng.).
8. Dawson L. L. (1998) The cultural significance of new religious movements and globalization: A theoretical prolegomenon. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 37. No. 4. Pp. 580–595. DOI [10.2307/1388142](https://doi.org/10.2307/1388142) (in Eng.).
9. Balagushkin E. G. (1984) *Kritika sovremennykh netraditsionnykh religij: istoki, sushhnost', vlijanie na molodjozh' Zapada* [Critique of modern non-traditional religions. Origins, Essence, and Influence on the Youth of the West]. Moscow, MSU Publ. 288 p. (in Russ.).
10. Ryzhov Y. V. (2006) *Ignoto Deo: New religiosity in Culture and Art*. Moscow, Publ. House "Smysl". 328 p. ISBN 5-89357-207-6 (in Russ.).
11. Mchedlov M. P. (2005) *Theological Essays. Religion in Spiritual, Social and Political Life of Modern Russia*. Moscow, Nauchnaya kniga Publ. 445 p. ISBN 5-94935-074-X (in Russ.).
12. Bazarov B. V. (2014) Buddhism and challenges of the third millennium. *Bulletin of the BSC SB RAS*. No. 3(15). Pp. 12–16 (in Russ.).
13. Ulanov M. S. (2007) Buddhism in the context of globalization. *Gosudarstvo, religiâ, cerkov'v Rossii i za rubežom*. 2007. Vol. 25. No. 1-2. Pp. 252–261 (in Russ.).
14. Pantsova L. V. (2004) Non-traditional physical exercises in the system of physical education in high school. In: *Fizicheskaja kul'tura i lichnost': Materialy Vserossijskoj nauch.-praktich. konf.* [PE and personality. Proceed. of All-Russia research conf.] (Orenburg, October 28-29, 2004). Orenburg, OSPU Publ. Pp. 114–117 (in Russ.).
15. Campbell D. (2019) *The hero with a thousand faces*. St. Petersburg, "Peter" Publ. 480 p. ISBN 978-5-4461-0945-6 (in Russ.).
16. Jung K. G. (1994) *Yoga und West*. Moscow, "Initsiativa" Publ. 232 p. (in Russ.).
17. Kublitskaya E. A. (1990) Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5. Pp. 95–103 (in Russ.).
18. Kublitskaya E. A., Lyutenko I. V. (2019) Traditional religious and non-traditional religious teachings in the life of the Russian youth: socio-pedagogical aspects. *CITISE*. No. 5. Pp. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44) (in Russ.).
19. Zubok Y. A., Bezrukova O. N., Vishnevsky Y. R. [et al.] (2021) *Self-regulation of youth life: methodology and social practices*. Belgorod, Epicenter Publ. 500 p. ISBN 978-5-6045221-7-2.

The article was submitted on September 17, 2022.

Accepted on October 28, 2022.

Information about the author:

Irina V. Lyutenko, Junior Researcher, Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: blodrein@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6815-8977

Scopus ID: 57201269771

DOI [10.19181/nko.2022.28.4.11](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.11)

EDN [CNZZZW](https://www.edn.ru/CNZZZW)

УДК 314; 316.647.5

Е. А. Кублицкая¹

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОРЕННЫХ И НЕКОРЕННЫХ МОСКВИЧЕЙ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ)

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации № ПР-71 от 16.01.2020 г.).

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с интенсификацией миграционных процессов в крупнейших мегаполисах. Определяются как положительные, так и негативные последствия неконтролируемых широкомасштабных миграционных потоков. Акцент поставлен на изучение характера и степени проявления толерантности/интолерантности в этноконфессиональном и социокультурном взаимодействии различных групп коренного и некоренного населения (с разной степенью включенности в ассимиляционные процессы) Москвы, а также на сравнительном анализе религиозных, социокультурных и социально-политических представления коренных жителей столицы и мигрантов.

Данные социологического мониторинга, проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН доказывают, что неконтролируемые миграционные процессы способствуют росту социальной напряженности. В этноконфессиональном взаимодействии отмечаются установки коренных жителей столицы на этноцентризм, национальную и конфессиональную исключительность («приверженность к мононациональным и моноконфессиональным бракам»). Выявлена значительная разница в социально-политических, патриотических и конфессиональных ориентациях типологических групп «коренные» москвичи и «приезжие». Так, коренные москвичи более оптимистично смотрят на социально-экономическое и социально-политическое положение в стране, политическое реформирование общества по сравнению с мигрантами. Кроме того, при сравнении оценок роли религиозных организаций, в частности РПЦ, в современном обществе, группа «приезжих» москвичей менее толерантна, чем группа «коренных» жителей столицы.

Выявленные последствия от негативных явлений неконтролируемого миграционного процесса (например, рост теневой экономики и коррупции на рынке труда и пр.) свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения интеграции, ассимиляции мигрантов и толерантности/интолерантности в этноконфессиональном и социокультурном взаимодействии коренных москвичей и приезжих. Отмечается, что учет социальных рисков в практике национальной политики может способствовать минимизации потенциала межнациональной и межконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе.

Ключевые слова: миграционные процессы; межнациональная напряженность; этноконфессиональное взаимодействие; толерантность; коренные москвичи; мигранты; церковь; конфессия; секуляризация.

Для цитирования: Кублицкая Е.А. Этноконфессиональные и социально-политические представления коренных и некоренных москвичей (социологический опыт) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 135–149. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.11](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.11). EDN [CNZZZW](https://www.edn.ru/CNZZZW)

Введение. Интенсификация миграционных процессов в крупнейших мегаполисах достигает глобальных масштабов. С одной стороны, миграция способствует притоку новой рабочей силы, значимо меняется структура населения: на территориях, где наблюдается приток мигрантов, увеличивается мужское население и возрастает показатель численности молодежи, повышается рождаемость. Миграционные процессы способствуют сближению наций, влияя на процессы этнического развития через консолидацию, ассимиляцию, межэтническую интеграцию. В ходе межэтнической консолидации устанавливается единство языка. Этническая ассимиляция постепенно включает мигрантов в традиции, обычаи населения данной территории, усвоение языка коренных жителей. Естественно, что каждый мигрант является носителем набора этнических характеристик и, прибывая из других стран, ассимилируясь, также транслирует свои социальные, культурные, этнические и религиозные ориентации на «новой территории». Межэтническая интеграция ведет к появлению ряда общих черт в традициях и обычаях, увеличению числа смешанных в национальном и конфессиональном отношении браков, взаимопроникновению национальных культур и т.д.

С другой стороны, неконтролируемые миграционные процессы способствуют развитию социальных рисков. Встает проблема социальной напряженности в различных сферах жизнедеятельности (социально-политические, этнодемографические, этноконфессиональные, социокультурные и др. конфликты). Такие последствия от негативных явлений миграционного процесса свидетельствуют об актуальности изучения интеграции, ассимиляции мигрантов и (ин) толерантности коренного населения к мигрантам.

Фокус данной статьи сконцентрирован на изучении характера и степени проявления толерантности/интолерантности в межнациональном, этноконфессиональном взаимодействии коренного и различных групп некоренного населения (с разной степенью включенности в ассимиляционные процессы) мегаполиса. А также религиозные, социокультурные и социально-политические представления указанных типологических групп.

Теоретический контекст и миграционные процессы в мегаполисе. Предваряя анализ миграционных процессов в столичном мегаполисе следует уточнить теоретические понятия и характеристики миграции, на которые опираются ведущие российские учёные. Существует большое разнообразие интерпретаций этого понятия.

Термин «миграция» происходит от латинского *migratio*, означая перемещение, переселение [1, с. 161]. А. С. Ахиезер интерпретирует миграцию как «изменяющийся по своей важности элемент образа жизни, форму деятельности, реализующей ценности части населения, его групп, связанных с временной или постоянной сменой мест проживания и труда» [2]. В. И. Староверов определяет её как: «изменение положения людей в географическом пространстве в связи с постоянным или временным переходом из одной социально-экономической общности в другую, с возвращением в общность или с изменением пространственного перемещения общности в целом» [3, с. 247–248]. По мнению Н. Н. Тоцкого, под миграцией следует понимать «перемещение по различным причинам людей через границу тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного места жительства» [4, с. 12]. По определению Л. Л. Рыбаковского под миграцию попадает «любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [5, с. 26].

Можно сделать вывод что миграция – это территориальное перемещение индивидов, связанное с временной или постоянной переменой места жительства. Глубокому изучению миграционных процессов в нашей стране и за рубежом посвящены труды известных российских ученых: Л. Л. Рыбаковского [6, с. 35–41], С. В. Рязанцева [7], Т. Н. Юдиной [8], А. С. Ахиезера [2], Г. И. Осадчей [9] и др.

Сегодня велика потребность изучения миграции различными отраслями научного знания. Для таких наук как демография актуальными являются изучение влияния миграции на структуру, рождаемость, трудовые резервы населения и т.п. Изучение социологией и политологией миграционных процессов, с точки зрения мобильности населения, обусловлено, прежде всего способностью миграционных потоков – особенно неконтролируемых, – менять социально-политическую, социально-экономическую, этноконфессиональную, социокультурную ситуации в субъектах РФ и в России в целом. В государственных нормативных правовых актах упоминается термин «неконтролируемая миграция»¹, использовавшийся в период отсутствия системы иммиграционного контроля в стране. Бесконтрольный въезд мигрантов на территорию государства незаконен. М. Я. Баранник интерпретирует понятие незаконной миграции: «это въезд в определенную страну, пребывание на ее территории и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан; произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на ее территории, а также выезд с территории страны ее граждан с нарушением законодательства, регулирующего порядок их выезда» [10].

Эмпирические исследования зарубежных и российских социологических служб фиксируют, что столичные мегаполисы многих государств являются центром возникновения, развития и активности социальных процессов в миграционных, политических, национальных, религиозных и пр. трансформаций. Именно московский мегаполис обладает многими ресурсами, которые недоступны другим мегаполисам и городам России. Москва открывает возможности достаточно эффективно реализовать трудовой, экономической и социокультурный потенциалы мигрантам не только из субъектов РФ и дружественных стран СНГ, но и дальнего зарубежья.

В мегаполисе привлекательность мигрантов обуславливается высокой концентрацией рабочих мест, более высоким уровнем заработной платы по сравнению с родным регионом, развитой инфраструктурой, бесплатной доступностью многих услуг в социальной сфере. Исходя из перечисленного, вполне закономерно, что в Москве развита трудовая миграция.

Но какова её эффективность? В составе переселенцев преобладают мигранты с низкой профессиональной квалификацией и плохим знанием русского языка. Нелегальная вовлеченность мигрантов в трудовые отношения способствует росту теневой экономики и коррупции на рынке труда [11]. Так, согласно заявлению пресс-службы Управления ФСБ, в конце 2020 года были задержаны 8 членов организованной преступной группировки, которая занималась легализацией мигрантов в России с помощью производимых ОПГ поддельных документов. Группировка была создана в 2015 году и за несколько лет смогла легализовать свыше 10 тыс. мигрантов в России².

¹ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 51. Ст. 4933; Собрание законодательства РФ. 1994. № 21. Ст. 2384; Собрание законодательства РФ. 1994. № 21. Ст. 2385.

² В Москве задержаны участники ОПГ, легализовавшие более 10 тыс. мигрантов // Телеканал «Москва24». 03 ноября 2020. URL: <https://u.to/q1V1HA> (дата обращения: 17.09.2022).

Следует также отметить, что сохранение легального и нелегального миграционного прироста приводит к увеличению затрат на адаптацию и социализацию мигрантов, не предусмотренного в бюджете мегаполиса [12].

Эмпирические данные. Социологические опросы, проводимые Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН и Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН, регулярно фиксируют изложенные выше постулаты: как позитивные процессы (консолидация, межэтническая интеграция, рождаемость и т.д.), так и «социальные риски» миграции. В приводимой статье используются, в основном, данные мониторинга 2014-2021 годов. В целом же, социологический мониторинг «Как живет Москва» проводится с 1996 года. Объем выборочной совокупности по квотной выборке в каждом исследовании мегаполиса составляет от 500 ед. до 900 ед. Метод сбора первичной информации – самозаполняемый опросник.

Основные тематические задачи исследования состояли:

- в изучении характера и степени проявления толерантности/интолерантности в межнациональном, этноконфессиональном взаимодействии коренного и различных групп некоренного населения мегаполиса;
- в сравнительном анализе религиозных, социокультурных и социально-политических представлений изучаемых типологических групп.

Прежде всего отметим, что за прошедшие три десятка лет этноконфессиональная структура населения столицы кардинально изменилась. В мегаполисе проживают не менее 150 национальностей. Основные регионы-«поставщики» мигрантов: страны СНГ (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Казахстан), южные регионы Российской Федерации.

Демографическая ситуация также несравнима с её советским периодом. Так, количество прибывших переселенцев из северокавказских республик РФ и среднеазиатских стран ближнего зарубежья, выросло не менее, чем в 10 раз. Произошел резкий приток мигрантов при одновременном естественном сокращении численности коренного населения. Несмотря на то, что столица России – многонациональный российский город, с глубокими интернациональными традициями, проблема демографии в условиях интенсификации численности нерусского населения вошла в разряд наиболее острых.

Результаты мониторинговых исследований в Москве доказывают, что **широкомасштабные потоки переселенцев создают негативную атмосферу** в межличностном взаимодействии: «коренных» москвичей и приезжих; различных конфессиональных групп населения; этнических групп населения.

Между этническими группами утрачиваются не только отношения интернационализма, но и просто национальная терпимость, толерантность коренной национальности (русских) к мигрантам при осознании, что её этнический статус резко падает. Возможности этнической ассимиляции мегаполиса находятся на пределе. В настоящее время при резком изменении соотношения национального состава мегаполиса за счет мигрантов (легальных и, в большей степени, «нелегалов») программу национальной политики правительства Москвы нельзя назвать эффективной. Именно поэтому, в первую очередь, для решения поставленных задач необходимо определить характер межнационального взаимодействия коренного населения и приезжих.

Мониторинговые опросы экспертов и населения Москвы за последние 25 лет показывают, что проблемы межнациональной напряженности до сих пор актуальны, так как межнациональное взаимодействие обладает значительно выраженным конфликтным потенциалом. По сравнению с изучаемыми нами регионами

Российской Федерации (17 субъектов РФ), именно в столице самые высокие показатели уровня межнациональной напряженности. Общий показатель составляет более 70%. От 20% до 25% среди опрошенного населения отмечают крайнюю степень напряжения в межнациональном взаимодействии: «в мегаполисе налицо сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты».

Основные характеристики группы, которая отметила *крайнюю степень межнациональной напряженности в московском мегаполисе*: коренные москвичи, русские, мужчины в мобильном возрасте 19-33 лет, православные, из типологической группы «материально обеспеченных».

Вышеуказанное подтверждается официальной статистикой Московского уголовного розыска, подтверждающей, что криминогенная ситуация в Москве и Московской области, в основном, имеет этническую окраску. «Если брать общую статистику и разделить на количество изнасилований, кто их совершает, то 75% совершают приезжие не московского региона. Из них 90% – это выходцы из стран Азии: Таджикистан, Узбекистан, Киргизия»³. Больше других мигрантов тяжкие преступления в Москве (убийства, грабежи, изнасилования) совершили переселенцы из Узбекистана и Таджикистана: 45,6% от всех преступлений, зарегистрированных в Москве. Все чаще в СМИ появляются новости о резонансных преступлениях с участием мигрантов (убийство в Бирюлево в 2013 г., убийство в Южном Бутово в 2019 г., беспорядки на территории рынка «Фуд Сити» в 2020 г. и др.).

Преступления становятся источником конфликтов, провоцируя деятельность националистических группировок. Вполне закономерно, что коренные москвичи видят в миграции угрозу своей безопасности: 80% коренных москвичей согласились с утверждением, что «мигранты ухудшают криминальную ситуацию в городе». А с нарушениями общественного порядка на национальной почве лично приходилось сталкиваться до 60% москвичей. Респонденты всё чаще указывают на рынки, магазины, транспорт, как основные «точки» межнациональных конфликтов.

Тем не менее, более 80% опрошенного населения города: и коренные, и приезжие москвичи признают, что «мигранты обеспечивают Москву рабочей силой». Более трети в обеих типологических группах также признают положительную роль переселенцев в обогащении культурных традиций города: «мигранты делают культуру Москвы многокрасочней и богаче».

Респонденты, естественно, указывают и на негативные последствия миграционных потоков, которые по большей части, с точки зрения москвичей неуправляемы. Ухудшаются сферы жизнеобеспечения коренного населения: трудоустройство, транспортные передвижения, социально-бытовые условия, сфера обслуживания, здравоохранение и др.: мигранты «значительно отягощают бюджет города»; «увеличивают поток людей на транспорте, который не справляется с нагрузкой, особенно в часы «пик»; «создают конкуренцию на рынке жилья и труда».

На основании изложенных утверждений москвичей вполне логичны их ответы на вопрос: «Согласны ли Вы, что приток мигрантов следует резко сократить?» Подавляющее число коренных жителей столицы полностью или частично согласны с этим тезисом. Практически без серьёзных количественных изменений подобным образом отвечают коренные москвичи в течении 15 лет: 2007 г. – 76%, в 2021 г. – 72% соответственно. Следовательно, эмпирические показатели, характеризующие негативные последствия от массивных миграционных потоков, продолжают оставаться достаточно высокими в оценках жителей мегаполиса (см. табл. 1).

³ В Москве 75% изнасилований совершают приезжие из стран Азии // РИА Новости. 25 августа 2016. URL <https://u.to/uVV1NA> (дата обращения: 17.09.2022).

Таблица 1

Распределение согласия респондентов с высказываниями по поводу мигрантов
(% от числа опрошенных социальных групп. Москва, 2021 г.)

Согласны ли Вы с высказыванием, что мигранты...	Полностью или частично согласен		
	население	коренные москвичи	приезжие
отягощают бюджет города	57	62	49
увеличивают поток людей на транспорте, который не справляется с нагрузкой, особенно в часы «пик»	77	79	71
ухудшают криминальную ситуацию города	79	80	69
создают конкуренцию на рынке жилья и труда	80	83	73
вносят напряженность в межнациональные отношения	73	75	68
обеспечивают Москву рабочей силой	82	82	81
делают культуру Москвы многокрасочней и богаче	31	31	31
нет никаких особых трудностей и проблем в связи с притоком мигрантов в Москву	31	28	33
приток мигрантов следует резко сократить	68	72	62

Источник: мониторинг ИДИ ФНИСЦ РАН.

Завершая характеристику межэтнического взаимодействия в столице укажем на соотношение коренных москвичей и приезжих, попадающих в выборочную совокупность респондентов в проведенных исследованиях. С 2007 года до 2021 года в выборку «попадало» от 46% до 60% коренных москвичей и от 40% до 54% приезжих. Обычно разница составляла 15-25% «в пользу» коренного населения. Тем не менее, «степень укорененности», уровень ассимиляции приезжих в Москве падает: если количественные показатели проживания мигрантов в 2010 году (менее 5 лет) составляли 18%, то к 2020 году этот показатель достиг 23% (см табл. 2). Это приблизительная закономерность, так как в квотную выборку не входят показатели коренных москвичей и мигрантов. Тем не менее, тенденция интенсивного роста миграции очевидна⁴.

Таблица 2

Время проживания некоренных жителей в столичном мегаполисе
(% от опрошенных социальной группы приезжих. Москва, 2014-2021 гг.)

Время проживания в Москве	Мигранты						
	2014	2015	2016	2017	2018	2020	2021
Более 20-ти лет	35	39	51	39	39	37	42
Более 10-ти лет	29	27	30	30	34	27	32
Более 5-ти лет	16	17	9	13	16	13	13
Менее 5-ти лет	19	17	10	18	10	23	13

Источник: мониторинги ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН.

⁴ Опросы 2021 года показали снижение потока интенсивности миграции в условиях режима пандемии.

Межнациональное и межконфессиональное взаимодействие коренных москвичей и приезжих. Для более детального изучения межнациональных, конфессиональных и социокультурных ориентаций приезжающих в столицу мигрантов, рассмотрим крайние группы миграционного населения, характеризующиеся разной степенью ассимиляции. Для сравнения с группой «коренных москвичей» были сформированы две типологические группы мигрантов:

1. Группа «некоренные москвичи», проживающие в мегаполисе более 20 лет;
2. Группа «приезжие», проживающие в Москве менее 5 лет.

Сравнительный анализ оценок межнационального взаимодействия типологических групп показал, что группа «коренных москвичей» очень сходна по оценкам с «некоренными москвичами». Что вполне предсказуемо, учитывая степень городской ассимиляции (см. табл. 3).

Таблица 3

Характеристики межнационального взаимодействия и отношения к некоторым религиям и национальностям в оценках коренных и некоренных жителей столицы
(% от опрошенных в социальных группах. Москва, 2020)

Согласие со следующими утверждениями	коренные москвичи	некоренные москвичи, проживающие более 20 лет	приезжие, проживающие менее 5 лет
1. Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с приёмом на работу (учёбу) по национальному признаку	24	21	27
2. Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с вытеснением коренных жителей с рабочих мест	20	18	10
3. Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры	51	49	37
4. Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с националистической пропагандой в СМИ	13	15	19
5. Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с публичными акциями (митингами) сторонников националистических идей	13	10	13
6. Испытываю неприязнь к некоторым религиям и религиозным организациям	27	27	21
7. Испытываю неприязнь к некоторым национальностям	33	28	22

Источник: мониторинги ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН.

По основным предложенным позициям: «мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с вытеснением коренных жителей с рабочих мест», «мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры», «мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с приёмом на работу (учёбу) по национальному

признаку» и др. разница в ответах «коренных» и «некоренных» москвичей не превышает 2–3%. Мало ассимилированная группа «приезжих» значительно отличается от них по оценке межнационального взаимодействия.

Следует отметить, что показатели отношения изучаемых групп к некоторым религиям и национальностям напрямую коррелируют с отношением к межконфессиональным и межэтническим бракам (см. табл. 3 пп. 6,7 и рис. 1). Группа «приезжие» более терпима как к другим религиям и национальностям, так и к заключению браков с людьми других конфессий и национальностей.

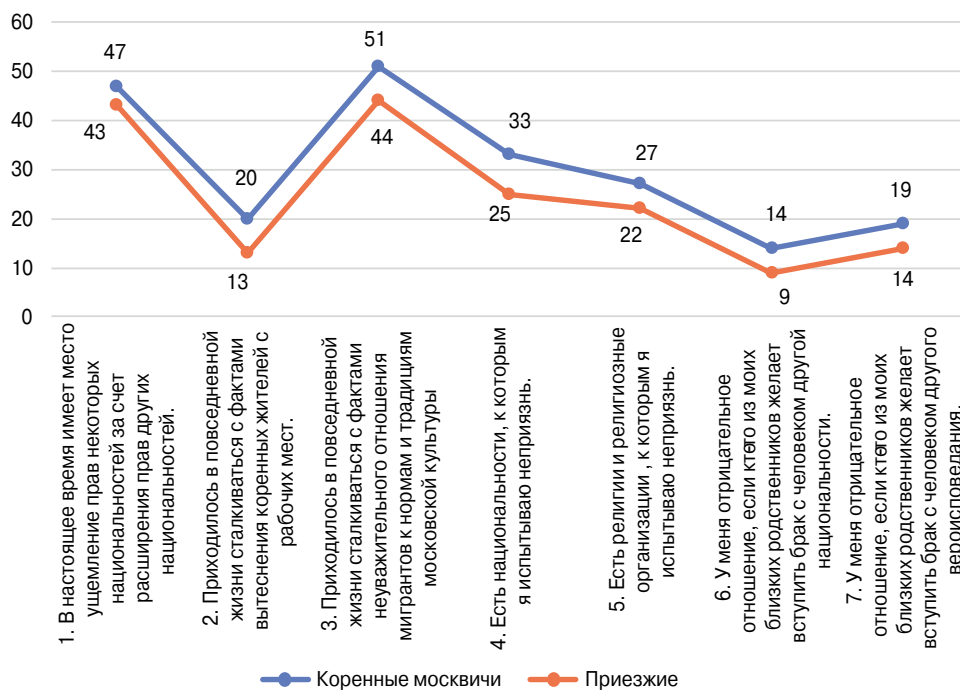
Рисунок 1. Показатели и индикаторы толерантности и интолерантности коренных жителей столицы и приезжих групп населения в отношении этноконфессиональных браков

(% от опрошенных в типологических группах. Москва, 2020 г.)

Источник: мониторинги ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН.

В 2020 году незначительная часть респондентов (17%) отметили этноцентристскую позицию в отношении межконфессиональных браков: «Отрицательно отнесусь, если кто-то из моих родственников желает вступить в брак с человеком другого вероисповедания». Еще меньше респондентов (12%) отметили этноцентристскую позицию в отношении межнациональных браков: «Отрицательно отнесусь, если кто-то из моих родственников желает вступить в брак с человеком другой национальности». В то же время внутри типологических групп выявилась значительное различие в позициях этноцентристской направленности (см. рис. 1). В полтора-два раза чаще «коренные» и «некоренные» москвичи отмечают эти показатели в сравнении с группой «приезжих». Закономерно, что более чем в два раза чаще респонденты из группы «приезжих» положительно относятся к межконфессиональным (22%) и межнациональным бракам (30%) по сравнению с группами «коренных» и «некоренных» москвичей. Вполне вероятно, что на более толерантное отношение к подобным бракам у вновь прибывших людей оказывает сильная мотивация закрепления на постоянное местожительство в мегаполисе.

Отметим, что даже без деления мигрантов по длительности проживания в мегаполисе (ассимиляции) разница в оценках коренных москвичей и приезжих сохраняется (см. рис. 2).

Рисунок 2. Показатели и индикаторы интолерантности в этноконфессиональном взаимодействии коренных жителей столицы и приезжих групп населения
(% от опрошенных в группах. Москва, 2020 г.)

Источник: мониторинги ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН.

Социологический материал в данном контексте фиксирует, что показатели толерантности в межэтническом взаимодействии на порядок выше в группе «приезжих». А установки на этноцентризм, национальную исключительность и конфессиональную исключительность («приверженность к мононациональным и моноконфессиональным бракам»), присущи в большей степени коренным жителям столицы, *пытающихся сохранить менталитет, культурные традиции и обычаи москвичей*. Это вполне закономерно, исходя из высокой оценки уровня межнациональной напряженности, которая идет через отражение в массовом сознании москвичей реалий их повседневной жизни.

Этнопсихолог Э. Х. Панеш отмечает, что в основании устойчивых стереотипов в межэтническом взаимодействии лежит формирование **«сопоставлений-противопоставлений»** в рамках основных исторических факторов [13]. Из перечисленных ученых факторов, по нашему мнению, первостепенное значение имеют:

- интенсивность миграции;
- зоны контактного проживания (территориальная принадлежность);
- численное соотношение взаимодействующих национальностей;
- конфессиональная принадлежность;
- хозяйственно-культурная специфика;
- степень развитости двуязычия.

Религиозные, социокультурные и социально-политические представления коренных жителей столицы и мигрантов. В социологическом инструментарии

выделен также ряд показателей и индикаторов, характеризующих отношение жителей столицы к религиозным, социокультурным и социально-политическим процессам:

- отношение к религиям и религиозным организациям;
- доверие к Церкви и религиозным организациям как социальным институтам;
- отношение деятельности различных конфессий;
- оценка ролевых функций религии;
- оценка обеспечения государством норм демократического общества;
- оценка политической системы российского общества;
- оценка показателей общенациональной идеи.

Мониторинговые опросы многих социологических служб России фиксируют, что доверие к религиозным организациям и, прежде всего, к Русской Православной Церкви (РПЦ) в оценках населения Москвы продолжает оставаться значимым. После реформирования советского общества, Церковь и другие традиционные религиозные институты вернули себе статус важного субъекта общества. Ряд общественных и государственных структур и их лидеры часто возлагают надежды на поддержку Церкви в укреплении не только духовно-нравственных традиций, но и по другим направлениям социального жизнеобеспечения граждан России.

Насколько оправданы эти надежды? По данным наших опросов, последнее десятилетие прослеживается тенденция снижения доверия населения к религиозным социальным институтам. На примере московского мониторинга: в 2016 году доверяли РПЦ 45% жителей мегаполиса и 41% молодых москвичей, а к 2021 году уровень доверия населения к Церкви упал до 28%. Более подробно проанализируем оценки изучаемых групп населения мегаполиса в отношении религии и религиозных организаций (см. табл. 4).

Таблица 4

**Оценка коренных и некоренных жителей столицы религии
и религиозных организаций**
(% от опрошенных в социальных группах. Москва, 2020 г.)

Согласие со следующими утверждениями	коренные москвичи	некоренные москвичи, проживающие более 20 лет	приезжие, проживающие менее 5 лет
1. Религия духовно обогащает человека	65	72	60
2. Религия воспитывает нравственность, удерживает от аморальных поступков	63	75	64
3. Религия способствует сохранению национальной культуры и традиций	66	79	60
4. Некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	36	33	29
5. Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	25	14	29
6. Доверяю церкви (РПЦ)	41	39	19

Источник: мониторинги ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН.

Оценки роли Церкви на современном этапе реформируемого российского общества имеют значительные различия по грапам. Так, группа «приезжих» москвичей менее толерантна по отношению к церкви, чем группы «коренных» и «некоренных» москвичей:

- доверяют Церкви как социальному институту 41% и 39% из групп «коренных» и «некоренных москвичей» соответственно, и только 19 % из группы «приезжих»;
- четверть опрошенных коренных москвичей указывают, что «некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни» и почти треть респондентов – из группы «приезжих». И наоборот: среди «коренных» москвичей больше недовольных деятельностью мусульманских организаций по сравнению с недавно «прибывшими» респондентами в столицу. 36% и 29% соответственно согласились, что «некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни».

Значительна разница в оценках населением религиозных социальных институтов и религии, как вероучения. Респондентам были предложено оценить функции религии и их значение в жизнедеятельности населения. Москвичи указали, что основная положительная роль религии в «сохранении национальных традиций и культуры», «в воспитании нравственности и удержании от аморальных поступков». Также отмечают респонденты значительную роль компенсаторных функций религии: психологической и духовной. Несмотря на то, что положительные функции религии отметило подавляющее большинство, тем не менее, группа «приезжих» значительно в меньшей степени, чем другие группы указывают на положительные функции религии. Так, между мигрантами с разной степенью ассимиляции выявилась значительная разница в ответах в оценке положительных функций религии. Например, 79% группы «некоренных» москвичей и 60% группы «приезжих» признают, что «религия способствует сохранению национальной культуры и традиций».

Выявлена значительная разница социально-политических и патриотических ориентаций у изучаемых типологических групп. Коренные москвичи по сравнению с мигрантами из группы «приезжих» с большим оптимизмом смотрят на социально-экономическое развитие и социально-политическое положение в государстве, и реформирование общества. «Приезжие» активнее выступают за реформирование государственной системы власти и ее преобразование по сравнению с группами «коренных» и «некоренных» москвичей: «политическую систему общества надо радикально изменить» (54%, 35% и 29% соответственно). Протестная форма социальной активности наиболее развита в группе «приезжих»: до четверти среди респондентов ответили, что для защиты своих интересов выйдут на митинг, демонстрацию или будут участвовать в забастовках, акциях протеста.

Отметим, что коренные москвичи и мигранты, долгие годы проживающие в мегаполисе («некоренные» москвичи), больше доверяют Президенту РФ, позитивнее оценивают деятельность государства по обеспечению норм демократического общества, а также имеют чуть более высокий уровень гражданской и патриотической самоидентификации по сравнению с «приезжей» группой. «Я горжусь, что я гражданин России» ответили 64% «коренных» и 46% «приезжих» москвичей. Вполне закономерно, что и другие показатели патриотических ориентаций у коренного населения выше, чем у только что приехавших в Москву людей: «Патриотизм – одна из консолидирующих ценностей российского общества» (45% и 33% по группам соответственно), «Обществу нужна общенациональная идея, сплачивающая россиян независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка» (67% и 60% соответственно) (см. табл. 5).

**Оценка коренными и некоренными жителями столицы
социально-политических, патриотических тезисов и социальных позиций**
(% от опрошенных в социальных группах. Москва, 2020 г.)

Согласие со следующими утверждениями	коренные москвичи	некоренные москвичи, проживающие более 20 лет	приезжие, проживающие менее 5 лет
1. Обществу нужна общенациональная идея, сплачивающая россиян независимо от их национальности, вероисповедания, положения в обществе и достатка	67	75	60
2. Патриотизм – одна из консолидирующих ценностей российского общества	45	48	33
3. Национальная гордость – одна из консолидирующих ценностей российского общества	41	46	27
4. Я горжусь, что я гражданин России	64	64	46
5. Государством обеспечивается безопасность граждан	42	39	24
6. Государством обеспечивается соблюдение прав человека	34	38	25
7. Государством обеспечиваются социальные гарантии	35	36	27
8. Меня не устраивает политическая система нашего общества, её необходимо радикально изменить	35	29	54
9. Я готов защищать свои права	57	47	63
10. Если мне придется защищать свои интересы, я обращусь в СМИ	22	13	35
11. Если мне придется защищать свои интересы, я выйду на митинг, демонстрацию	20	17	22
12. Если мне придется защищать свои интересы, я буду участвовать в забастовках, акциях протеста	15	12	22

Источник: мониторинги ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН.

Заключение. Завершая обзор, уточним, что население было условно объединено в типологические группы по формализованным признакам длительности проживания в мегаполисе. Вне всякого сомнения, более низкий уровень духовно-нравственных и патриотических ориентаций группы «приезжих» по сравнению с коренными москвичами при длительном опыте межэтнического, этноконфессионального и социокультурного общения будет повышаться. Приобретение знаний *приезжими* об особенностях культуры, религиозных традиций, социально-этических норм поведения *других* конфессиональных и этнических групп несомненно способствуют развитию навыков межэтнического и межконфессионального и социокультурного взаимодействия.

Поэтому существующие стереотипы мышления представителей различных этносов и конфессий постепенно сглаживаются, ассимилируются. Таким об-

разом, объективно, процесс межэтнической интегрированности некоренных жителей столицы (мигрантов), в условиях включенности в систематическое межличностное общение и длительное проживание на ограниченной территории (зонах контактного проживания), должен привести к дальнейшему росту толерантности и взаимного доверия в социокультурном и этноконфессиональном взаимодействии коренного населения и переселенцев.

Библиографический список

1. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. Москва : Изд-во РГСУ, 2007. 472 с. ISBN 978-5-7139-0526-2. EDN [OXNSCX](#).
2. Ахизер А. С. Дialeктика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 78–89. EDN [TJWJOV](#).
3. Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни. Москва : Наука, 1975. 287 с.
4. Тоцкий Н. Н. Введение в миграционное право. Миграционное право, как подотрасль конституционного права Российской Федерации. Нормативные акты, регулирующие правоотношения с участием мигрантов. Москва : Диалог-МГУ, 1999. 153 с. ISBN 5-89209-405-7.
5. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. Москва : Наука, 1987. 199 с.
6. Рыбаковский О. Л., Мартыненко С. В. Гендерный аспект глобальной миграции // Социологические исследования. 2012. № 4(336). С. 35–41. EDN [OYSNHN](#).
7. Рязанцев С. В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26, № 4. С. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](#). EDN [ZAQDFR](#).
8. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–108.
9. Осадчая Г. И., Юдина Т. Н. Миграционные процессы и миграционная политика Москвы. Москва : Изд-во РГСУ, 2009. 68 с. ISBN 978-5-7139-0657-3. EDN [TSDEWD](#).
10. Бараник М. И. Криминологические и правовые проблемы борьбы с незаконной миграцией. Владивосток, 2002. 69 с.
11. Бобырев В. В. Незаконная миграция, ее влияние на криминогенную обстановку в Российской Федерации. Проблемы законодательного обеспечения борьбы с незаконной миграцией // Право и безопасность. 2007. № 1-2 (22-23).
12. Сиденко А. Г. Обеспечение экономической безопасности мегаполиса инструментами миграционной политики : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Сиденко Александр Георгиевич. Санкт-Петербург, 2014. 189 с. EDN [SVBEMN](#).
13. Панеш Э. Х. Этническая психология и межнациональные стереотипы: взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа) Санкт-Петербург : Изд-во «Европейский дом», 1996. 304 с. ISBN 5-85733-046-7.

Дата поступления в редакцию: 13.10.2022.

Принята к печати: 03.11.2022.

Сведения об авторе:

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: eakubl@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 73707

ORCID: 0000-0001-9685-2213

Researcher ID (WoS): J-8935-2018

Scopus ID: 57196415190

ETHNO-CONFESSIONAL AND SOCIO-POLITICAL VIEWS OF INDIGENOUS AND NON-INDIGENOUS MUSCOVITES (SOCIOLOGICAL EXPERIENCE)

The article was prepared within the Program of basic and applied scientific research «Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening All-Russian Identity» (order of the President of the Russian Federation №P-71 from 16.01.2020).

Abstract. The article deals with the problems associated with the intensification of migration processes in the largest megacities. Both positive and negative consequences of uncontrolled large-scale migration flows are determined. The focus of this article is concentrated on the study of the nature and degree of manifestation of tolerance/intolerance in the ethno-confessional and socio-cultural interaction of various groups of indigenous and non-indigenous population (with varying degrees of involvement in assimilation processes) Moscow; based on a comparative analysis of religious, socio-cultural and socio-political views of the indigenous residents of the capital and migrants.

The results of monitoring by ISPR FCTAS RAS and IDR FCTAS RAS prove that uncontrolled migration processes contribute to the development of social risks. Ethno-confessional interaction is marked by the attitudes of the capital's indigenous inhabitants towards ethnocentrism, national and confessional exclusivity ("adherence to mono-national and mono-confessional marriages"). A significant difference in the socio-political, patriotic and confessional orientations of the typological groups studied ("indigenous" Muscovites and "newcomers") was revealed. Thus, the results of a sociological survey show that native Muscovites are more optimistic about the socio-economic and socio-political situation in the country, the political reform of society compared to migrants. In addition, when comparing assessments of the role of religious organizations and, in particular, the ROC in modern society, a group of "newcomers" Muscovites is less tolerant than a group of "indigenous" residents of the capital.

The revealed consequences of the negative phenomena of the uncontrolled migration process (for example, the illegal involvement of migrants in labor relations contributes to the growth of the shadow economy and corruption in the labor market, etc.) indicates the relevance of studying the integration, assimilation of migrants and tolerance/intolerance in the ethno-confessional and socio-cultural interaction of indigenous Muscovites and newcomers. It is noted that taking into account "social risks" in the practice of national policy can help minimize the potential of interethnic and interfaith tensions in the metropolitan metropolis.

Keywords: migration processes; interethnic tension; ethno-confessional interaction; tolerance; indigenous Muscovites; migrants; church; denomination; secularization.

For citation: Kublitskaya E.A. (2022) Ethno-confessional and socio-political views of indigenous and non-indigenous Muscovites (sociological experience). Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 4. Pp. 135–149. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.11

References

1. Yudina T. N. (2007) *Migratsiya: slovar osnovnykh terminov* [Migration: A glossary of basic terms]. Moscow, RGSU Publ. House. 472 p. ISBN 978-5-7139-0526-2 (in Russ.).
2. Akhiezer A. S. (2000) Dialectics of urbanization and migration in Russia. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. Pp. 78–89 (in Russ.).
3. Staroverov V. I. (1975) *Socio-demographic problems of the village*. Moscow, Nauka Publ. 287 p. (in Russ.).
4. Totsky N. N. (1999) *Introduction to Migration Law. Migration law as a sub-branch of the constitutional law of the Russian Federation. Normative acts regulating legal relations with*

participation of migrants. Moscow, Dialogue-MSU Publ. 153 p. ISBN 5-89209-405-7 (in Russ.).

5. Rybakovsky L. L. (1987) *Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika* [Migration of the population: forecasts, factors, policy]. Moscow, Nauka Publ. 199 p. (in Russ.).

6. Rybakovsky O. L., Martynenko, S. V. (2012) Gender Aspect of Global Migration. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4(336). Pp. 35–41 (in Russ.).

7. Ryazantsev S. V. (2018) Labour immigration to Russia: myths and contrarguments. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 26. No. 4. Pp. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729) (in Russ.).

8. Yudina T. N. (2002) On sociological analysis of migration processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10. Pp. 102–108 (in Russ.).

9. Osadchaya G. I., Yudina T. N. (2009) *Migration Processes and Moscow's Migration Policy*. Moscow, RGSU Publ. House. 68 p. ISBN 978-5-7139-0657-3 (in Russ.).

10. Barannik M. I. (2002) *Criminological and legal problems of combating illegal migration*. Vladivostok. 69 p. (in Russ.).

11. Bobyrev V. V. (2007) Illegal migration, its impact on the criminogenic situation in the Russian Federation. Problems of legislative provision of combating illegal migration. *Law and security*. No. 1-2(22-23) (in Russ.).

12. Sidenko A. G. (2014) *Ensuring the economic security of megacities with migration policy tools*. Candidate Degree Thesis. St. Petersburg. 189 p. (in Russ.).

13. Panesh E. H. (1996) *Ethnic psychology and interethnic stereotypes: interaction and features of evolution (on the example of the Western Caucasus)*. St. Petersburg, Publ. House “Evropeiskii dom”. 304 p. (in Russ.).

The article was submitted on October 13, 2022.

Accepted on November 03, 2022.

Information about the author:

Elena A. Kublitskaya, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

e-mail: eakubl@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9685-2213

Researcher ID (WoS): J-8935-2018

Scopus ID: 57196415190

DOI 10.19181/nko.2022.28.4.12

EDN DDNZQM

УДК 314.04

В. А. Безвербный^{1,2}, А. Н. Максимов^{2,3}

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

² РАНХиГС при Президенте РФ.

³ Общественная палата РФ.
Москва, Россия.

ТЕНДЕНЦИИ ДЕПОПУЛЯЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2020

Аннотация. На основе данных «Всероссийской переписи населения-2020», а также предшествующих переписей населения, в статье представлены результаты расчетов динамики численности сельского населения по всем федеральным округам и субъектам Российской Федерации. Согласно полученным результатам, численность сельского населения в России интенсивно сокращается и в абсолютном, и в относительном выражении. Анализ всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг. показал, что в рассматриваемый период численность сельского населения сократилась на 17,1 млн человек, в то время как численность городского населения выросла на 46,9 млн. По данным же переписей 2002 и 2020 численность сельского населения сократилась на 1,6 млн человек, а доля сельского населения в общей численности населения в рассматриваемый период сократилась с 27 до 25%.

Доля сельского населения сократилась во всех федеральных округах (от -0,7% до -2,9%) за исключением Дальневосточного федерального округа, где она выросла на 1,2%. Только в 14 субъектах федерации, данные по которым доступны для сравнения, в 2010-2020 гг. наблюдается рост сельского населения, однако и здесь он связан с эффектами субурбанизации и развития городских агломераций, с административно-территориальными изменениями или повышенной фертильностью в некоторых национальных республиках. Одновременно в большинстве регионов (38 из рассматриваемых) наблюдается пространственное сжатие сельского населения, из которых в 11 субъектах федерации оно носит ускоренный характер. В статье также представлены авторские рекомендации по смене вектора демографического развития сельских территорий в России.

Ключевые слова: сельские территории; сельское население; депопуляция; демографическое сжатие; регионы; муниципальные образования; Российская Федерация.

Для цитирования: Безвербный В.А., Максимов А.Н. Тенденции депопуляции сельских территорий Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2020 // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 150–161. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.12. EDN DDNZQM

Введение. Социально-экономическое и пространственное развитие России — это развитие её территорий, каждой малой административной единицы. Пространственная неоднородность территорий Российской Федерации обуславливает необходимость персонифицированного подхода, который выражается в разработке программ пространственного и социально-экономического развития для каждого субъекта Российской Федерации, для каждого муниципального образования. При этом, программы развития муниципальных образований

создаются в рамках единой теоретико-методологической и нормативно-правовой базы, используются общие инструменты их формирования.

В России сейчас насчитывается 1127 городов, в которых проживает свыше 100 миллионов человек. Однако существует некоторая административная путаница, в связи с которой точного определения того, что является городом, а что является сельской территорией, попросту нет. Так, обширные сельскохозяйственные территории Магаданской области поделены на 9 городских округов, тогда как Иннополис, численность населения которого в 2021 г. оценивается в 866 человек, также является городом. Существуют и обратные примеры, такие как Каневская станция Краснодарского края с численностью населения около 45 тысяч человек (по переписи 2010 г.). Таким образом, в нашей действительности вопросы формирования «комфортной городской среды» не могут и не должны ограничиваться непосредственными городами, а охватывают вопросы «комфортной среды проживания».

Аграрный сектор исторически играет системообразующую роль в развитии экономики России, формируя базис продовольственной безопасности страны, создавая эффективный прецедент для пространственного развития территорий. Для обеспечения высоких результатов в сельскохозяйственной деятельности важны аспекты расселения, плотности и численности населения на территориях с высоким земельным потенциалом. В этой связи депопуляция сельских территорий остаётся серьёзной проблемой социально-экономического развития и, в большинстве случаев, снижает конкурентоспособность сельского хозяйства Российской Федерации.

Методы. На основе применения статистических методов был осуществлён сбор, систематизация и анализ статистических данных по динамике численности, показателям естественного и механического движения сельского населения. Были собраны и проанализированы показатели, характеризующие масштабы «демографического сжатия» сельских территорий на региональном и муниципальном уровне на основе данных Всероссийской переписи населения 2020, а также предшествующих переписей (1897, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020).

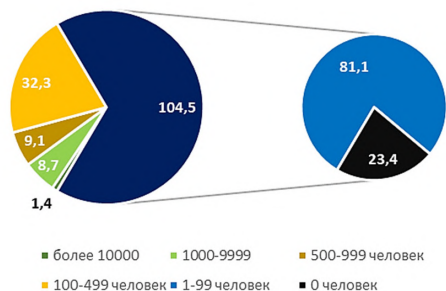
В рамках настоящего исследования впервые произведены расчеты динамики сельского и городского населения за период между Всероссийскими переписями населения 2010 и 2020 годов в разрезе каждого субъекта Российской Федерации. На основе геоинформационных методов визуализирована демографическая динамика сельских населённых пунктов на региональном уровне в межпереписной период 2010-2020. Анализ научной литературы позволил систематизировать основные методические подходы к определению масштабов и последствий депопуляции сельских территорий.

Результаты. Всего в России насчитывается около 156 тыс. населённых пунктов, подавляющее большинство которых является сельскими¹. Из 156 тыс. населённых пунктов 52% имеют численность от 1 до 99 чел. – их можно назвать «вымирающими». 15% населённых пунктов – обезлюдили. Современная парадигма госуправления сосредотачивает ресурсы в 1400 пунктах с численностью населения свыше 10 тыс. чел., в которых проживает 73,6% от численности населения страны. Таким образом, оставшаяся часть населения и большая часть населённых пунктов остаются без внимания (см. рис. 1).

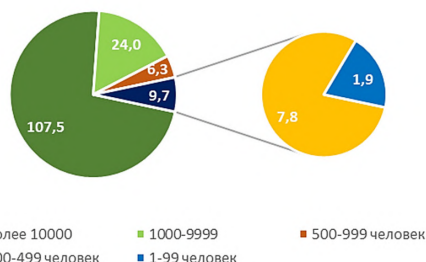
¹ Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 05.10.2022).

Количество населённых пунктов (тыс. ед.)

Численность населения в населённых пунктах (млн. чел.)

Рисунок 1. Группировка населённых пунктов России по численности населения

Источник: Составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения 2020.

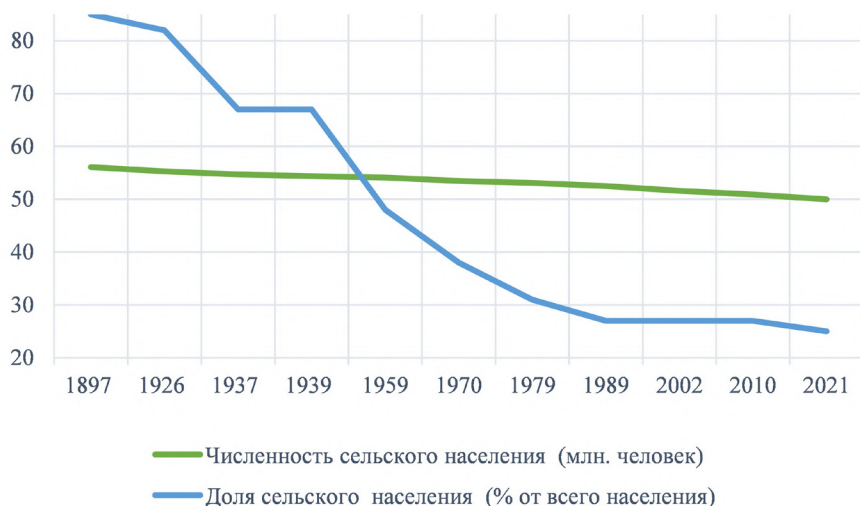
Численность сельского населения в России интенсивно сокращается и в абсолютном, и в относительном выражении. Долгосрочные тенденции к поступательному (без возврата к показателям предыдущих годов) падению численности сельского населения стали складываться в РСФСР к концу 50-х гг. XX века. Анализ результатов всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг. показал, что в рассматриваемый период численность сельского населения сократилась на 17,1 млн человек, в то время как численность городского населения выросла на 46,9 млн.

В ходе индустриализации и активного промышленного освоения территории РСФСР число сельских поселений постоянно сокращалось. В период с 1939 по 1979 гг. страна потеряла более половины поселений сельского типа, что было связано в значительной мере с оккупационной деятельностью Третьего Рейха в годы Великой Отечественной Войны. Вместе с тем, в послевоенные годы шёл процесс укрупнения поселений вместе с ростом промышленного производства и открытием новых предприятий. Активная урбанизация привела к присвоению статуса города тысячам населённых пунктов в связи с утратой сельскохозяйственной специализации [1-4].

Характерно, что после распада СССР, с 1992 по 1996 гг. произошло незначительное увеличение доли сельского населения в стране (+0,9%), что, по нашему мнению, может быть результатом масштабных миграционных потоков русскоязычного населения и беженцев из стран бывшего СССР. В период же с 1989 по 2001 гг. сельское население увеличилось на 200 тыс. человек, а доля ко всему населению России выросла с 26 до 27%. Последующие десятилетия продемонстрировали устойчивое демографическое сжатие сельских территорий и уже в межпереписной период 2001-2010 гг. отмечается сокращение численности сельского населения на 1,2 млн человек. Наконец, третья декада существования современной России продемонстрировала падение численности сельского населения, которое в период с 2010 по 2020 гг. сократилось на более чем 400 тыс. человек.

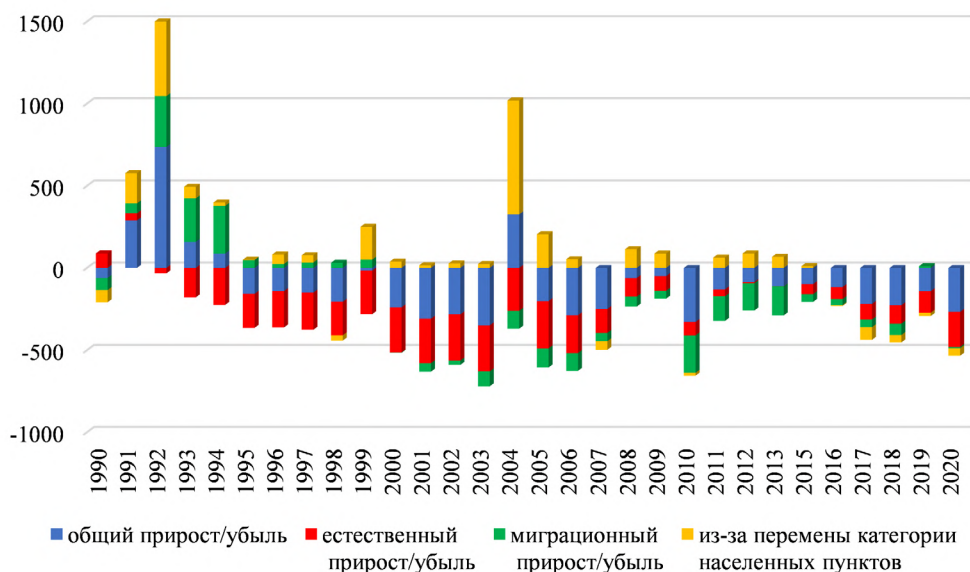
В межпереписной период 2002 и 2020 гг. численность сельского населения сократилась на 1,6 млн человек, а доля сельского населения в общей численности населения в рассматриваемый период сократилась с 27 до 25% (см. рис. 2).

Рисунок 2. Динамика численности и доли сельского населения Российской Федерации и РСФСР в 1897-2021 гг. (по данным переписей населения)

Относительно компонентов прироста/убыли населения за последние тридцать лет наблюдается постоянная естественная, миграционная и общая убыль сельского населения (см. рис. 3).

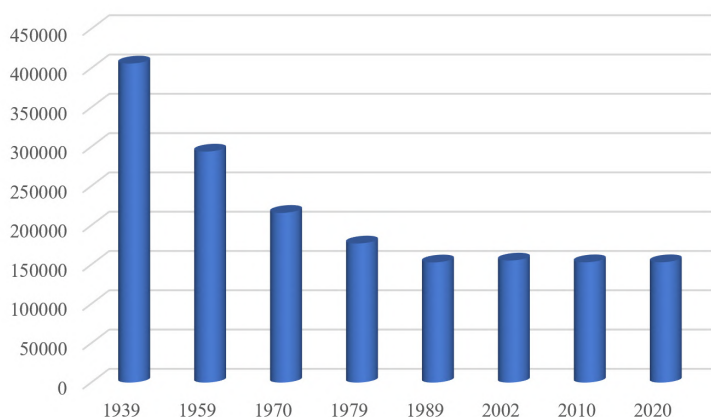

Рисунок 3. Компоненты роста/сокращения численности сельского населения в России в 1990-2020 гг. (тыс. чел.)

Источник: Демографический ежегодник России 2021 [5].

В 1990-е и первую половину 2000-х годов сокращение численности рассматриваемых поселений было во многом обусловлено естественной убылью населения. В этом случае, данный показатель коррелирует с общероссийскими значениями. Вопреки расхожему мнению, что главным фактором сокращения сельского населения является миграция, данные текущего учета свидетельствуют об обратном – именно естественная убыль стала основной причиной (более 56% от всех причин), обусловив в период 1990-2020 гг. сокращение численности сельского населения почти на 4,5 млн человек.

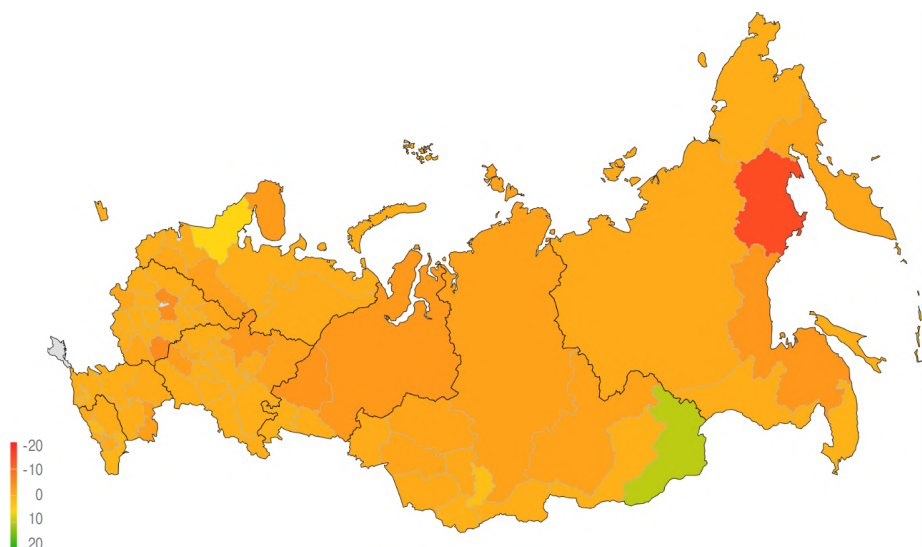
Рассматривая динамику численности сельских населенных пунктов, обращают на себя внимание две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, в период с 1959 по 2020 гг. численность сельских населенных пунктов сократилась более чем на 140 тыс. или практически наполовину. С другой стороны, заметна тенденция стабилизации динамики численности сельских населенных пунктов в период 1989-2020 гг. (см. рис. 4).

Рисунок 4. Динамика числа сельских населенных пунктов в РСФСР и РФ в 1939-2020 гг. (по данным переписей населения)

Незначительное изменение числа сельских населенных пунктов с 1989 по 2020 гг. указывает на две ключевые особенности данного периода. Во-первых, в связи с общим упадком экономики в 1990-е годы перестают открываться новые промышленные предприятия. Населенным пунктам намного реже присваивают статус города. В отдельных случаях сёла становятся городами в результате административных реформ. Во-вторых, ранее присвоенный статус города, как оказалось, редко имеет обратное действие. Если в городе закрылось единственное промышленное предприятие, а население значительно сократилось и занято в основном в сельском хозяйстве, населенный пункт официально не считается сельским. В отдельные годы прирост численности был связан с изменением статуса населенных пунктов. В частности, в 2004 г. численность сельского населения приросла за счёт реализации реформы местного самоуправления [4]. Однако данный пример динамики числа сельских населенных пунктов не должен вводить в заблуждение. Так как в межпереписной период 2010 и 2020 гг. число сельских населенных пунктов без населения увеличилось на 5 тыс. 335 единиц или выросло на 27%.

Рассматривая данный показатель в региональном разрезе, стоит отметить, что в 39 субъектах РФ в межпереписной период 2010-2020 гг. было отмечено сокращение числа сельских поселений и только в трёх – заметный рост (Республика Хакасия, Республика Карелия, Забайкальский край) (см. рис. 5).

Рисунок 5. Динамика численности сельских населенных пунктов в регионах РФ в 2010-2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным Всероссийских переписей населения 2010-го и 2020-го годов.

Рассматривая же данные о динамике сельских населенных пунктов без населения, стоит отметить, что в 59 субъектах отмечен рост числа «брошенных» населенных пунктов. Наибольший рост числа подобных примеров в первую очередь характерен для Республики Хакасия, Забайкальского края, Республики Бурятия и Омской области (см. рис. 6).

Рисунок 6. Динамика сельских населенных пунктов без населения в регионах РФ в 2010-2020 гг.

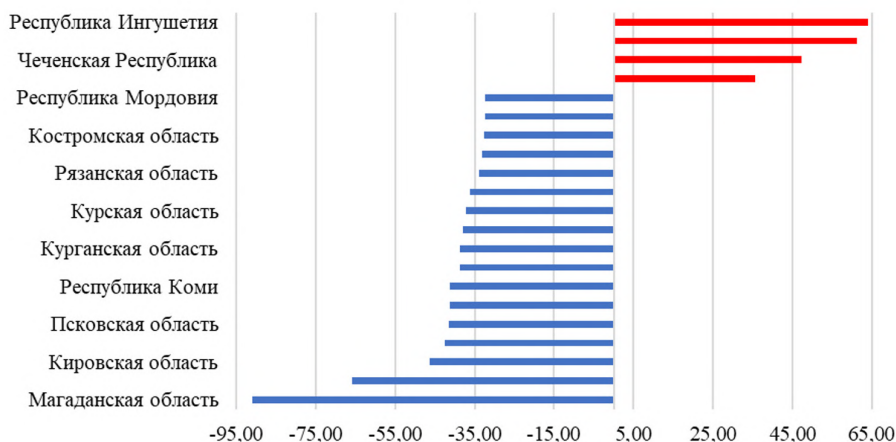
Источник: составлено авторами по данным Всероссийских переписей населения 2010-го и 2020-го годов.

Рассматривая тенденции динамики численности сельского населения на уровне федеральных округов и субъектов Российской Федерации в 2002-2020 гг., обращает на себя внимание выраженная региональная дифференциация как в степени урбанизированности, так и в разнонаправленности динамики изменения сельского населения. В соответствии с данными переписей населения можно выделить слабоурбанизированные территории с наименьшей долей сельского населения в численности населения округов (Центральный, Северо-Западный и Уральский ФО), округа со среднероссийскими значениями урбанизации территорий (Приволжский, Сибирский и Дальневосточный ФО), а также наименее урбанизированные округа с традиционно развитым сельским хозяйством (Северо-Кавказский и Южный ФО). При этом, в последних двух макрорегионах сложилась противоречивая тенденция, в соответствии с которой в ЮФО численность сельского населения в период 2002-2020 гг. увеличилась на 122% или на 2,87 млн, а в Северо-Кавказском она сократилась на 35% или снизилась на 2,62 млн человек. В целом, из восьми федеральных округов шесть демонстрируют сокращение сельского населения. Уральский ФО демонстрирует незначительный рост, а Южный ФО ярко выраженную положительную демографическую динамику.

Наибольший прирост в численности сельского населения в 1990-2020 гг. наблюдался в национальных республиках Северного Кавказа, с преобладанием традиционной хозяйственной деятельности. Естественный прирост в этих регионах был положительным последние тридцать лет. Вместе с тем, значительное сокращение численности сельских жителей вследствие падения рождаемости, роста смертности и пространственного сжатия территории на протяжении долго времени отмечается в староосвоенных регионах Европейской России с преобладанием русского населения (Кировская, Архангельская, Псковская, Мурманская, Курганская, Тверская и Курская области, а также Республика Коми и Ненецкий автономный округ). Однако наибольший уровень сокращения численности сельского населения отмечен на Дальнем Востоке (Магаданская область, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область) (см. рис. 7).

В случае с северными районами важным фактором, ведущим к оттоку населения, остается суровый климат и потеря привлекательности трудовой деятельности. Более детальное рассмотрение данных по субъектам Дальневосточного ФО позволяет заключить, что в каждом из них доля сельского населения снизилась. Подобная статистическая путаница возникла вследствие того, что Указом Президента России № 632 от 3 ноября 2018 года в состав федерального округа включены Республика Бурятия и Забайкальский край, ранее входившие в Сибирский федеральный округ и не учтённые в статистике 2010 года, что также обуславливает мнимое увеличение численности населения.

Также следует указать на то, что 2018 году был добавлен новый тип административно-территориального образования: «муниципальный округ», который должен был стать промежуточным звеном между «городским округом» и «муниципальным районом», предоставляя статус «сельской территории» и соответствующие льготы обширным «городским округам». Таким образом, имеющиеся у нас данные об изменении доли сельского населения даже немного завышены, вследствие указанных причин. Тем не менее, общий тренд прослеживается достаточно чётко: доля сельского населения сокращается по всей России [7, с. 73].

Рисунок 7. Регионы с наибольшим уровнем сокращения/роста сельского населения (более 1% в год) за период 1990-2020 гг. (в %)

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 [6].

Обсуждение. По данным Всероссийской переписи населения 2020, на текущий момент четверть населения России все ещё проживает в сельской местности, но оно покидает деревни угрожающими темпами. Молодое поколение предпочитает жить в городе, так как помимо лучших бытовых условий и условий оплаты труда, города являются центрами культуры, промышленности и финансов. Диверсифицированная экономика городов (в первую очередь крупных) привлекает сельских жителей.

Авторы считают, что в ближайшие годы Россия столкнется с еще более серьезной проблемой депопуляции сельской местности, что обусловлено как рекордно низким уровнем рождаемости и интенсивным старением населения, так и продолжающейся миграцией молодежи в крупные города. Проблема депопуляции сельской местности по-прежнему остается острой.

В сельской местности отсутствие карьерных перспектив и низкий спрос на рынке труда обусловлены тем, что крупные компании не заинтересованы в создании рабочих мест в регионах, предпочитая размещаться вблизи крупных городов. Формируется «замкнутый круг», когда сельские районы продолжают сокращаться по мере того, как молодежь переезжает в крупные города и численность сельского населения продолжает сокращаться. Важное значение имеет формирование благоприятного инвестиционного климата, предусматривающего наличие соответствующей правовой базы для потенциальных инвесторов и определенный уровень инфраструктуры для развития аграрного кластера.

Значительная часть специалистов считают, что необходимо возродить и развивать сельское хозяйство как один из наиболее важных секторов экономики для Российской Федерации в целом. Сельское хозяйство сегодня является одним из немногих секторов с потенциалом для реализации национальных проектов. Принятие экономической модели регулирования сельскохозяйственной деятельности соответствует сложившимся за последние 25 лет тенденциям усиления рыночных отношений в отрасли, их интеграции на региональном и федеральном уровне. Современное развитие сельского хозяйства, ориентированное на модернизацию с учетом современных требований к отечественному аграрному сектору и оценки перспектив его развития, может способствовать и устойчивому развитию регионов России.

Повсеместное строительство новых фермерских хозяйств, их реконструкция и модернизация, развитие современных технологий, создание привлекательных инвестиционных проектов и стимулирование частного производства — все это позволит не только улучшить производство сельскохозяйственной продукции, но также увеличить потенциал агропромышленного комплекса и качественно повысить уровень продовольственной безопасности Российской Федерации в будущем.

Развитие производственного сектора, ориентирующегося на сферу обслуживания, производство высокотехнологичных и экологически чистых видов продукции может привести к значительному росту занятости сельских жителей и повышению уровня их социальной и экономической значимости. В данном контексте главными направлениями госполитики развития сельской местности могут быть следующие направления [8, с. 15–16]:

- формирование современной сельской расселенческой структуры, соответствующей актуальным требованиям к инфраструктурному развитию;
- расширение потенциала аграрного комплекса на основе современных технологий земледелия и агрохимии;
- развитие малого и среднего бизнеса в сельской местности и поддержка гражданских инициатив;
- развитие импортозамещения в области производства и переработки сельхозпродукции для обеспечения продовольственной безопасности страны;
- расширение селитебной и рекреационной функции сельскохозяйственных территорий;
- развитие практики малоэтажного коттеджного строительства и приобретения сельскохозяйственных участков жителями городов в условиях «постковидного» перехода к дистанционным формам занятости, в т.ч. за счет реализации программы сельской ипотеки.

Выводы. В числе регионов сжатия выделяются, прежде всего, арктические территории, однако в эту группу территорий попадают и регионы, имеющие сельскохозяйственную специализацию, что говорит скорее о сжатии ввиду технологического перевооружения и организационно-экономических изменений в сельском хозяйстве, носящих долгосрочный характер. Это свидетельствует о необходимости планирования территориального развития мест демографического сжатия. Решение этих задач требует объединения усилий государства, бизнеса, общественных организаций, гражданского общества, всех заинтересованных сторон.

Из данных видно, что доля сельского населения сократилась во всех федеральных округах (от -0,7% до -2,9%) за исключением Дальневосточного федерального округа, где доля сельского населения выросла на 1,2%.

Важным фактором, определяющим демографические тенденции развития сельских территорий, стала корректировка экономических принципов организации сельского хозяйства — сокращение его субсидирования государством в постсоветское время, отказа от экономически необоснованного развития отрасли в регионах рискованного земледелия или дефицита кормовой базы, местях с усложненной логистикой или значительной удаленностью от рынков сбыта. Не менее важную роль сыграло и изменение технологического уклада сельского хозяйства, его автоматизация и роботизация, радикальное сокращение численности выскребаемых отраслью рабочих мест. В этом смысле начавшиеся процессы масштабной депопуляции сельских территорий имеют под собой и объективные организационно-экономические причины. Они в значительной степени отражают сосредоточение сельскохозяйственной деятельности в наиболее благоприятных

для этого территориях (Юг европейской части России, равнинный и предгорный Северный Кавказ, Центральное Черноземье, Юг Сибири и Дальнего Востока, ближняя и дальняя периферия крупных и крупнейших агломераций).

Проведённые в ходе исследования расчеты показывают преобладающую тенденцию депопуляции сельского населения в абсолютном большинстве регионов России. Только в 14 субъектах федерации, данные по которым доступны для сравнения, в 2010-2020 гг. наблюдается рост сельского населения. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что рост и здесь носит специфический характер – часто он связан с эффектами субурбанизации и развития городских агломераций (Московская, Ленинградская области, Краснодарский край, Адыгея, Калужская, Калининградская, Иркутская области, ХМАО) и/или также с административно-территориальными изменениями. Специфическими региональными факторами, имеющими региональный характер, выступили сохраняющийся высокий уровень фертильности в некоторых национальных республиках (Чечня, Тыва, Дагестан, КБР, в Ингушетии формально мы видим значительное сокращение сельского населения в связи с изменением системы учета).

Одновременно в большинстве регионов наблюдается (в соответствии с критериями, ранее сформулированными с участием авторов) пространственное сжатие сельского населения [3, с. 74–75], из которых в 11 субъектах федерации оно носит ускоренный характер. Среди регионов ускоренного сжатия выделяются прежде всего арктические территории (Магаданская область, республика Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ, Архангельская область). С учетом уже имеющейся низкой базы сельского населения в этих территориях можно говорить, что жизнь людей в этих местах концентрируется только в населенных пунктах городского типа. Радикально сокращается количество сельского в сопредельных Кировской и Костромской областях. Однако в эту группу территорий попадают и регионы, имеющие и сельскохозяйственную специализацию (Курганская область и Еврейская автономная область).

Схожие профили наблюдаются и в 17 регионах умеренного сжатия сельского населения. В эту группу вошли не только территории, рассматриваемые традиционно как регионы с низкой рентабельностью и продуктивностью сельскохозяйственного производства (Чукотка, Ивановская, Новгородская, Псковская, отчасти Свердловская, Тверская, Нижегородская, Красноярский край, Кемеровская область), но и большое число регионов с наличием выраженного аграрного профиля (Алтайский край – сжатие 17,36%, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Калмыкия, Мордовия, Чувашия, Марий Эл, Саратовская, Пензенская, Тульская, Забайкальский край – 17,89%, Омская, Амурская область, Хабаровский край). Их наличие в данной группе говорит скорее о сжатии ввиду технологического перевооружения и организационно-экономических изменений в сельском хозяйстве, носящих долгосрочный характер.

Библиографический список

1. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е гг. Москва : Институт Российской истории РАН, 1996. 216 с. EDN [XXOAGX](#).
2. Карпушина И. Б., Мелентьева А. П. Политика ликвидации «неперспективных» деревень и ее социально-демографические последствия в Западной Сибири (1960-1980-е гг.) // Сибирская деревня: проблемы истории : материалы Пятой междунар. науч.-практич. конф. «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (Омск, 30–31 марта 2004). Омск : ОИИФФ СО РАН, 2004. С. 171–185. EDN [VEERAX](#).
3. Мазур Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25. EDN [OWPQVV](#).

4. *Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня (1960 – середина 80-х годов) // Судьбы российского крестьянства. Москва : РГГУ, 1996. С. 436–462.

5. Демографический ежегодник России 2021: Статистический сборник. Москва : Росстат, 2021. 167 с.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Статистический сборник. Москва : Росстат, 2021. 1112 с.

7. *Маркварт Э., Безвербный В. А., Ситковский А. М.* Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии. Москва : ИД «Дело», 2021. С. 63–93. EDN [UENSFM](#).

8. *Вартанова М. Л.* Современное состояние внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство: российская практика // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3-4. С. 12–17. DOI [10.38085/2308829X-2019-3-4-12-17](#). EDN [FYRJQE](#).

Дата поступления в редакцию: 14.10.2022.

Принята к печати: 02.11.2022.

Сведения об авторах:

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; старший научный сотрудник Центра территориальных изменений и городского развития, Институт прикладных экономических исследований, РАНХиГС.

Москва, Россия.

e-mail: vadim_ispr@mail.ru

Author ID РИНЦ: 539479

ORCID: 0000-0002-3148-7072

Researcher ID (WoS): O-1050-2016

Scopus ID: 57195734612

Максимов Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, руководитель Центра территориальных изменений и городского развития, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС; председатель Комиссии по территориальному развитию и местному самоуправлению, Общественная палата Российской Федерации.

Москва, Россия.

e-mail: amaksimov77@gmail.com

V. A. Bezverbny^{1,2}, A. N. Maksimov^{2,3}

¹ Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

³ Civic Chamber of the Russian Federation.

Moscow, Russia.

DEPOPULATION TRENDS OF RURAL AREAS OF THE RUSSIAN FEDERATION ACCORDING TO THE RUSSIAN CENSUS 2020

Abstract. Based on the published data of the Russian Census 2020, as well as previous population censuses, the article calculates the dynamics of the rural population in all federal districts and constituent entities of the Russian Federation. The rural population in Russia is rapidly declining both in absolute and relative terms. Analysis of the results of the population censuses of 1959 and 1989 showed that in a period the rural population decreased by 17.1 million people, while the urban population increased by 46.9 million. According to the 2002 and 2020 censuses, the rural population decreased by 1.6 million people, and the share of the rural population in the total population in the period under review decreased from 27 to 25%.

From the data obtained, it became clear that the share of the rural population decreased in all federal districts (from -0.7% to -2.9%), with the exception of the Far Eastern Federal District, where the share of the rural population increased by 1.2%. Only in 14 subjects of the federation there is an increase in the rural population in 2010-2020, but here it is also associated with the effects of suburbanization and the development of urban agglomerations, with administrative-territorial changes or increased fertility in some national republics. At the same time, in most regions (38 of those under consideration) there is a spatial contraction of the rural population, of which in 11 subjects of the federation it is of an accelerated nature. The article also presents the author's recommendations for changing the vector of demographic development of rural areas in Russia.

Keywords: rural areas; rural population; depopulation; demographic shrinking; regions; municipalities; Russian Federation.

For citation: Bezverbny V. A., Maksimov A. N. (2022) Depopulation trends of rural areas of the Russian Federation according to the Russian Census 2020. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 4. Pp. 150–161. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.12

References

1. Denisova L. N. (1996) *Ischezayushchaya derevnya Rossii: Nechernozem'e v 1960-1980-e gg.* Moscow, Institute of Russian History RAS. 216 p. (in Russ.).
2. Karpunina I. B., Melentjeva A. P. (2004) Policy of liquidation of “unpromising” villages and its socio-demographic consequences in Western Siberia (1960-1980s). In: *Sibirskaya derevnya: problemy istorii: materialy Pyatoi mezhdunar. nauch.-praktich. konf. «Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya»* (Omsk, 30-31 March 2004). Omsk, OIIF SO RAS. Pp. 171-185 (in Russ.).
3. Mazur L. N. (2005) The Policy Of A Reconstruction Of The Russian Countryside (Late 1950s –1980s). *Otechestvennaya istoriya*. No. 3. P. 25 (in Russ.).
4. Nikitaeva E. B. (1996) Vanishing Village (1960 –mid-1980s). In: *Sud'by rossiiskogo krest'yanstva* [The Fates of the Russian Peasantry]. Moscow, RSHU Publ. Pp. 436–462 (in Russ.).
5. *The Demographic Yearbook of Russia 2021*. Statistical book. Moscow, Rosstat Publ. 2021. 167 p. (in Russ.).
6. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021*. Statistical book. Moscow, Rosstat Publ. 2021. 1112 p. (in Russ.).
7. Marquart E., Bezverbny V. A., Sitkovsky A. M. (2021) Spatial compression of territories of the Russian Federation: concept, criteria, system of indicators. In: *Goroda budushchego: prostranstvennoe razvitiye, souchastvuyushchee upravlenie i tvorcheskije industrii* [Cities of the Future: Spatial Development, Co-Development, and Creative Industries]. Moscow, Publ. House “Delo”. Pp. 63–93 (in Russ.).
8. Vartanova M. L. (2019) Current state of implementation of digital technologies in agriculture: Russian practice. *Science. Culture. Society*. Vol. 25. No. 3-4. Pp. 12–17. DOI 10.38085/2308829X-2019-3-4-12-17 (in Russ.).

The article was submitted on October 14, 2022.

Accepted on November 02, 2022.

Information about the authors:

Vadim A. Bezverbny, Candidate of Economics, Deputy Director, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Senior Researcher at the Research Center for Territorial Changes and Urban Development, Institute for Applied Economic Research, RANEPА. Moscow, Russia.

e-mail: vadim_ispr@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3148-7072

Researcher ID (WoS): O-1050-2016

Scopus ID: 57195734612

Andrey N. Maksimov, Candidate of Law, Head of the Research Center for Territorial Changes and Urban Development, Institute for Applied Economic Research, RANEPА; Chairman of the Commission on Territorial Development and Local Self-Governance, Civic Chamber of the Russian Federation. Moscow, Russia.

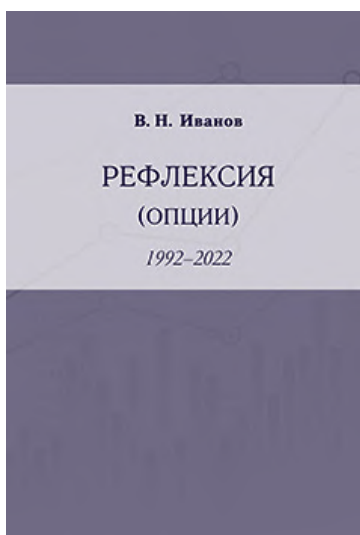
e-mail: amaksimov77@gmail.com

К ВЫХОДУ КНИГИ В. Н. ИВАНОВА «РЕФЛЕКСИЯ (ОПЦИИ), 1992-2002»

Аннотация. Редакция журнала «Наука. Культура. Общество» поздравляет Вилен Николаевича Иванова с выходом новой книги «Рефлексия (опции), 1992-2002», а также с вручением заслуженных наград: литературно-художественной премии в честь 200-летия Ф. М. Достоевского «Жизнь задыхается без цели» (с вручением одноименной медали) и премии «Наш век» имени великого поэта и дипломата Ф. И. Тютчева.

Ключевые слова: Вилен Иванов; поздравление; премия.

27 сентября 2022 года в Институте социальных и политических исследований ФНИСЦ РАН состоялся круглый стол «К 30-летию исследования российских реформ в ИСПИ ФНИСЦ РАН», посвященный обсуждению новой книги члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника ИСПИ ФНИСЦ РАН, члена Союза писателей России **В. Н. Иванова «Рефлексия (опции), 1992-2002»**. Москва: У Никитских ворот, 2022. 172 с. ISBN 978-5-00170-675-5.

В организации и проведении круглого стола приняли участие также члены Совета по науке, культуре и публицистике при Московской городской организации Союза писателей России, сотрудники Военного университета Министерства обороны РФ и Центрального дома Российской армии им. М. В. Фрунзе.

С вступительным словом выступил директор ИСПИ ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук Виктор Константинович Левашов. В. Н. Иванов выступил с докладом «Социальный и политический смысл реформирования: замыслы, результаты, перспективы», в котором изложил ключевые тезисы, отраженные в книге, подытоживающей тридцать лет исследований Института и его личного творчества. Последующую за выступлением дискуссию открыл директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук Михаил Федорович Черныш, высоко оценивший научное и литературное творчество В. Н. Иванова.

Выступившая вслед за ним секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Заслуженный работник культуры РФ Марина Замотина рассказала о принятом несколько месяцев назад решении МГО СП России отметить творческую деятельность В. Н. Иванова литературно-художественной премией в честь 200-летия Ф. М. Достоевского «Жизнь задыхается без цели» с вручением одноименной медали, а также о награжде-

нии В. Н. Иванова премией «Наш век» имени великого поэта и дипломата Ф. И. Тютчева за книгу «Рефлексия (опции), 1992-2002».

Особое внимание участники уделили литературному и поэтическому творчеству В. Н. Иванова в последнее время. Член-корреспондент Академии военных наук Эдуард Борисович Родюков отметил вклад В. Н. Иванова в тему «Бессмертного полка», процитировав строки из недавно изданного сборника:

*Война Великая уходит в даль времён,
Но мы о ней не забываем,
И всех погибших вспоминаем,
И этой памятью живём.*

Профессор Воронежского Университета, доктор политических наук Любовь Николаевна Алисова рассказала об использовании поэтического творчества В. Н. Иванова в учебном процессе и процитировала выдержки из книги В. Н. Иванова «Современная Россия: взгляд экспертов и поэта».

Доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук, профессор Военного Университета Министерства обороны Российской Федерации Владимир Валентинович Попов рассказал о значении исследований и поэтического творчества В. Н. Иванова в патриотическом воспитании молодежи, особенно актуальном в условиях специальной военной операции на территории Украины.

В заключении В. Н. Иванов поблагодарил участников круглого стола за их выступления, сделанные оценки и предложения и пригласил к участию в очередном заседании Совета по культуре, науке и публицистике при МГО СПР, где будет продолжено обсуждение темы безопасности современной России.

Книга В. Н. Иванова вызвала заметный интерес в широких общественных кругах. Как отметил в своей рецензии главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев, книга В. Н. Иванова «Рефлексия (опции), 1992-2002» – это книга «человека неравнодушного, человека, любящего Россию больше, чем самого себя. Он прошел долгий жизненный путь. И этот путь счастливо превратился в творчество и науку. Он воспринимает поэзию как лучшее, что человек способен создать и науку, как то, без чего мир не устоит. И решаясь на рискованный их синтез под одной обложкой, он, без всякого сомнения, выигрывает»¹.

Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество»

TO THE RELEASE OF V. N. IVANOV'S BOOK "REFLEXION (OPTIONS), 1992-2002"

Abstract. Editorial Board of the journal "Science, Culture, Society" congratulate Vilen Nikolaevich Ivanov on the publication of his new book "Reflexion (Options), 1992-2002" and on the presentation of his deserved awards: the literary-artistic prize devoted to the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky "Life suffers without purpose" (with the medal of the same name), and "Our Century" award named after the great poet and diplomat F. I. Tyutchev.

Keywords: Vilen Ivanov; congratulations; awards.

¹ Замшев, М. Рискованный синтез // Литературная газета. № 43 (6857) от 26.10.2022. 15 полоса.

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован Роскомнадзором
(ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30.06.2021).

Учредители:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:
В. К. Левашов

Ответственный секретарь:
О. В. Гребняк

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<http://www.journal-scs.ru/>

Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) Включён в перечень ВАК по социологическим и политическим отраслям науки

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2713-0681

Подписано к использованию 15.12.2022 г.

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
тел.: +7(499) 530-27-32
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru